

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2015

№4 (146)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2015

№4 (146)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

В. В. Макерова,
канд. филос. наук, доц.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»		
<i>Зудова Е. О.</i> Реализация региональной политики Европейского союза и участие регионов Испании и Португалии в программах территориального сотрудничества 6	<i>Горбатова Ю. В.</i> О некоторых трудностях упрощенных версий онтологического аргумента 72	
<i>Корьякина Е. Ю.</i> Ближний Восток накануне событий «арабской весны»: взгляд германских экспертов..... 12	<i>Горбатов В. В.</i> «Аргумент зомби» и проблема априорной выводимости.....82	
<i>Гузикова М. О., Вершинина Т. С.</i> Языковые политики идентичности в России и в Европе: компаративный анализ.....20	<i>Кислов А. Г.</i> К вопросу о языке логики утверждения событий 92	
<i>Емельянов Е. П.</i> Влияние советской историографии на зарубежную русистику на примере творчества Н. В. Устюгова и Р. Портала 24	КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ — LIFE LONG LEARNING: ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»	
КОНФЕРЕНЦИЯ «СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ»		
<i>Лысенко О. В.</i> Об успешных «гуманитариях» и неуспешных «технарях». По материалам эмпирических исследований.....30	<i>Böhm J.</i> Life Long Learning and the Recognition of Informally Acquired Skills 100	
<i>Пискунова Л. П., Старостова Л. Э.</i> «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты 40	<i>Агапов О. Д.</i> Будущее гуманитарных наук в контексте процессов модернизации 109	
<i>Бурбулис Ю. В.</i> «Онтологический поворот» в современной социальной теории: теоретико-методологические предпосылки 53	<i>Гайнуллина Л. Ф., Яковлева Е. Л.</i> Принцип гуманизации в образовании и трансформация идей гуманизма в современном обществе 114	
КОНФЕРЕНЦИЯ «uAnalytiCon-2015: ОБЪЕКТЫ И СТРУКТУРЫ»		
<i>Дидикин А. Б.</i> Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма 66	КОНФЕРЕНЦИЯ «ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»	
	<i>Keçici G.</i> The Impact of the Migration on the Economic Development and International Trade 124	
	<i>Титаренко Л. Г.</i> Постсоветская трудовая миграция в рамках «мобильного поворота» 135	
	<i>Грунт Е. В., Журавлева-Леенаф О.</i> Культурная идентичность русскоязычных эмигрантов в современной Франции 145	
	<i>Куропятник М. С.</i> Коренные народы и мигранты: паттерны репрезентации культуры в контексте глобализации 154	
	Авторы номера 161	
	Summary 163	

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНВЕНТ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВ И МНОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕРНОСТИ»

В апреле 2015 г. в Институте социальных и политических наук нашего университета состоялся Третий Международный конвент «Модернизация обществ и множественные модерности». В настоящем номере представлены статьи, подготовленные авторами для журнала на основе их докладов на конференциях конвента.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРОПА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»

УДК 327.5 + 323.1(460) + 323.1(469)

Е. О. Зудова

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И УЧАСТИЕ РЕГИОНОВ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ В ПРОГРАММАХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассматривается опыт реализации политики в отношении регионов, проводимой Европейским союзом на современном этапе. Особое внимание уделяется программам и проектам, в которых принимают участие регионы стран Пиренейского полуострова, а также инициативам испанских и португальских регионов в процессе евроинтеграции. В данном контексте анализируются вектор сотрудничества регионов в общеевропейском пространстве, а также возможность их трансграничной и транснациональной кооперации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, Европа, региональная политика, регионы, Испания, Португалия.

С начала формирования Европейский союз был и остается главной заинтересованной стороной в процессе смягчения региональных диспропорций, устранения барьеров и поддержки регионов стран-участниц. Это связано прежде всего с установлением экономической и культурной интеграции в качестве основы для создания общеевропейского пространства.

Что касается особых европейских регионов, расположенных на периферии, в частности территорий стран Пиренейского полуострова, они — в силу особых причин: географических, исторических и экономических — сталкиваются с определенными проблемами, которые создают сложности для стабильного роста таких регионов.

Именно для решения подобных проблем, смягчения региональных различий и усиления регионов и территорий Европы вводятся в действие программы территориального сотрудничества.

В настоящее время в общеевропейском пространстве реализуется множество программ и проектов, направленных на кооперацию регионов. Примечательными

в отношении стран Пиренейского полуострова можно назвать три подобные программы, рассчитанные на период 2014–2020 гг.:

– программа территориального сотрудничества в Средиземноморском регионе «INTERREG MED 2014–2020»;

– программа территориального сотрудничества юго-западного европейского пространства «SUDOE»;

– программа транснационального территориального сотрудничества архипелагов Мадейра и Азорские острова (Португалия) и Канарских островов (Испания).

В рамках территориального сотрудничества в Средиземноморском регионе области Испании и Португалии участвуют в программе сотрудничества «INTERREG MED 2014–2020». Со стороны Испании в программе принимают участие регионы Андалусия, Арагон, Каталония, Мурсия, Валенсия, Балеарские острова, Сеута и Мелилья. Португальскими регионами–участниками программы являются Альгарве и Алентехо.

Программа представляет собой транснациональный проект европейского территориального сотрудничества в Средиземноморском регионе, финансируемый ЕС и являющийся инструментом региональной политики в новый программный период. Всего в программе участвуют 57 регионов из 10 стран ЕС. Бюджет программы составляет около 265 млн евро (из которых 224 млн выделяет Европейский фонд регионального развития) [4].

Особое внимание «INTERREG MED» уделяет:

– прибрежным территориям с высокой концентрацией деятельности и значимыми природными и культурными ресурсами, которые могут находиться под угрозой разрушения;

– городским агломерациям как центрам социально-экономической деятельности и кластерам инноваций, в том числе территориям, которые сталкиваются с экологическими проблемами: загрязнением среды и т. д.;

– островным территориям (которые в общей сложности занимают 4 % общей территории Средиземноморья), представляющим особый интерес в экономическом, экологическом и культурном измерении программы;

– сельским регионам с низкими показателями развития, обусловленными географической изоляцией и/или демографическими и экологическими угрозами.

Программа направлена на усиление транснационального и регионального сотрудничества в Средиземноморском регионе и ставит перед собой следующие задачи:

1) увеличение способности Средиземноморского региона к производству инноваций для обеспечения устойчивого развития;

2) поощрение развития низкоуглеродных технологий и повышения энергоэффективности на особых территориях: в городах, на островах и в отстающих областях;

3) защита и развитие природных и культурных ресурсов;

4) создание общего Средиземноморского пространства в контексте евроинтеграционных процессов.

Приоритетными для программы являются области информационно-компьютерных технологий, социальных инноваций, информационного и научного менеджмента, территориального развития и охраны окружающей среды.

Примечательным проектом программы является проект «CupFire. Barriers of cypress: a preventive and economic measure against forest fires» («Организация защитных барьеров и высадка кипарисов против лесных пожаров: целесообразное экологическое и экономическое решение в рамках защиты Средиземноморских регионов»), объединивший 12 партнеров из 9 стран с целью развития новой стратегии противостояния лесным пожарам в Средиземноморском регионе. Проект «Как одно дерево может спасти другие?» получил софинансирование программы «MED» и инициировал высадку защитной полосы кипарисов как наиболее устойчивых к пожарам деревьев.

В проекте приняли участие региональные власти, научно-исследовательские институты и университеты Италии (Сицилия, Тоскана (провинция Сиена)), Франции (Корсика), Португалии (Алгарве, Лиссабон), Испании (Валенсия), Греции (Крит), Мальты. Партнерами проекта стали Национальный исследовательский институт лесных и водных ресурсов Туниса, Еврейский университет в Иерусалиме (Израиль), Университет Акдениз (Анталия, Турция).

Проект был инициирован после того, как в июле 2012 г. пожар уничтожил растительность на площади в 20 тыс. акров в регионе Валенсия (Испания). Однако посреди огромной выжженной территории сохранился сегмент из 946 кипарисов. Участок из сохранившихся при пожаре деревьев, которые, как оказалось, могут настолько противостоять стихии, был объявлен экспериментальной площадкой проекта.

Партнеры, объединившиеся в рамках проекта «CupFire», оценили пользу для сохранения экосистемы, которую кипарисы могут принести в условиях лесных пожаров. Исследования показали невероятную устойчивость кипариса к стихийным бедствиям, поэтому было решено высадить защитные барьеры из этих деревьев в регионах, наиболее подверженных лесным пожарам.

Печальный инцидент, произошедший в Валенсии, позволил инициировать проект по сохранению окружающей среды в Средиземноморье и борьбе с пожарами в странах этого региона. Программа «MED» одобрила «CupFire» и поддержала финансирование данного проекта, как и шести других инициатив по сохранению лесов в Средиземноморье, поскольку одной из рабочих целей программы является предотвращение экологических бедствий и борьба с экологическими рисками.

Суммарный бюджет проекта составил 1,330 млн евро, из которых 1,012 млн внес в рамках софинансирования Европейский фонд регионального развития (European Regional Development Fund, ERDF) и 318 тыс. евро — регионы-участники [5].

Проект «CupFire» развивался как интегрированная модель, основанная на научных знаниях и информации, полученной при изучении экспериментального участка кипарисов, выживших при пожаре. Целью проекта стало создание технологии регионального уровня для борьбы с лесными пожарами в Средиземноморье. Проект был подразделен на четыре последовательные стадии от изучения и разработки инновационных технологий по борьбе с лесными пожарами до их применения на практике.

Работа в рамках данного проекта продолжается и в настоящее время. В конце 2014 — начале 2015 г. в регионе Валенсия (Испания) предполагалось разместить

экспериментальный участок из 10 тыс. отобранных по различным характеристикам кипарисов и продолжить изучение. Такой эксперимент даст возможность отследить эффективность защитной полосы в противостоянии пожарам, сохранении флоры и фауны, борьбе с экологическими рисками и климатическими изменениями [2].

Также в рамках реализации программы регионального сотрудничества «INTERREG MED» можно выделить проект «AGRO-ENVIRONMED», направленный на создание технологической и экологической платформы для агросектора в Средиземноморском регионе.

Партнерство включает региональные власти, технологические и инновационные центры, ассоциации предпринимателей из 11 регионов и 6 стран Средиземноморья (Португалия (Ассоциация предпринимателей Алентехо), Испания (Технологический институт Андалусии, Департамент окружающей среды, водного и коммунального хозяйства Валенсии), Италия, Франция, Греция, Словения), которые работают вместе для развития деятельности в пяти аграрных субсекторах: производство оливкового масла, вина, мяса, фруктов и овощей и молочных продуктов [1].

Проект предполагает продвижение экоинноваций в компаниях, принадлежащих к агропищевому сектору, и развитие и трансфер технологий в области окружающей среды. Предполагается, что агрокомпании объединят усилия в сокращении вредных выбросов при производстве продукции, в сохранении природных ресурсов и улучшении качества жизни в городах.

В 2012 г. результаты работы проекта были представлены в рамках техноэкологической платформы в агро- и пищевом секторе Средиземноморского региона на международной конференции «Экоинновации: ключевой фактор агропищевом сектора», организованной в ходе работы ежегодной экологической выставки ECOFIRA. В конференции приняли участие компании, работающие в агро-, пищевой и экологической отрасли, университеты и европейские эксперты.

Программа территориального сотрудничества юго-западного европейского пространства «SUDOE» поддерживает региональное развитие в рамках софинансирования проектов при поддержке Европейского фонда регионального развития.

В новом поколении программы «SUDOE» участвуют Испания, Франция, Португалия и Гибралтар (Великобритания) при финансовой поддержке структурных фондов ЕС. Зона сотрудничества объединяет 30 регионов и автономных единиц и включает население около 60 млн человек. Среди выбранных регионов присутствуют как более индустриально и экономически развитые районы (Мадрид, Страна Басков (Испания), Центр, Лиссабон (Португалия), Аквитания, Средние Пиренеи, Лангедок-Руссильон (Франция), Гибралтар (Великобритания)), так и отстающие, периферийные и островные территории (Балеарские острова, Андалусия, Мурсия, автономные города Сеута и Мелилья (Испания), Алентехо (Португалия)) [3].

В рамках стратегии непрерывного развития программа «SUDOE» утвердила следующие приоритеты работы: продвижение инноваций и учреждение стабильных связей между территориями; защита и сохранение окружающей среды и природных ресурсов; доступность и укрепление информационной сети; устойчивое развитие городских агломераций.

Территория для реализации программы была обозначена как пространство для совместной работы в целях повышения конкурентоспособности регионов, включая экологию, инновации, инфраструктуру, гармоничную интеграцию в ЕС, сбалансированный рост и общее улучшение социально-экономической ситуации отдельных районов Европейского союза.

Примечательными в рамках программы «SUDOE» являются такие проекты, как, например, проект «EIBT-SUDOE» — «Транснациональное сотрудничество в области создания и развития спин-офф компаний на базе технологий и их интеграция в экономику пространства “SUDOE”» («Cooperación transnacional para la generación y desarrollo de Spin-offs de base tecnológica (EIBT) y su integración en la economía del SUDOE»).

Целью проекта «EIBT-SUDOE» было улучшение систем создания и развития спин-офф компаний на базе имеющихся технологий в регионах «SUDOE». Предполагалось внести значительный вклад в образование и консолидацию новых компаний и их внедрение в региональную и транснациональную экономику, облегчить процесс их образования и развития и создать для этого методологическую базу, способствовать созданию рабочих мест, новых связей между территориями и инноваций.

В настоящее время проект продолжает свое действие, активизируя исследование и применение бизнес-инициатив в выбранной области.

В 2014 г. получила продолжение Программа транснационального территориального сотрудничества архипелагов Мадейра и Азорские острова (Португалия) и Канарских островов (Испания) «Transnational Cooperation Programme Madeira-Açores-Canarias (MAC) 2014–2020».

Программа объединяет три островные территории в Атлантическом океане с долгосрочной целью не только повысить объем и качество сотрудничества между данными регионами, но также усилить их социально-экономические и культурные связи с ближайшим географическим окружением (Европой и Африкой).

Финансирование программы «Мадейра — Азоры — Канарские острова» осуществляет Европейский фонд регионального развития.

Помимо долгосрочных целей по усилению сотрудничества программа «MAC 2007–2013» определила следующие специальные задачи:

- развитие сектора R&D+I (исследования, технологическое развитие, инновации и информационное общество);
- повышение уровня безопасности прибрежных территорий и улучшение качества управления морскими ресурсами;
- устойчивое распределение водных ресурсов и энергии (в частности, из возобновляемых источников);
- улучшение инфраструктуры институционального сотрудничества с государственными органами и представителями бизнеса для данных регионов и третьих стран [6].

Одним из осуществляемых в рамках программы «MAC» проектов является «GESPORT project» — «Евро-Африканское партнерство в портовом секторе». Лидерство в проекте взяло на себя руководство порта Санта-Крус острова Тенерифе (Канарские острова). Главная цель — развитие архипелагов в качестве

Атлантической платформы для фрахтования и других портовых услуг. Важная роль отводится укреплению отношений между самими регионами, а также связей регионов с третьими странами и обмену опытом в области портового менеджмента, повышения квалификации работников, улучшения окружающей среды и модернизации портовой инфраструктуры. Партнерами порта-лидера стали порты островов Лас-Пальмас и Мадейра, порт Гамбии и Кабо-Верде, а также автономные порты Дакара, Нуадибу и Нуакшота.

Региональное сотрудничество — сложный и трудоемкий процесс. В рамках ЕС наиболее логичным направлением региональной политики остается развитие трансграничного партнерства: крепких и устойчивых связей между регионами из разных стран, близкими по географическому положению (например, соседствующими/граничащими друг с другом), а также сходными по уровню социально-экономического развития, отраслевой структуре хозяйства и другим признакам. Важно, что такие программы, как «INTERREG MED», «SUDOE» и «MAC», развивают транснациональное и международное сотрудничество регионов в долгосрочной перспективе на основе добрососедства и культурной и экономической интеграции.

---

1. AGRO-ENVIRONMED. Leaders in eco-innovation [Electronic resource]. URL: http://www.agroenvironmed.eu/?q=about_the_project (accessed: 25.03.2015).

2. «CypFire» project published first results [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/environment/nature/natura2000/platform/news/news-archive/121_cypfire_project_en.htm (accessed: 28.04.2015).

3. Qué es el programa SUDOE? [Electronic resource]. URL: <http://www.interreg-sudoe.eu/ESP/d/111/El-Programa-SUDOE/Que-es-el-programa-SUDOE> (accessed: 28.04.2015).

4. MED PROGRAMME. Programme in short [Electronic resource]. URL: <http://www.programmemed.eu/en/the-programme.html> (accessed: 25.03.2015).

5. Multiple-rowed cypress barriers against fires: a feasible, ecological and economical solution for the protection of Mediterranean Regions [Electronic resource]. URL: http://www.programmemed.eu/en/the-projects/project-database/results/view/single.html?no_cache=1&idProject=92&cHash=7732ca27f5c3e4ea8e1697f2cf8fee43 (accessed: 28.04.2015).

6. PROGRAMA MAC 2007–2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.pct-mac.org/arboli/index.jsp?nivel=0&idPadre=9459f7d0f00a61a8f77ce369e303a462&id=9459f7d0f00a61a8f77ce369e303a462> (accessed: 28.04.2015).

Рукопись поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

УДК 327.2(430) + 325.8(62) + 325.8(612) + 325.8(533)

Е. Ю. Корьякина

БЛИЖНИЙ ВОСТОК НАКАНУНЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ВЗГЛЯД ГЕРМАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

В статье рассматриваются отношения ФРГ и ее основных стран-партнеров на Ближнем Востоке накануне событий, вошедших в историю под названием «арабская весна». Представлен подробный анализ германских оценок развития ситуации на Ближнем Востоке в начале XXI в. В статье рассматриваются отношения ФРГ с такими странами, как Египет, Ливия и Йемен, и анализируются различные оценки немецкой стороны по вопросу выхода из кризисной ситуации. В статье поставлен ряд вопросов, касающихся формирования новых подходов, которые ФРГ совместно со своими партнерами на Ближнем Востоке разрабатывает для выхода из политического и экономического кризисов. Автор приходит к выводу о том, что отсутствие единого подхода европейских стран к политическому кризису на Ближнем Востоке и недооценка последствий «арабской весны» не позволили принять комплексные меры для преодоления многостороннего кризиса в странах Ближнего Востока

Ключевые слова: ФРГ, европейская политика в странах Ближнего Востока, германский проект демократизации Египта, Ливия, Йемен, «арабская весна», политический кризис на Ближнем Востоке.

Политика европейских стран на Ближнем Востоке — наиболее актуальная тема исследования современных международных отношений. Регион вступил в XXI в. как самый нестабильный в мировой политике. Непрерывная конфронтация, шесть арабо-израильских войн и взрывоопасная обстановка не могут не привлекать внимания лидеров мировой политики. На рубеже XX–XXI вв. сформировалась так называемая европейская политическая стратегия урегулирования конфликтов в регионе. Поводом для оформления новой политической системы взаимодействия стран Европейского союза в регионе послужили такие события международного масштаба, как ближневосточный конфликт, иранская ядерная проблема, обсуждение вопроса о членстве Турции в ЕС, события «арабской весны». Интересы Европейского союза достаточно широки. Географическая близость к региону Ближнего Востока заставила европейские страны обратить внимание на следующие актуальные вопросы в регионе: экономическую нестабильность, торговлю наркотиками, международную преступность и ухудшение экологии. Европейский союз имеет тесные связи со странами Ближнего Востока (государственные и частные инвестиции, средиземноморский диалог стран ЕС, международная торговля). В связи с этим политика ЕС в отношении стран данного региона находится в постоянной трансформации.

Германия позиционирует себя в качестве основного европейского партнера на Ближнем Востоке [5, 89]. Немецкий внешнеполитический курс в течение последнего десятилетия кардинально менялся, особенно в контексте военных операций международных сил в регионе. Современная ситуация на Ближнем Востоке вынуждает ФРГ в очередной раз пересматривать свои взаимоотношения

со странами данного региона и выработать индивидуальные политические стратегии в отношении этих стран.

Современные события на Ближнем Востоке, по мнению многих германских экспертов, являются важным этапом в процессе формирования новой политической системы в странах арабского мира, на массовом уровне осознавшего необходимость перемен в общественно-хозяйственном устройстве жизни своих стран. Важнейшие события произошли за последние три года в данном регионе, и в современных международных отношениях появился новый термин, непосредственно связанный с Ближним Востоком, — «арабская весна». Точкой отсчета цепочки событий, которые всколыхнули весь мир, считают 17 декабря 2010 г., когда имел место акт самосожжения молодого безработного Мохамеда Буазизи [4]. Это событие спровоцировало массовую демонстрацию, которую власти жестоко пресекли. Затем волнения распространились по всему Египту и охватили другие страны, такие как Ливия и Бахрейн. Сегодня очень важным моментом в анализе всех произошедших событий будет являться переосмысление фактов, которые спровоцировали смену режимов в странах Ближнего Востока. Не стоит забывать, что взгляд назад может помочь сформировать иное видение событий, которые нашли столь весомый отклик в международном сообществе.

Масштаб народных волнений в разных странах был неодинаков. В Каире, по предварительным оценкам, на улицы выходило до 15 тыс. человек. Число жертв также было различно: в ранее упомянутом Египте наблюдатели называют цифру 150 убитых, что касается Ливии, где шли серьезные военные действия, то, согласно последним данным, количество жертв там насчитывается от 2 до 6 тыс. человек [1].

Практически все страны, находящиеся в кризисной ситуации, являлись хорошими партнерами ФРГ, и Германия не могла оставаться в стороне от происходящих событий. Германские аналитики отмечают ряд причин, вызвавших глобальный политический кризис в странах Ближнего Востока. Среди таковых называют особенности политических режимов в мусульманских странах, а также ухудшение социально-экономической ситуации: нищету, невозможность реальных демократических свобод, коррупцию на всех уровнях.

Вторая причина — растущий продовольственный кризис. Около 10 % германского экспорта на Ближний Восток приходится на продовольствие [5]. Однако в последнее время растущие цены на эти товары вынуждали правительства многих стран формировать продуктовый пакет за счет высоких субсидий, чтобы обеспечить доступность основных продуктов питания. И главный вопрос в этой ситуации — захотят и смогут ли страны Запада пойти навстречу своим средиземноморским соседям и помочь с финансированием новых реформ, учитывая непростую экономическую ситуацию в Европе сегодня. Также в государствах Ближнего Востока повсеместно наблюдаются безработица и отсутствие перспектив для молодежи. Эксперты отмечают, что в Алжире и Египте средний возраст больше трети населения — менее 21 года [11].

Рупрехт Поленц, один из влиятельных германских экспертов по Ближнему Востоку, заявил, что эти проблемы действительно застарелые и стремление демонстрантов к переменам объяснить несложно [Там же]. Он также высказал идею, что практически все страны современного Ближнего Востока уже давно стояли

на грани политического кризиса. «У этих стран есть общее колониальное прошлое, родственный менталитет, единое движение сопротивления, характерное для 40-х гг. XX в.» [11]. Характеризуя страны Магриба, эксперт отметил, что важной составляющей будущих преобразований является «наличие в стране грамотной студенческой молодежи, способной оценить причины бедственного положения народов и осознающей необходимость реформ в политической и экономической сфере» [9].

Сложную политическую ситуацию на Ближнем Востоке немецкие и европейские аналитики объясняют еще одной немаловажной причиной — продолжительным нахождением у власти политических лидеров в регионе. Так, президент Египта ал-Хадж Мухаммад Хосни Мубарак находился у власти 30 лет, президент Йемена Али Абдаллах Салех управлял страной 32 года, президент Туниса Зайн ал-Абидин Бен Али — 23 года. Такая продолжительная несменяемость власти может быть причиной системного политического и экономического кризиса в этих странах, а резкая смена режима радикальным путем может кардинально изменить политический климат в стране. Немецкие эксперты считают, что одна из самых главных проблем политической нестабильности — возможность выхода на политическую арену исламских фундаменталистов и неготовность власти противостоять этому. Отмечается также тенденция роста влияния радикальных течений в регионе Ближнего Востока. Эксперт парламентской фракции ХДС/ХСС по вопросам внешней политики Филипп Мисфельдер заявляет, что «сейчас самым важным вопросом является реакция на происходящее такой организации, как “Братья-мусульмане”, и прочих радикальных групп» [2]. Известный факт, что во многих городах Египта, в том числе и в Каире, были освобождены активисты запрещенной партии «Братья-мусульмане» и даже те ее лидеры, которые были арестованы незадолго до начала протестного движения.

Следующий факт, который немецкие эксперты называют в качестве причины изменения ситуации на Ближнем Востоке, — продолжение в регионе беспорядков, которые охватывали все большее число стран, и, как следствие, дальнейший рост народных волнений. Многие эксперты считают, что события на Ближнем Востоке должны заставить многих лидеров арабских стран пересмотреть свою управленческую стратегию. Вместе с тем германские эксперты настроены скептически в отношении прогнозирования ситуации на Ближнем Востоке из-за непредсказуемости противостояния власти и общества, а также из-за усиления участия военных в политической жизни страны и отсутствия объективных источников информации. Плохая криминогенная обстановка будет также негативно сказываться на процессе политической стабилизации. Помимо оппозиции, вышедшей для борьбы за свои права, на улице стало больше мародеров и бежавших из тюрем преступников. Население, организующее отряды самообороны, часто вынуждено оказывать вооруженное сопротивление бандитам и нередко проигрывает им. Местная полиция, традиционно ассоциирующаяся со взятками, предпочитает не вмешиваться в происходящее. В Каире, например, были зафиксированы случаи, когда полиция пренебрегала своими обязанностями и уезжала из города.

Ситуация осложняется еще и тем, что у оппозиции нет определенной стратегии и выработанного плана, поэтому их действия в большинстве случаев

нескоординированы и непоследовательны. Этот факт тревожит германских политиков, которые первоочередной задачей своей ближневосточной стратегии видят заключение мира на Ближнем Востоке и формирование сильной политической элиты. Немецкая пресса отмечает, что беспорядки в странах Ближнего Востока и на севере Африки могут весьма серьезно отразиться на мирном урегулировании процесса на Ближнем Востоке. При радикальной смене политического курса в Египте положение в регионе может изменить ситуацию в регионе в целом. По мнению экспертов, Израиль находится в тупиковом положении: «С севера — угроза “Хезболлы” при поддержке Ирана. Если на юге к этому присоединится радикально-исламистский режим, положение станет в высшей степени угрожающим» [8].

ФРГ высказывает активную заинтересованность в скорейшем урегулировании ситуации на Ближнем Востоке. Прежде всего, стоит рассмотреть отношения между Германией и Египтом. Поначалу сотрудничество между этими двумя государствами строилось на тесном взаимодействии и обоюдном обмене на высшем уровне. За последнее время сотрудничество между Германией и Египтом вышло на другой уровень. В 2007 г. главный канцлер Германии Ангела Меркель посетила Египет дважды, а министр иностранных дел Германии Штайнмайер постоянно посещал Египет и присутствует на различных экономических конференциях [6].

Египет давно стал официальным экономическим партнером Германии. 2007 год был официально объявлен годом германско-египетского сотрудничества в области науки и техники, официальная церемония провозглашения года египетско-германской дружбы состоялась в Каирском университете в феврале 2007 г. Египет является одним из основных партнеров Германии наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ. С 2004 по 2007 г. инвестиции Германии в Египет увеличились почти на 48 % [7]. ФРГ инвестирует в текстильную промышленность, автомобилестроение и сталеплавильную промышленность. По данным Министерства иностранных дел Германии, в промышленность Египта было инвестировано более 1,872 млн евро. Пик экономического сотрудничества между двумя этими странами, по мнению Германского федерального банка, приходится на 2004 г., когда прямые инвестиции в Египет достигли 343 млн евро [5, 112]. Основной акцент сотрудничества между данными странами всегда делался на энергетическом секторе. Египет напрямую зависит от иностранных, прежде всего германских, инвестиций. До 2011 г. ежегодно в строительство новых и развитие ранее построенных энергетических объектов инвестировалось около 1,6 млрд долл. [8]. Значительные суммы выделялись также международными финансовыми организациями в рамках оказания экономической помощи Египту. За последние 15 лет германские вложения в энергетическую область Египта составили 1,9 млрд долл. [Там же].

Однако после произошедших событий ситуация несколько изменилась. Германия начала принимать активное участие в политической жизни Египта. Германские эксперты отмечают, что пришедший к власти после волнений в Египте Высший военный совет объявил о своем намерении провести в стране выборы в следующие полгода [4]. Таким образом, одно из главных требований оппозиции — скорые демократические преобразования — было выполнено. Конечно, такое решение — сложный шаг для государства с огромной историей авторитарного

правления. Понимая это, европейские страны во главе с Германией выразили свое намерение помочь новой египетской власти с подготовкой процесса выборов в новый парламент, а также в построении демократических структур. МИД ФРГ предложил новой политической элите содействие в разработке конституционной правовой базы, осознавая, что от политического будущего в регионе будут зависеть положение Израиля и безопасность на Ближнем Востоке.

Германия выразила готовность помогать новой власти Египта не только советом. Федеральное правительство перераспределило средства в бюджете и решило выделить дополнительные деньги на демократизацию политического режима в Египте. Германские политики всегда отводили этой стране особенную роль. Газета «Süddeutsche Zeitung» подчеркивает, что там «бьется сердце арабского мира» и Египет во многом определяет баланс сил в регионе [8]. Именно при участии этой страны формируются главные тенденции политического развития региона. Однако в правительстве Германии нет единодушия по поводу предлагаемых ФРГ мероприятий по содействию развитию стран ближневосточного региона. Позиция федерального правительства не ясна, учитывая тот факт, что несколько десятилетий руководство страны закрывало глаза на происходившее в Египте, а потом вдруг стало поддерживать оппозиционеров и разрабатывать программу «демократизации» для Египта.

Интересна позиция Рольфа Мютценеха, внешнеполитического представителя фракции от СДПГ, который критиковал позицию федерального правительства за «нерешительное отношение к ближневосточным политическим процессам и двусмысленные действия» [1]. Речь, по словам Мютценеха, идет о неявной позиции по вопросам, которые возникают в регионе. Какова эта позиция, понять сложно, потому что, как уже упоминалось, с одной стороны, федеральное правительство поддерживало на протяжении многих лет Х. Мубарака, несмотря на развернутую в Египте волну репрессий, а затем с той же горячностью поздравляла египетский народ с демократической победой. Р. Мютценех высказал скептическое отношение относительно желания военного руководства переходить к демократическому пути развития и менять политические доктрины государства.

Германские политики считают, что у Египта есть хорошие шансы положить начало демократическим реформам в регионе Ближнего Востока. Сегодня немецкая сторона формирует предложения для египетского правительства по проведению парламентских выборов. Учитывая тот факт, что чаще всего фальсификации выборов нередко происходят уже накануне самих выборов, федеральным правительством были озвучены предложения о направлении в Египет немецких наблюдателей для консультации сторонников идей гражданских преобразований.

Федеральное правительство считало, что новой египетской власти необходимо привлечь к политическому диалогу о будущем страны представителей различных движений, даже таких радикальных, как «Братья-мусульмане».

Некоторые из ведущих политиков ФРГ полагали, что «Братья-мусульмане» имеют большую поддержку среди населения и могут получить на выборах от 20 до 30 % голосов. Потому имеет смысл поддерживать необходимые контакты с этой организацией. ФРГ настаивала на том, что опыт поддержки египетской оппозиции странами Запада уникален и для сохранения политической стабильности

в регионе европейские страны должны по-прежнему тщательно продумывать и выстраивать свои стратегии в ближневосточных государствах.

Другая страна, которая на сегодняшний день является своеобразным камнем преткновения мировой политики в регионе, — Ливия. Как известно, ситуация в Ливии стала предметом обсуждения всего мирового сообщества. Ситуация была непростой еще и потому, что объединенные силы, созданные для сдерживания «агрессии Каддафи против своего народа», испытали большие трудности [10]. В решении так называемой ливийской проблемы участвовали такие страны, как США, Франция, Великобритания, Бельгия, Норвегия, Дания. Постоянно меняющаяся стратегия стран НАТО привела к тупиковой ситуации. Выход из тупика тогда виделся в анализе всесторонних рисков и их оценке. Об этом говорилось на конференции министров иностранных дел стран ЕС в Берлине. Главная тема конференции — война против Каддафи, обсуждение вариантов ее завершения и среднесрочные прогнозы. Встреча проходила на фоне отсутствия общей позиции стран-членов альянса по поводу продолжения бомбардировок территории данной страны, которые до тех пор не позволили выполнить поставленную задачу: защитить мирное население.

Скептически на эту тему высказывался следящий за соблюдением баланса мнений и интересов в организации генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен [10]. Министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле оставался верен своей позиции, приведшей Германию в стан воздержавшихся при голосовании в Совбезе ООН резолюции по Ливии и к отъезду своих военных кораблей из Средиземного моря: «Мы не будем принимать участия в войне в Ливии» [Там же]. Такая позиция Вестервелле и Германии подверглась резкой критике как внутри НАТО, так и в Германии — прежде всего со стороны оппозиции. Комментаторы в Германии отмечали, что последние события, связанные с ливийской позицией Германии, да и сама разобщенность в НАТО, проблемы внутри этого союза — все это тормозило урегулирование ливийского кризиса. Ведущий военный эксперт ФРГ Вальтер Штутцле считает, что «Запад в целом и генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен в частности делают грубую ошибку, осуществляя военное вмешательство без политического подхода». Генералитет НАТО предпринял военную интервенцию без проработки вопроса в политическом аспекте, поэтому поражение НАТО в этой ситуации неизбежно [3].

Уточняя свою мысль, В. Штутцле отмечает: ФРГ стоит в оппозиции Франции и Великобритании и их военным планам и настаивает на акценте на гуманитарной помощи и ликвидации последствий боевых действий.

Таким образом, конференция в Берлине не смогла разрешить ситуацию в Ливии. С одной стороны стояли защитники идеи о прекращении воздушных налетов на Ливию, обеспечении доступа к гуманитарной помощи, отводе войск режима. На другой стороне были сторонники доведения военной операции НАТО до конца.

Руководство НАТО выразило желание приобрести новое оружие для ведения более эффективной войны в небе над Ливией, что только усилило раскол мирового сообщества. Германия отчетливо заявляла о своей позиции военного невмешательства, и страны НАТО определили место ФРГ отнюдь не на первых позициях.

Третий немаловажный вопрос современных международных отношений на Ближнем Востоке — ситуация в Йемене. Тревожная хроника событий на Аравийском полуострове заставила ФРГ изменить свои отношения с Йеменом. Йеменский кризис достиг критических масштабов 22 марта 2011 г. после перехода на сторону повстанцев людей из ближайшего окружения президента страны. В тот же день президент Али Абдаллах Салех заявил о своей готовности уйти в отставку в январе 2012 г., после парламентских выборов в стране. (Ранее Салех, правивший страной более 30 лет, утверждал, что уйдет только после истечения своего очередного срока — в 2013 г., тем не менее он ушел в отставку в январе 2012 г.) Оппозиция, добивавшаяся отставки главы государства, немедленно отвергла компромисс, заявив, что Салех должен покинуть свой пост немедленно. Эти события взволновали ФРГ, которая многие годы поддерживала дружеские отношения с Али Абдалахом Салехом. Во время своей поездки в Египет накануне событий в Йемене министр иностранных дел Гидо Вестервелле обсудил с новыми властями положение дел в Йемене. Антиправительственные волнения продолжались в Йемене с начала февраля. Участники манифестаций требовали немедленной отставки президента, правившего с 1978 г. Однако у Салеха не было очевидного преемника, и поэтому ФРГ и Саудовская Аравия опасались хаоса, который мог возникнуть с его уходом.

Политическая нестабильность — часть йеменских проблем. Страна одновременно столкнулась с засухой, экономическим кризисом и вероятностью голода в последующие годы. Не случайно Абд ал-Карим ал-Арьяни, бывший премьер-министр Йемена, заявлял, что Йемен стоит на пороге одного из самых худших периодов в политической жизни страны и это должно являться сигналом для международного сообщества [2]. На фоне тотальной нищеты, похищения людей и голода политическая ситуация только ухудшалась с каждым днем. В этой связи ФРГ высказывалась, как и в случае с Ливией, за мирное урегулирование конфликта, предлагая себя в роли посредника.

Ход и последствия описанных процессов в арабском мире до сих пор остаются малопредсказуемыми. Но, по мнению немецких экспертов, уже становится ясно, что на арену выходят иные игроки, чье влияние в регионе нарастает. В частности, возрастает политическая роль Турции, с которой у Германии давно уже выстроены прочные взаимоотношения [Там же], а также заметна роль Ирана, который укрепляет свои позиции в шиитских сообществах на Ближнем Востоке.

ФРГ видела свою особую роль в развитии демократических реформ и готова финансировать программы демократического развития не только в Египте, но и в других странах региона. И конечно, главной позицией ФРГ в течение всех встреч на Ближнем Востоке было ее стремление сохранить стабильность в регионе. Главы внешнеполитических ведомств провели серию бесед и консультаций по первостепенным политическим проблемам, возникшим на фоне арабских революций и различных стадий протестного движения. Во внимании глав министерств оказались Йемен и Ливия. В Йемене главной опасностью считается возможность распада государства и воцарения хаоса на территории страны, а Ливия была вовлечена в полномасштабную гражданскую войну, в которой погибли сотни человек.

Делая основные выводы о процессах, произошедших на Ближнем Востоке с конца 2010 г. и роли ФРГ и других европейских стран в урегулировании этих проблем, стоит отметить, что ни страны ЕС, ни, в частности, ФРГ не были готовы к таким масштабным событиям. Анализ ситуаций, предопределявших изменения в регионе, показал, что, несмотря на попытки Германии создать финансовые и политические инструменты, которые смогли бы помочь странам с меньшими потерями выйти из сложившейся ситуации, многие шаги так и не удалось воплотить в жизнь. Большинство экспертов сошлись во мнении, что в данной ситуации, когда не одна и даже не две страны вовлечены в острый политический и экономический кризис, только создание сильных региональных структур могут помочь найти оптимальное решение проблемы

---

1. *Берг И. С.* Актуальная ситуация в Ливии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/16-04-11a.htm> (дата обращения: 14.10.2014).

2. *Берг И. С.* Визит министра иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле в Каир и Абу-Даби [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/21-04-11a.htm> (дата обращения: 14.10.2014).

3. *Берг И. С.* Египет после Х. Мубарака: оценки германских политиков, экспертов, обозревателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/15-02-11b.htm> (дата обращения: 14.10.2014).

4. *Берг И. С.* Третья попытка демократизации Северной Африки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1300863180> (дата обращения: 14.10.2014).

5. *Штоль М. И.* Торгово-экономические связи Германии со странами Африки в конце XX — начале XXI века. М., 2003.

6. Ägypten — Demokratisierungsprozesse unterstützen [Electronic resource]. URL: <http://www.bmbf.de/de/5859.php> (accessed: 01.02.2015).

7. Ägypten Deutsche Vertretungen [Electronic resource]. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Laenderinformationen/01-Laender/DeutscheAVen/Aegypten/DeutscheVertretungen_node.html (accessed: 01.02.2015).

8. *Denkler T.* Der Krisen-Profileur [Electronic resource]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/libyen-westerwelle-und-deutschlands-enthaltung-der-krisen-profileur-1.1074028> (accessed: 01.02.2015).

9. *Gehlen M.* Gaddafi als Ziel [Electronic resource]. URL: <http://www.fr-online.de/aegypten-syrien-revolution/libyen-gaddafi-als-ziel,7151782,8374564.html> (accessed: 15.02.2015).

10. *Langer M.* Die Zeit arbeitet für Gaddafi [Electronic resource]. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14918033,00.html> (accessed: 14.02.2015).

11. *Polenz R.* Krieg in Libyen — Soll Europa eingreifen? [Electronic resource]. URL: <http://www.dradio.de/dkultur/sendungen/interview/1404904> (accessed: 14.02.2015).

Рукопись поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

УДК 81:39 + 81:327.1 + 316.74:81

М. О. Гузикова
Т. С. Вершинина**ЯЗЫКОВЫЕ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И В ЕВРОПЕ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

В данной статье обсуждаются вопросы регулирования межнациональных отношений в Европе и в России. Анализируется дуальный характер восприятия образов воображаемой общности как предмета идентификации и образ идентичности как иллюзия присутствия и одновременной утраты национального характера. Рассматривается опыт идентичности США и России; приводится обзор инструментов, способствующих созданию общеевропейского образовательного пространства; приводятся возможные варианты развития политики идентичности ЕС.

Ключевые слова: политическая идентичность, этническая общность, внешние деловые коммуникации, феномен идентичности, языковая политика, стандартизация языковых экзаменов, языковая идентичность, межкультурная компетенция.

Каждое отдельное европейское государство в настоящее время сталкивается с проблемой идентичности. По мнению Ф. Фукуямы [1], в Евросоюзе остро стоит проблема не только кризиса идентичности, но и идентичности Европы, что обрачивается ответственностью европейцев в отношении друг друга. После Второй мировой войны в течение первых десятилетий европейские государства полагали, что проблема национальной идентичности вряд ли может их коснуться. Однако нарастание иммиграционных процессов и повышение мультикультурализма актуализировали эту проблему.

Сегодня можно говорить о том, что распад Советского Союза выявил системный кризис в политической идентификации, что выражалось в неумеренном возмущении местной интеллигенцией этнического и регионального самосознания в некоторых регионах и национальных республиках, причем с сожалением можно отметить, что не только подчеркивалась культурная или языковая самобытность этноса, но и стали проявляться ксенофобия, порой — антирусские настроения.

Феномен идентичности встроен в западную культуру по принципу подобия, при этом приверженцы «подлинной идентичности» находятся в постоянном поиске признаков положительного или отрицательного подобия, соответствия неуловимому образцу, имеющему в некотором смысле натуралистическое выражение. В сущности, и здесь нельзя не согласиться с Р. Бартом, речь идет о символическом измерении идентичности, выраженном в некоем мифе. Образ воображаемой общности как предмет идентификации вызывает дуальность ее восприятия. Образ идентичности всегда выступает как иллюзия присутствия национального характера и одновременно утраты такового.

В начале XXI в. политический ландшафт становится основой для любого рода проектов идентичности, особенно языковой, пересекающейся с идеолого-националистическими проектами со времен зрелого модерна. Языковые практики, как правило, в большинстве своем неразрывны с будничными коммуникациями

и превалирующими культурными ландшафтами, соответственно с их структурами и образами. Фон, выступающий основой для развития языковых идентичностей и их структуры, обусловлен превалирующей уличной речью, которую слышно в кафе, магазине, в толпе; ее можно прочесть на уличных вывесках или в киосках СМИ, на рекламных щитах; она существенно влияет на язык бизнес-коммуникаций, в том числе переговоров, учебных занятий, рекламы, телепрограмм, контента интернет-сайтов и др. Параллельно этому возможен и обратный направленный процесс влияния языковых идентичностей как на содержание, так и на структуры обыденных культурных ландшафтов, воздействующих на становление преобладающих географических образов страны либо территории [2].

В России, стране с многовековыми традициями сосуществования разных народов, а значит и разных культур и языков, на современном этапе существует правовая база, регулирующая национальные отношения (Конституция РФ, ФЗ «О национально-культурной автономии», «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств», «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «О беженцах», «О государственном языке РФ», «О языках народов РФ» и др.). Языковые идентичности в бывших союзных республиках получили свое развитие в конце XX — начале XXI в. под влиянием как положительного, так и отрицательного имиджа постсоветского пространства вследствие избыточной политической символизации русского языка [3]. Глобализация оказала свое влияние на подобные представления. Нетрудно заметить, что буквально каждый язык на постсоветском пространстве, получивший статус государственного и обладающий на этом фоне отчетливыми институциональными привилегиями, попал в противоречивую ситуацию. С одной стороны, он характеризуется туземной (автохтонной) языковой идентичностью, которая вынуждена использовать для внешних деловых коммуникаций в обязательном порядке английский язык; с другой, возникли миксы языковых идентичностей, вынужденные для сохранения жизнестойкой национально-государственной идентичности воспроизводить русскоязычные практики в условиях ограниченного их культивирования.

Сегодня отсутствует эффективный механизм, способный решать вопросы регулирования отношений межнационального характера на государственном уровне. Процесс передачи значимых компетенций общегосударственного уровня субъектам Федерации спровоцировал эксплуатацию этнического аспекта в проведении выборных кампаний, выявил недостатки в решении разного рода жизненно важных проблем, среди которых можно назвать и организационные, и финансовые, и кадровые, и др. В некоторых случаях этническая корпоративность подменяла собой принципы законности, что приводило к росту недоверия к российским структурам федерального уровня и провоцировало противоположные представления о механизмах прекращения кризиса.

Исторический опыт России показывает, что существуют многообразные методы и подходы к решению национального вопроса. Главенствующую роль здесь всегда играло понимание многообразия культур, религий, языков и этносов, вследствие чего политика укрепления единства такого государства базировалась

на признании права каждой этнической общности на сохранение языка, культуры и т. д., т. е. на свою исключительную идентичность [4]. СССР выступает примером реальной языковой практики, соотносимой с европейским политическим проектом периода раннего модерна — «национальное государство». Нравственные устои многонациональной и многоконфессиональной РФ, складывавшиеся веками, сформировали в своих глубинах защитный аутомеханизм, усиленный сегодня правовыми нормами. Привлекает внимание отказ граждан бывшего Советского Союза от национальной идентичности «советский народ» в пользу региональной [5]. С сожалением следует заметить, что внедрение образов глобализации на всем пространстве бывшей советской империи во многом обусловлено модификацией таких западных лингвокультурных проектов, как франкофония, иберофония, которые в некотором смысле выступили в качестве своего рода образцов в идеологических исканиях бывших союзных республик [6]. При этом фрагментарно сохранившиеся в бывших республиках Союза советские культурные островки выступили опорой языковой идентичности, когда бывшее постсоветское пространство захлестнул ураган западного дискурса, приправленного идеологическими и культурными современными символами всех уровней — от домодерных до постмодерных. В начале XXI в. будущее постсоветского пространства связано с тем, какие формы интерпретации языковых идентичностей смогут выработать новые независимые государства ближнего зарубежья.

Можно утверждать, что языковая политика ЕС является средством или инструментом создания общеевропейской идентичности. Европейская гражданская идентичность, как и языковая политика, характеризуется своим дуализмом: в ней должны сочетаться национальный и наднациональный компоненты. Европейская языковая политика, направленная на разработку профиля языковой политики образования, стремится к сохранению европейского языкового разнообразия при внедрении общих стандартов так называемой Общеевропейской рамки языковых компетенций (Common European Framework of References-CEFR) и привязанных к этим компетенциям экзаменов на установление соответствия уровню владения языка.

Разработкой и внедрением казалось бы разнонаправленных профилей языковых политик занимается Council of Europe (Совет Европы). Следует отметить, что внедрение рамки языковых компетенций оказалось исключительно успешным предприятием. Это выразилось в появлении дискурса языковых уровней в формате A1 — C2, который вытеснил ранее общепринятые обозначения «начинающий», «продвинутый» и т. д. Можно с уверенностью утверждать, что эта шкала будет иметь общемировое распространение и массовое влияние, особенно в случае тех стран, где такой подход еще не существует или начинается его реализация. Однако во многих странах, где такая рамка в том или ином виде существует, были предприняты усилия для установления соответствий локальных параметров измерения европейским CEFR.

Стандартизацией языковых экзаменов занимается организация под названием «Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам ALTE» (Association of Language Testers in Europe). Фундамент этой ассоциации был заложен в основном тестологами Кембриджского языкового центра по приему

экзаменов, что нашло отражение в том, что языковые компетенции, разработанные в рамках этой ассоциации, несколько отличаются от общепризнанных европейских. Данное отличие в целом напоминает «особую» позицию Великобритании в рамках ЕС. Вообще, затронув «английскую» тему, можно констатировать, что, несмотря на все политические усилия по преподаванию в школах различных языков стран ЕС, этому сильно мешает расширение и вытеснение данных языков английским как языком глобального общения.

Совет Европы также прилагает усилия к развитию в рамках ЕС компетенции непосредственно, хотя и не всегда напрямую, связанной с языковой, а именно — межкультурной. Понятно, что в этом случае языковая политика стыкуется с политикой расширения языкового разнообразия, мультикультурализма и толерантности.

В рамках разработки и внедрения CEFR Совет Европы также разработал инструменты, облегчающие создание общеевропейского образовательного пространства и повышающие конкурентоспособность этого пространства среди студентов во всем мире. Это такие инструменты, как Европейское языковое портфолио (European Language Portfolio), шкала для самостоятельного определения уровня владения языком обучения (self-assessment grid). Последний инструмент, наряду с европейским стандартом резюме, популярен среди участников академической мобильности, и прежде всего в наиболее массовой европейской программе в этой области под названием «Erasmus Mundus/Erasmus+». Совет Европы также активен в области разработки языковой политики для взрослых мигрантов, где европейцы пытаются выработать совместные подходы. Оценивая европейскую языковую политику, можно сказать, что она, хотя и стремится к универсальности и частично, как уже говорилось выше, преуспевает, все же является специфичной для ЕС как закрытой экосистемы (термин заимствован из статьи И. Крастева и М. Леонарда [7]).

Подводя итоги, считаем возможным заключить, что феномен идентичности как таковой имеет двойную направленность: являясь инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности, он может быть использован влиятельными социальными группами как инструмент социальной инженерии. Обращение к историческому опыту показывает, что этническая идентичность становится орудием в руках политиков, использующих национальные ценности в своих целях, обеспечивая себе социальную поддержку. Опыт американской идентичности, оформленной в дискурсе «исключительности их (американской. — М. Г., Т. В.) демократии», показывает, что, несмотря на внутренние культурные войны, он консолидирует американцев, как отмечал А. де Токвиль, в рамках так называемого «вынужденного согласия».

В качестве прогноза можно отметить, что дальнейшие тренды в данной политике испытывают сильную зависимость от общего вектора европейской политики. Национальное строительство на европейском уровне скорее невозможно, поскольку в некотором смысле Европе придется для этого повторить опыт Советского Союза, что сложно, поскольку потребуется объединить граждан европейских государств, наделенных разными расовыми, религиозными, национальными и другими характеристиками. Если вектор будет направлен в сторону углубления

наднационального начала, то одним из первых признаков этого может стать инициатива по созданию общих стандартов преподавания европейских языков в школе, по разработке единого европейского школьного языкового экзамена или других мероприятий.

1. Фукуяма. Ф. Проблемы европейской идентичности // Гефтер. 17.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/9047> (дата обращения: 15.03.2015).
2. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью. М., 2007.
3. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien, 2001.
4. Русские и «русскость»: Лингво-культурологические этюды / сост. В. В. Красных. М., 2006.
5. Савоскул С. Этнополитические ориентации и гражданская идентичность населения Украины // Евразия. Люди и мифы : сб. ст. из журн. «Вестник Евразии» / сост., отв. ред. С. А. Панарин. М., 2003. С. 308–337.
6. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ (2002) / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002.
7. Krastev I., Leonard M. The New European Disorder [Electronic resource]. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_new_european_disorder322 (accessed: 12.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

УДК 930(470):811.133.1 + 930(470):811.161.1

Е. П. Емельянов

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА ЗАРУБЕЖНУЮ РУСИСТИКУ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. В. УСТЮГОВА И Р. ПОРТАЛЯ

В статье рассматривается использование концепции «свободного вассалитета», созданной советским историком Н. В. Устюговым, в диссертации на соискание степени доктора гуманитарных наук, написанной французским историком Р. Порталем. Анализируется восприятие Порталем концептуальных положений статьи Устюгова «Башкирское восстание 1662–1664 гг»; показываются заимствования в диссертации Порталья из статьи Устюгова; исследуются различия в трактовке событий башкирской истории XVII в. в работах Устюгова и Порталья; выделяются причины, обусловившие следование французского историка работам советского автора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская историография, французская русистика, концепция «свободного вассалитета», Н. В. Устюгов, Р. Порталь.

Характерной чертой развития исторической науки в СССР являлась ее обособленность от зарубежной историографии, вызванная изоляционистским характером советской идеологии. Идеологизация науки не позволяла советским

историкам использовать в своем творчестве концепции большинства зарубежных коллег, за которыми закрепился ярлык «буржуазных ученых» [5, 60, 66–67]. В свою очередь, западные авторы почти не использовали идеи советских историков, что было связано с ограниченностью творчества последних рамками марксистско-ленинской идеологии. Вместе с тем названные тенденции не были всеобъемлющими и имели исключения, одним из которых стали работы французского историка Роже Антонена Робера Портала, использовавшего концепции советского историка Николая Владимировича Устюгова.

Профессор Московского государственного историко-архивного института Н. В. Устюгов (1896/97–1963) принадлежал к числу выдающихся советских исследователей, занимавшихся изучением истории России XVII–XVIII вв. Но прежде чем обратиться к данной тематике, ему пришлось пройти сложный путь к занятиям наукой. Окончив в 1918 г. Оренбургскую духовную семинарию, Устюгов смог приступить к получению высшего образования только в феврале 1922 г., когда стал студентом сразу второго курса факультета общественных наук Московского университета. Устюгов окончил университет в 1924 г., однако в то время возможности для изучения и преподавания истории были сведены к минимуму, ему пришлось одиннадцать лет проработать сотрудником в различных библиотеках. Только в 1935 г. он стал штатным сотрудником Историко-археографического института АН СССР, вскоре преобразованного в Институт истории. Через три года, в 1938 г., он приступил к преподаванию в Московском историко-архивном институте и смог совмещать научные исследования с педагогической работой. В Историко-архивном институте и Институте истории АН СССР он проработал до последних дней своей жизни. Тогда же, во второй половине 1930-х гг., сформировались основные направления его исследований, которыми стали вспомогательные исторические дисциплины, прошлое народов СССР и история Русского Севера. Занимаясь изучением данной тематики, Устюгов сформулировал концепции «свободного вассалитета» башкир и раннего генезиса капитализма в России, развитые в дальнейшем представителями его научной школы [8, 714–720].

Концепция «свободного вассалитета» башкир была сформулирована Устюговым на основе источников по истории башкирского восстания 1737–1739 гг., изучавшихся им в ходе подготовки обобщающего труда «Очерки по истории Башкирии». Опираясь на письма вождей восстания 1737–1739 гг., адресованные руководителям Оренбургской администрации, Устюгов утверждал, что башкирские феодалы считали себя не подданными русских царей, а их вассалами, добровольно служившими своему сеньору. Добровольность службы подразумевала право отъезда и смены сеньора, если условия вассалитета казались вассалу неприемлемыми. Следуя марксистской методологии, Устюгов связывал причины такого восприятия башкирами своих отношений с русским правительством с их экономической отсталостью. Основными отраслями башкирского хозяйства являлись кочевое скотоводство, бортничество и охота, что вело к неразвитости производительных сил. Слабое развитие производства означало незначительность торгового обмена, компенсацией которой служили феодальные набеги на соседние кочевые владения. Низкий уровень развития башкирской экономики

закреплял существование феодальной раздробленности у башкир, что означало сохранение у башкирской знати представлений, соответствующих данной стадии развития общества. В России же отношения вассалитета сменились отношениями подданства еще в XV–XVI вв., и в глазах московских наместников подобные отъезды башкир к другим степным сюзеренам являлись изменой и поводом для карательных экспедиций.

Используя метод ретроспекции, Устюгов применял концепцию «свободного вассалитета» к восстаниям башкир в XVII в., которые трактовались им как попытки башкирских феодалов сменить сюзерена, оставив московское подданство и перейдя под власть сибирских царевичей или калмыцких тайшей. Получили при этом свое объяснение и набеги башкир на русские поселения как основная тактика восставших. Также, опираясь на письма вождей башкирского восстания 1737–1739 г. к Оренбургской администрации, Устюгов утверждал, что набеги, грабеж и захват пленных являлись сопутствующими обстоятельствами смены кочевыми феодалами своих сюзеренов, так как кочевой феодал считал делом чести приехать к новому сюзерену с богатой добычей.

Основные положения данной концепции были впервые изложены им летом 1947 г. в докладе на научной сессии в Уфе [1, 142]. Ее первое появление в печати состоялось в конце того же года в статье «Башкирское восстание 1662–1664», вышедшей на страницах двадцать четвертого тома «Исторических записок» [10, 43–45]. Публикация основных идей концепции «свободного вассалитета» в «Исторических записках» сделала их достоянием не только отечественных, но и зарубежных ученых. Однако в 1952 г. в связи с изменением идеологического курса Устюгов был вынужден отказаться от данной концепции, так как она противоречила официальным идеям неразрывного единства народов СССР [9, 143–146; НА ИРИ РАН (Научный архив Института российской истории РАН). Ф. 1. Разд. «А». Оп. 1. Д. 50 м. Лл. 23–25].

Но отвергнутая в Советском Союзе концепция «свободного вассалитета» была воспринята одним из крупнейших французских славистов Р. Порталем (1906–1994). Как и Устюгову, Порталю пришлось пройти долгий путь к научным исследованиям. Окончив в 1931 г. Страсбургский университет, он почти двадцать лет проработал учителем в различных колледжах и лицеях Франции. Получив в 1949 г. степень доктора гуманитарных наук, он смог в 1950 г. стать профессором кафедры современной истории и истории Центральной и Восточной Европы в университете Лилля. Уже через пять лет, в 1955 г., он возглавил кафедру истории и цивилизации славянских народов в Сорбонне (с 1971 г. — университет Париж-1), которой руководил до 1976 г. За годы его работы в Парижском университете вокруг него сформировалась научная школа, самым известным представителем которой является академик Элен Каррер д'Анкосс. С 1959 по 1973 г. Порталь был директором Национального института славянских исследований в Париже, представлявшего собой автономное учреждение при Сорбонне и являвшегося центром французского славяноведения. При этом он вел большую научно-организационную работу не только на французском, но и на международном уровне, многие годы возглавляя комиссию славянских исследований при Международном комитете исторических наук [3, 4–5].

Занимаясь изучением российской истории, Порталь активно использовал достижения советской историографии. Выступая в 1950 г. на IX Международном конгрессе исторических наук в Париже, он заявил, что зарубежные исследователи не могут обойтись без ознакомления с советскими работами и должны знать хотя бы их выводы [2, 175]. Концепция Устюгова о «свободном вассалитете» башкир была использована им в диссертации на соискание степени доктора гуманитарных наук, посвященной истории Урала в XVII–XVIII вв. Работа над ней велась Порталем в конце 1940-х гг., когда многие зарубежные историки обратились к проблемам истории народов Советского Союза, привлеченные несоответствием между прогнозами о крахе СССР из-за национальных противоречий и прочностью его национального устройства, выдержавшего испытание Великой Отечественной войной. Одним из них был наставник Порталья – выдающийся русский правовед и историк Борис Эммануилович Нольде, работавший в последние годы жизни в парижском Институте славянских исследований над капитальным трудом «Образование Российской империи» [11, 112].

Вопросы, поднятые Нольде в шестой и седьмой главах первого тома его работы, посвященных соответственно присоединению Башкирии и промышленному освоению Урала, были разработаны Порталем в его диссертации, которая была защищена в декабре 1949 г. [3, 5]. В 1950 г. ее первая часть, посвященная развитию уральской промышленности, была опубликована под названием «Урал в XVIII в. Очерк социальной и экономической истории». В ней Порталь нарисовал всестороннюю картину жизни уральского завода XVIII в. и поставил вопрос о генезисе капитализма в России [11, 116]. Вторая часть диссертации, посвященная истории башкир в XVII–XVIII вв., при жизни автора так и не была опубликована и вышла только в 2000 г. на русском языке в Уфе. Она была написана вскоре после публикации в «Исторических записках» статьи Устюгова «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» и содержала в себе многочисленные ссылки на нее.

Несмотря на то что многие черты социального устройства башкир не соответствовали выработанному во французской историографии определению феодализма, подразумевающему наличие иерархии господствующего класса, условного землевладения и концентрации власти в руках землевладельцев, Порталь называл башкирской социальной строй советским термином «кочевой феодализм» [6, 59]. Соответственно он следовал выработанной Устюговым концепции «свободного вассалитета», согласно которой башкирское общество находилось на стадии феодальной раздробленности. Согласно данной концепции представители башкирской знати считали себя не подданными русских царей, а их вассалами, обладающими правом отъезда и смены сеньора. Вслед за Устюговым Порталь называл различия в понимании характера башкирского подданства российским правительством и башкирскими старшинами одной из важнейших предпосылок башкирских восстаний XVII–XVIII вв. [Там же, 61–62]. Также ссылаясь на работу Устюгова, Порталь называл непосредственными причинами башкирского восстания 1662–1664 гг. рост налогов вследствие финансового кризиса в Московском государстве в 60-е гг. XVII в. и запрет для башкир совершать набеги на калмыков, вызванные привлечением последних на военную службу.

Влияние Устюгова проявилось и в оценке Порталем русского господства в Башкирии. Ссылаясь на его статью, он писал, что русская экспансия привела к политическому объединению башкир, находившихся до присоединения к России в составе различных татарских и ногайских ханств [6, 53]. Вслед за Устюговым Порталь писал, что российская политика в отношении башкир была достаточно осторожной, так как русские власти опасались, что башкиры в любой момент откочуют из русских владений в степи. В последующих главах своей работы он также активно использовал труды советских историков, в частности, исследования А. П. Чулошникова о социальной структуре башкирского общества и башкирском восстании 1755 г. и В. И. Лебедева о башкирском восстании 1705–1711 гг. Данное обстоятельство позволило ряду историографов говорить о том, что работа Порталья представляла собой компилятивный пересказ трудов советских историков [4, 12]. При этом следует отметить, что сам Порталь понимал слабые стороны работы зарубежных русистов и писал, что, находясь вдали от архивов и лишённый личного знакомства с изучаемой страной, немногочисленные историки-русисты послевоенной Франции могли осуществлять лишь научно-просветительскую работу, знакомя читателя с трудами советских историков [7, 239].

Вместе с тем некоторые выводы Порталья по истории башкирских восстаний серьезно отличались от позиций советских авторов. В отличие от Устюгова он не использовал для определения положения башкир в составе России термин «вассалитет», заменяя его термином «протекторат», которого избегали советские историки. Говоря о восстании 1662–1664 гг., он писал, что фактически это движение распалось на два отдельных восстания — 1662 и 1663–1664 гг. Говоря о русской политике при подавлении восстания 1663–1664 гг., Порталь выделял в ней две линии и писал: «Речь идет о политике центральной власти, “большой политике”, умеренной, больше заботящейся об установлении мира, основанного на пресечении злоупотреблений, вызвавших жалобы башкир (этот курс в крае проводил астраханский воевода кн. Г. Е. Черкасский), и политике местной администрации, “малой политике”, более суровой, более требовательной и, иногда, входившей в противоречие с обещаниями, данными башкирам московскими властями (такой линии придерживался уфимский воевода кн. А. М. Волконский)» [6, 73]. При этом следует отметить, что знания Порталья по истории степных народов XVII в. были неполными, и иногда он допускал серьезные фактические ошибки, утверждая, например, что калмыки исповедовали ислам [Там же, 69]. Рассматривая восстания XVIII в., он определял период с 1704 по 1730 г. как эпоху непрерывных восстаний, хотя, по мнению советских историков, с момента подавления Алдаро-Кусюмовского восстания в 1711 г. и до начала деятельности Оренбургской экспедиции в 1734 г. крупных выступлений башкир не происходило. Порталь продолжал изучение истории Урала XVIII в. вплоть до начала 1960-х гг. Позднее он обратился к другим сюжетам русской и славянской истории, написав биографию Петра Великого и обобщающие труды «Славяне. Народы и нации» и «Российская империя в 1762–1855 гг.».

В те годы, когда создавалась диссертация Порталья, характерными чертами зарубежной русистики являлись неразработанность многих проблем российской истории и невозможность использования неопубликованных источников,

хранившихся в советских архивах. Данные обстоятельства нередко вынуждали зарубежных историков строить свои работы на фактической базе, накопленной отечественными исследователями, и идти в своих выводах за представителями российской исторической науки. При этом большинство из них опирались на произведения российской дореволюционной и эмигрантской историографии. Концептуальные выводы советских авторов, ограниченных рамками марксизма-ленинизма и вынужденных следовать текущему идеологическому курсу партии, использовались зарубежными учеными гораздо реже. Вместе с тем творчество двух выдающихся исследователей, Н. В. Устюгова и Р. Порталья, показывает, что в том случае, когда концепции советских историков опирались на данные источников, а не на идеологические догмы, они были востребованы зарубежной исторической наукой.

---

1. *Лузайрова Т. Б.* Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // *Вопр. истории.* 1947. № 11. С. 141–143.

2. *Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978.

3. *Кучумов И. В.* Урал модернизирующийся // *Порталь Р. Урал в XVIII веке: Очерки социально-экономической истории.* Уфа, 2004. С. 4–27.

4. *Кучумов И. В., Сахибгареева Л. Ф., Шакурова Ф. А.* История феодального Башкортостана в научном наследии профессора Р. Порталья // *Порталь Р. Башкирия в XVII–XVIII вв.* Уфа, 2000. С. 5–46.

5. *Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // *Советская историография.* М., 1996. С. 42–77.

6. *Порталь Р.* Башкирия в XVII–XVIII вв. Уфа, 2000.

7. *Порталь Р.* Изучение истории СССР во Франции // *История СССР.* 1959. № 1. С. 229–240.

8. *Преображенский А. А.* Устюгов Николай Владимирович // *Историки России: биографии.* М., 2001. С. 714–720.

9. *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века: очерки. М., 2014.

10. *Устюгов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // *Исторические записки.* М., 1947. Т. 24. С. 30–110.

11. *Шанский Д. Н.* Французская историография феодальной России. М., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 21 августа 2015 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКЕ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ»

УДК 174:316.422.44 + 174:378

О. В. Лысенко

ОБ УСПЕШНЫХ «ГУМАНИТАРИЯХ» И НЕУСПЕШНЫХ «ТЕХНАРЯХ» По материалам эмпирических исследований

В статье анализируются представления об успехе, существующие в современном российском городе. Автор исходит из конструктивистской парадигмы, определяя успех как набор образов, создаваемый и поддерживаемый в обществе. Статья основана на данных социологического опроса, проведенного в Перми в 2012 г. Данный опрос показал, что жители современного российского города чаще ориентируются на такие образы успеха, как «профессионал» и «хороший, добрый человек». Горожане, получившие гуманитарное образование, чаще считают себя успешными, нежели горожане с техническим и естественно-научным образованием, что связано с различиями в мотивации получения образования, с большим соответствием гуманитарного образования современным требованиям и более универсальным характером гуманитарного образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: успех, современный город, гуманитарное образование, техническое образование, Пермь.

Постановка проблемы

В современном обществе успех является одной из ключевых установок социального поведения. Требование быть успешным звучит с экранов телевизоров, визуализируется в глянцевах журналах, становится предметом тренингов и коучинга. Будучи частью современной глобализированной культуры, феномен успеха неоднократно попадал под пристальный взгляд социальных мыслителей, преимущественно в качестве медийного образа, транслируемой ценности, составной части господствующих идеологий и дискурсов, предмета. Но между декларацией и реальным воплощением всегда существует зазор. Каково реальное содержание успеха в современном массовом сознании, какое количество людей готовы признать себя успешными, чем это обусловлено? Подобные вопросы не часто встречаются в социологической литературе. Между тем именно содержание успеха (точнее — образы успеха) выступает в качестве основы жизненных

стратегий индивидов и социальных групп, определяет повседневные практики людей.

Казалось бы, тема успеха возникает во многих теоретических и эмпирических работах. Социология постоянно и плодотворно занимается вопросами мотивации, профессиональной ориентации и самореализации человека. Но в большинстве исследований этот концепт используется по умолчанию, как некий фундаментальный принцип, почти не требующий самостоятельной проработки, а тем паче — эмпирического измерения. Усилия авторов чаще сосредоточены на выявлении условий его достижения (А. Ю. Согомонов [16]), исследовании его атрибутов (Т. Веблен [6]), механизмов поведения, приводящих индивида к достижению успеха (Дж. Хоманс [22], П. Бурдье [5]). При этом успех и успешность нередко определяются скорее психологически, как субъективно значимое, затратное (т. е. не дающееся само по себе, без осмысленных усилий) достижение. Тем самым успех переносится на уровень моральных категорий, без учета социального контекста формирования самого содержания успеха. «Под личностным успехом понимается представление индивида об успешности реализации своей жизненной стратегии... Автор... определяет успех как положительно оцененное достижение, значимо превысившее социетальные либо личностные нормативы, итог целенаправленной и эффективно организованной человеческой деятельности» [9, 16].

Другой подход подразумевает наличие неких «объективных» достижений, признаваемых обществом как примеры успеха. Карьера, профессиональные достижения, слава и прочие достигаемые признаки оценки человека мыслятся как заданные объективным ходом истории, стремление к ним признается как правильное, а отказ от них либо губителен, либо глуп. Когда руководители нашего государства говорят о том, что детей надо учить «на примере успешных людей», они уподобляются многочисленным авторам, пропагандирующим успех в рамках так называемой терапевтической культуры [20]. Тем самым категория успеха становится краеугольным камнем идеологий и утопий: неолиберальных (если мерить успех деньгами и должностью), государственных (если мерить успех государственными наградами и упоминанием в учебниках истории), профессиональных (например, индексы цитирования в науке). Интеллектуалы левого толка сказали бы, что такие навязанные стратегии успеха есть инструменты манипуляции массами (Г. Маркузе [10], М. Яцино [20], Хобсбаум [17]). Сторонники функционализма скажут, что успех есть личностная интерпретация значимых социальных функций (Р. Мертон [12]). Но в любом случае эталоны успеха заданы жестко и однозначно, в соответствии с господствующей идеологией.

Наконец, третий подход подразумевает отказ от рассмотрения успеха как объективной нормы в пользу интерпретации его как социального конструкта. Очевидно, что разные люди будут считать успехом разные достижения. Разница оценок, согласно концепции П. Бурдье, определяется разницей габитусов участников социального процесса, т. е. разницей в «системах диспозиций, порождающих и структурирующих практику агента и его представления» [19, 9]. Но эта разница не является кардинальной, диспозиции являются, с одной стороны, производной от социальных позиций агентов, с другой — испытывают на себе влияние других групп агентов. Так, габитус среднего класса формируется в том числе и влиянием

элиты, что убедительно декларируется со времен Х. Ортега-и-Гассета. Далее, габитус испытывает на себе влияние институтов или социальных полей. Как и все категории, которыми пользуются люди в повседневной жизни, успех — понятие интересубъективное, т. е. одновременно и продукт консенсуса между людьми (конструкт), и ценность, имеющая принудительный характер. В этом случае акцент в изучении успеха смещается в сторону изучения механизмов их конструирования и локализации образов успеха в социальном пространстве. Именно такой подход лег в основу данной статьи, которая опирается на результаты комплексного исследования, проведенного автором в составе научного коллектива из Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета¹.

Деконструкция успеха: образы успеха в пермском городском сообществе

В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Считаете ли вы себя успешным человеком?». Как выясняется, более половины всех опрошенных отвечают на него утвердительно, причем 30,7 % из них говорят об этом уверенно и 20,8 % — с оговоркой (вариант ответа: «Скорее да, чем нет»).

Учитывая, что опрос проводился в городе, который едва входит в двадцатку городов России по качеству жизни [14], лидирует по уровню преступности [15] и целому ряду заболеваний [7], кажется странным, что половина его жителей считают: жизнь удалась. Чем можно объяснить данный парадокс? Прежде всего самим содержанием понятия «успех». В рамках другого опроса (табл. 1), проведенного по аналогичной выборке², был задан вопрос, позволяющий пролить свет на содержание успеха в глазах представителей разных пермских социальных групп. Специально для этого была разработана шкала, отражающая наполнение понимания успеха в разных сферах жизни — экономической, карьерной, политической, профессиональной, семейной, научно-образовательной, моральной и др. Из этой шкалы сознательно были исключены такие «базовые» показатели, как здоровье, жизнь, безопасность, поскольку в понятие успеха они вряд ли входят, хотя и являются необходимым условием реализации³. Все позиции успеха можно разделить на три категории:

— агональные или иерархические — позиции, получаемые только в результате борьбы, соревнования с другими агентами, игры с нулевой суммой. Такие позиции может занять ограниченное количество людей и только в результате конкуренции. Агональные позиции не пользуются особой популярностью. Ни одна из них не набрала более 1/5 голосов;

— конформные — позиции, получаемые личным усердием и трудом, но без жесткой конкуренции с другими агентами (игра без нулевой суммы). Занимают

---

¹ Количественный опрос был проведен в декабре 2012 г. по случайной квотной репрезентативной выборке среди жителей Перми старше 18 лет. Всего было опрошено 797 человек, доверительный интервал выборки не превышает 3,5 %. [1]

² Речь идет о проекте «Пермь как стиль» [13].

³ Данная шкала разрабатывалась совместно с сотрудниками кафедры экономики С. М. Селезневой и А. Г. Кузнецовым, за что им отдельная благодарность (см. [Там же]).

промежуточное положение между «рыночными» и традиционными ценностями. Они могут быть достигнуты неограниченным количеством людей. Наиболее популярна позиция «профессионал, мастер своего дела», ее выбрала почти половина опрошенных;

— коммунальные — позиции, в большей степени ориентированные на поддержание социального равновесия, одобрение со стороны социального окружения. Их достижение не подразумевает включения в конкурентную борьбу, скорее напротив — требует сосредоточенности исключительно на моральном самосовершенствовании. Образ «хорошего, доброго человека» занял второе место (31,2 %).

Таблица 1

Образы успешности

Успешный человек — это...	Количество ответов, %	Тип позиции
Профессионал, мастер своего дела	45,4	Конформный
Хороший, добрый человек	31,2	Коммунальный
Человек, имеющий хороших детей	20,2	Коммунальный
Известный, популярный в крае человек	22,5	Конформный
Спортсмен, чемпион края, России, Европы, мира	21,9	Агональный
Богатый человек	20,5	Конформный
Бизнесмен, предприниматель	19,5	Агональный
Руководитель предприятия, организации	13,6	Агональный
Доктор наук, профессор	12,1	Конформный
Депутат	11,4	Агональный
Чиновник, служащий государственного аппарата	10,3	Агональный

Это, во-первых, сводит на нет миф о преобладании в нашем обществе ценности денег, экономизма, прозападных ценностей. Во-вторых, наводит на мысль о том, что разные образы успеха могут уживаться в представлениях одного индивида, одной группы. Это не может не порождать внутригрупповые или внутриличностные конфликты, особенно когда разные образы успеха принадлежат разным типам — агональному, личностному, конформному.

Главный конфликт внутри переживания успеха современного горожанина разворачивается, как нам кажется, между агональностью (соревновательностью) и этическим идеалом «хороший человек». Он снимается в «профессионализме», который вполне вписывается в современную городскую культуру с ее доминантами ценности труда и самореализации. Но сама по себе заявка на профессионализм не влечет жесткого соревнования. Тем самым профессионализм как декларируемая ценность позволяет человеку примерить к себе стремление к личным достижениям и оглядку на социум, на ближайшее окружение, с подозрением относящегося к попыткам явного индивидуалистического самовозвышения.

Для более глубокого анализа мы провели подсчет сочетаний трех типов образа успеха — конформного, агонального и коммунального — в ответах каждого

респондента. После подсчета мы получили семь типов успеха — три чистых (когда респонденты выбирали только один тип образа) и четыре смешанных.

Численно преобладают три типа успеха — конформный (21,9 %), конформно-агональный (27,1 %) и конформно-коммунальный (16,5 %). Как было сказано выше, конформизм выступает той платформой, на которой достигается компромисс между соревнованием, с одной стороны, и справедливостью, с другой. Только агональные образы успеха были выбраны лишь 11,3 % опрошенных. Коммунальные образы в чистом виде наименее распространены в обществе (7,6 %), что говорит о его атомизированности.

Любопытно, что на выбор того или иного образа успеха слабо влияют такие социальные параметры, как гендерная принадлежность, возраст, доход, принадлежность к социальному слою (он был замерен по самоощущению, через прямой вопрос «К какому социальному слою относится ваша семья?»), образование, род деятельности. За некоторыми исключениями частота выбора тех или иных образов успеха примерно одинакова во всех социальных когортах.

На первом месте находится образ профессионала, на втором — «хороший, добрый человек» (или иногда «человек, имеющий хороших детей»). Лишь третьи места различаются: у представителей разных социальных когорт на третьем по частоте выбора месте можно встретить такие образы, как «руководитель» (респонденты с высоким уровнем достатка и относящие себя к высшему слою), «известность» (респонденты со средним уровнем достатка, с высшим образованием и отнесшие себя к среднему слою), «богатство» (респонденты с низким доходом, отнесшие себя к слою «ниже среднего», со средним образованием), «бизнесмен» (молодежь).

Отклонение в выборе образов успеха продемонстрировали государственные служащие, включая чиновников и работников правоохранительных органов. Представители этой когорты на первое место поставили богатство, на второе — хорошего человека и только на третье — профессионализм (всего 28 %). Очевидно, тип чиновничьего успеха можно назвать агонально-коммунальным, хотя и несколько неожиданным: госслужба, карьера и политика их интересуют не чаще остальных. Зато большую, чем у остальных групп, роль играют деньги.

Агонально-конформный тип успеха складывается чаще среди работников торговли (образы богатства, бизнеса — на втором месте после профессионализма). Этот же тип характерен для офисных работников (на второе место выходят позиции бизнесмена и руководителя), безработных, домохозяек, студентов и людей со случайными заработками, — на вторые позиции у всех них вышли агональные позиции.

Полученные данные позволяют утверждать, что большая часть населения современного российского города имеет примерно одинаковые представления об успехе. Факт преимущественного выбора конформных и коммунальных образов успеха на фоне пренебрежения образами, связанными с конкуренцией, причем в самых благополучных социальных когортах, свидетельствует о том, что в российском городе так и не сформировался тип поведения, который западными теоретиками связывается с «постиндустриальным» обществом. Работа так и не стала для нас спортом или проектом (З. Бауман [3]), успех не ассоциируется с гибкой занятостью, постоянным переобучением, перемещением работника как

в пространстве, так и между секторами экономики (М. Кастельс [8, 236–237]), ставка на профессионализм в нашем понимании не есть готовность жить в «обществе риска» (У. Бек [4]), сочетание конформных и коммунальных образов успеха плохо вписывается в культуру индивидуализма (М. Яцино [20]). Скорее, выявленная конструкция успеха восходит к эпохе «тяжелой модернити», где от человека требовалось быть квалифицированной частью хорошо отлаженного завода-механизма, а конкуренция если и возникала, то только за пределами больших предприятий.

Учитывая, что большинство перечисленных выше исследователей относятся к наступающей эпохе критически, оценить конформно-коммунальные установки современного российского общества можно по-разному. Однако в любом случае они мало соответствуют современным требованиям, а потому, скорее всего, ведут к снижению способности к конкуренции, затруднению мобильности и в конечном счете к потерям в рамках глобализирующегося мира.

Но даже в тех случаях, когда агональные образы успеха выходят на первое место, мы не можем говорить об их адекватности требованиям наступающей эпохи. Напомним — выбор агональных образов свойствен малоквалифицированным либо деквалифицированным категориям населения: домохозяйкам, безработным, офисным работникам. Вряд ли такой выбор говорит об их готовности следовать жестким законам борьбы, скорее это признание проигрыша, заявление, что «успешные — это не мы». Данное признание может, конечно, активизировать попытки некоторых из них достигнуть значимых позиций (богатства, места начальника), но только экстремальными и малоэффективными способами — с помощью игры на бирже, матримониальных союзов, сомнительных проектов. Это, кстати, является хорошим объяснением новой волны популярности МММ и подобных финансовых пирамид. Тот факт, что в данный перечень попадают чиновники и работники правоохранительных органов, не должен смущать. Похоже, их положение в современном российском обществе является столь же маргинальным, учитывая приписываемую им коррупционность.

Успешные люди в российском городе. Социальный портрет

Рассмотрев содержание образов успеха, перейдем к рассмотрению вопроса, где и в каком количестве появляются люди, считающие себя успешными.

Сразу отметим: успех не имеет гендерной подоплеки. Никаких различий в обозначении себя успешными или неуспешными между мужчинами и женщинами нет.

Зато такое различие есть между группами, выделяемыми по возрасту, уровню образования, материальному достатку и роду деятельности. Чем моложе, богаче и образованнее респонденты, тем чаще они чувствуют себя успешными.

Интересно распределение успеха по роду деятельности. Пятерка лидеров успешных групп начинается руководителями предприятий и заканчивается бюджетниками. Она также включает в себя предпринимателей, специалистов и студентов. Самыми неожиданными в ней оказываются бюджетники и студенты. Существует массовое мнение, что бюджетник — существо, по социальному статусу чуть выше бомжей (образно говоря). Выясняется, что среди скромных учителей

и медиков количество успешных преобладает. Очевидно, что такую самооценку дают соответствующие образы успеха, распространенные в этой группе, — профессионализм и коммунизм.

Появление студентов среди лидеров рейтинга успешности можно объяснить иными факторами. Во-первых, ювенальностью культуры, где молодость сама по себе есть ценность, а значит — и успех. Во-вторых, определенной инфантильностью студенчества: отсутствие необходимости для большинства студентов обеспечивать себе существование приводит к повышенной самооценке.

Однако самые интересные данные касаются соотношения успешности и профиля образования (табл. 2, 3). Под последним я понимаю в данном случае сложившееся в обществе устойчивое разделение профессий на «гуманитарные», «технические» и «естественно-научные». Во время опроса профиль образования и работы определялся самими респондентами исходя из данной классификации.

Выясняется, что среди гуманитариев успешными себя называют 64 % респондентов, в то время как среди «технарей» и «естественников» — только 46,8 и 48,5 %.

Таблица 2

Сопряженность самооценки успешности и профиля образования (работы)

Считаете ли вы себя успешным человеком?	В какой сфере вы получили образование, % опрошенных		
	В гуманитарной	В технической	В естественно-научной
Нет	16,6	26,5	19,7
И да и нет	17,3	23,3	28,8
Да	64	46,8	48,5
Затрудняюсь ответить	2,2	3,4	3,0

Таблица 3

Сопряженность самооценки успешности и профиля/уровня образования

Считаете ли вы себя успешным человеком?	Профиль и уровень образования, % опрошенных			
	«Гуманитарии»		«Технари»	
	Высшее образование	Среднее образование	Высшее образование	Среднее образование
Нет	12,3	22	13,4	30,3
И да и нет	5,1	11,7	8,2	16,5
Да	73,5	52	67,3	39,7
Затрудняюсь ответить	9,1	14,3	11,1	13,5

Возникает соблазн объяснить «неуспех» технических специалистов тем, что среди них 58 % составляют люди со средним образованием, в то время как

среди гуманитариев таковых всего 30 %. Однако это объяснение не будет исчерпывающим: среди гуманитариев с дипломом о высшем образовании все равно больше «успешных», нежели среди выпускников технических вузов. Более того, гуманитарии со средним образованием чаще чувствуют себя успешными, нежели «технари» после техникумов и училищ (а ныне — колледжей и лицеев).

Чем объясняется такая зависимость успешности от характера образования? Можно предложить несколько версий.

Версия 1. Различия в мотивации выбора профессии. Дело в том, что советы поступать в технические вузы и техникумы родителями всегда объяснялись утилитарно — необходимостью получить реальную профессию. Поэтому зачастую выпускники школ (особенно юноши) получали от родителей установку на технические специальности. Как пишет А. В. Меренков, «воспроизводится то положение, которое было в течение многих столетий, когда человек вынужден был выбирать работу, исходя из требований родителей, своей принадлежности определенному классу, гендерной общности» [11, 32].

Гуманитарные специальности, напротив, никогда не рассматривались в нашем обществе как особо прибыльные (за исключением разве что экономики и юриспруденции, но таких специалистов в выборке совсем немного). Поэтому гуманитариями чаще становились по желанию, нежели по принуждению или необходимости. Эта версия подтверждается следующими данными: среди успешных людей доля получивших желаемое образование составляет 63,8 %, а среди неуспешных таковых только 41,4 %. Также среди гуманитариев существенно больше тех, кто расценивает работу как возможность реализовать свои способности (табл. 4).

Таблица 4

Сопряженность мотивации к работе и профиля образования

Какое значение для вас имеет работа?	В какой сфере вы получили образование, % опрошенных			Всего
	В гуманитарной	В технической	В естественно-научной	
Это возможность самореализоваться	32	19	24	23
Это источник средств к существованию	48	63	52	56
Иное (общение, признание, неприятная обязанность и т. п.)	20	18	24	21

Версия 2. «Проектное мышление», свойственное в большей степени гуманитариям. Может быть, как раз из-за изначального отсутствия утилитарности при выборе профессии гуманитарий оказался обладателем и иных, более выгодных в современных условиях установок на отложенный успех и разумный риск. Эти установки полностью согласуются с новым, агональным типом поведения, при котором зачастую необходимо довольствоваться малым ради получения большего вознаграждения (теория отсроченного удовольствия [2, 537]) и стремиться

к новым достижениям, даже с риском потерять достигнутое (стратегии нацеленности на успех и избегания неудач, описанные Е. Фергюсоном и К. Хорни, как ключевые в мотивации личности [18, 21]). Опрос показал, что гуманитарии действительно чаще, чем «технари» и «естественно-научники», выбирают экономию сейчас ради большего вознаграждения в будущем (32,4 % против 21–23 % соответственно) и стремление к новым целям с риском потерять достигнутое (29,9 % против 19,7 и 12,3 % соответственно).

Версия 3. «Универсальность» гуманитарного образования. Гуманитарий оказывается более приспособленным к меняющейся жизни ввиду большей универсальности своего образования. В конце концов, взаимодействие в организации, управление людьми и ориентация в информационных потоках — суть универсальные коммуникативные навыки, формируемые чаще гуманитарными науками, нежели естественными и техническими. Далее, гуманитарии чаще обладают универсальными навыками работы с текстами. А именно успешность коммуникаций и умение работать с текстами определяют карьеру, готовность к организации своего дела и освоение новых моделей поведения. Поэтому гуманитарии чаще остальных рассчитывают найти более интересную работу, заняться собственным бизнесом, изменить специальность. Наконец, гуманитарная сфера в меньшей степени подверглась сверхспециализации, чем сфера техническая и естественно-научная. Дистанции между гуманитарными специальностями существенно меньше, что позволяет историку или филологу сравнительно легко находить применение своим навыкам в смежных прикладных сферах, например в маркетинге или управлении.

В завершение статьи хотелось бы сделать несколько замечаний прикладного характера, чтобы быть понятым правильно. Полученные данные не стоит трактовать слишком расширенно, как доводы в пользу «сущностной» неполноценности «технарей» по отношению к гуманитариям в духе рассуждений об особой роли «духовности» или «высокой культуры». Успешность гуманитариев представляется следствием не столько совершенства современного российского гуманитарного образования, сколько отсталости технической и естественно-научной сфер в нашей стране. Гуманитарий успешен только на фоне устаревших предприятий, которым все еще требуются не креативные инженеры, а дисциплинированные исполнители на рутинную работу. Далее, успешность гуманитариев обеспечивается не их специфической «духовностью», а наличием общекультурных компетенций, формированием которых по идее должна заниматься общеобразовательная школа, не справляющаяся с этим. Гуманитариям просто повезло: их образование в большей степени способствует исправлению элементарного неумения читать и понимать тексты и формулировать свою мысль, нежели образование техническое. И наконец, приведенные выше данные и выводы хотя и служат аргументом в пользу внедрения гуманитарных дисциплин в технические вузы, но не снимают задачи инструментализации самого гуманитарного знания.

---

1. Барьеры и возможности реализации человеческого потенциала в Пермской городской агломерации / З. Замаева, О. Лысенко, Н. Панкратов, А. Шишигин и др. Пермь, 2013.

2. Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
5. *Бурдьё П.* Структуры, габитус, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 59–122.
6. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1994.
7. Заболеваемость населения России в 2010 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mednet.ru/ru/statistika/zabolevaemost-naseleniya/zabolevaemost-vsego-naseleniya.html> (дата обращения: 10.05.2013).
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
9. *Корниенко О. Ю.* Социальный успех в профессиональной деятельности руководителя в российском обществе: гендерный аспект : автореф. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2011.
10. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2003.
11. *Меренков А. В.* Особенности и проблемы формирования профессиональных ориентаций учащейся молодежи // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 6. С. 31–37.
12. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 379–448.
13. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой. Пермь, 2013.
14. Рейтинг городов России по качеству жизни (Топ-20) — 2010 год [Электронный ресурс]. URL: <http://urbanica.spb.ru/?p=710> (дата обращения: 10.05.2013).
15. Рейтинг самых криминальных городов России [Электронный ресурс]. URL: <http://news.rin.ru/news/167574/> (дата обращения: 10.05.2013).
16. *Согомонов А. Ю.* Генеалогия успеха и неудач. М., 2005.
17. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
18. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М., 1993.
19. *Шматко Н. А.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
20. *Яцино М.* Культура индивидуализма. Харьков, 2012.
21. *Ferguson E. D.* Motivation: An experimental approach. N. Y., 1976.
22. *Hollans G.* Social Behavior. Its elementary forms. N. Y., 1974.

Рукопись поступила в редакцию 21 сентября 2015 г.

УДК 316.344.42(470.54-25) + 316.334.56(470.54-25)

Л. П. Пискунова
Л. Э. Старостова

**«ГОРОДОК ЧЕКИСТОВ» г. ЕКАТЕРИНБУРГА:
ВОПЛОЩЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ УТОПИИ
В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ**

В исследовании на материале устных рассказов различных поколений жителей «городка чекистов» Свердловска/Екатеринбурга выявляются и фиксируются практики конструирования реальности и трансформации человеческого опыта проживания в закрытом локусе советского мира. Цель исследования — выявить и зафиксировать процессы трансформации советской утопии, воплощенной в жилой архитектуре конструктивизма, в практиках повседневности екатеринбургского «городка чекистов».

К л ю ч е в ы е с л о в а: «городок чекистов», повседневность, урбанистика, утопия, конструктивизм, повседневные практики.

У Маркса о бане ничего нет, и о праздниках — нет же, нет вообще о быте, об узоре жизни, до некоторой степени — о кружеве жизни.

Василий Розанов

Методология исследования

Город как специфическая форма социального бытия стал объектом пристального внимания в эпоху стремительного роста больших городов. М. Вебер, Г. Зиммель, а позже представители Чикагской школы (Р. Парк, Л. Уирт, Э. Берджес, Х. Зорбах и др.) в своих исследованиях обнаружили связь городского пространства как с социальным поведением в целом, так и с процессами социальной сегрегации в частности. С точки зрения представителей Чикагской школы исследований города, на структурирование городского пространства влияет процесс взаимного приспособления социальных групп: «город с его естественными районами становится “системой координат”, т. е. инструментом для контроля наших наблюдений над социальными условиями и их отношением к человеческому поведению. Эта непрерывная социальная деятельность не только реструктурирует социальное пространство города, но и производит символические системы легитимации данных поведенческих процессов» [10, 8], что позволяет рассматривать конкретные феномены социальной жизни в городе (локальные жилые и деловые зоны с устойчивой системой отношений) как относительно самостоятельные системы производства значений в ходе повседневной жизни. Причем значения задаются как извне, так и изнутри подсистемы городского сообщества.

Исследования социальной сегрегации в городе, предпринятые представителями Чикагской школы социологии в 20-х гг. XX в., созвучны концепции социального конструктивизма, основной тезис которой заключается в том, что люди конструируют реальность в практиках социального общения. И эта

сконструированная реальность затем начинает программировать поведение человека в его деятельности по преобразованию действительности.

В контексте данной статьи примечательно замечание П. Бергера и Т. Лукмана относительно роли семантических процессов в транзитивные эпохи. Как пишут исследователи, радикальные изменения в обществе могут привести к изменениям в психологической реальности. Тогда начнут формироваться новые теории, стремящиеся соответствовать изменениям в идентичности. Но если «идентичность станет проблематичной внутри самой теории», тогда теории будут придумываться «прежде фактов» [1, 289] и тогда политически ангажированные группы смогут осуществить идеологическую обработку и манипуляцию сознанием различных социальных слоев общества для формирования определенного «социального интереса». Одной из форм политической обработки «масс» стал советский конструктивизм: «Искусство кончено! Ему нет места в людском трудовом аппарате. Труд, техника, организация! Переоценка функций человеческой деятельности, связь каждого усилия с общим размахом общественных задач — вот идеология нашего дня» [3, 844]. Для А. Гана и его единомышленников конструктивизм был призван стать важным идейно-архитектоническим ресурсом переустройства жизни.

Здесь уместно будет обратиться к понятию утопии в том смысле, как его трактует К. Мангейм, противопоставлявший идеологию утопии. По мнению К. Мангейма утопии обладают реальной социокреативной силой: «...своим противодействием им удастся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям» [9, 164]. В этом смысле конструктивистский проект представлял собой именно утопию коммунального общежития, которая, будучи воплощенной в архитектурной конструкции, обернулась новой действительностью, поскольку, несмотря на факт влияния коммунистической идеи на повседневность советского человека, реальные жизненные стратегии сопротивлялись идеальной матрице, что придавало заранее непредсказуемые очертания, в том числе и городским практикам.

Одним из начинаний первых десятилетий советской власти стало создание домов-коммун, «соцгородков», в которых осуществилась попытка трансформации архитектурных решений под новые представления об организации советского быта: экономия пространства и инфраструктуры отправления гигиенических нужд, оптимизация бытовых забот через вынесение функции приготовления пищи за пределы индивидуальной бытовой зоны и т. п. Хотя практически сразу в коммунальном фонде стали выделяться пространства привилегированного социального статуса, в целом новые идеи коммунального общежития были реализованы в ряде архитектурных жилых проектов. Еще одной чертой домов-коммун был принцип отбора жильцов по единому профессиональному/социальному основанию. Так, в Ленинграде был построен дом-коммуна гостиничного типа «Дом-коммуна инженеров и писателей». Будущие жильцы выступили пайщиками строительства. В этом доме не было кухонь, что компенсировалось столовой, в которой жильцы получали еду по карточкам [6, 79–80]. Более продуманным был дом-коммуна, построенный в 1929 г. в Москве по проекту М. Я. Гинзбурга. Как пишет Н. Лебина, «предполагалось, что комплекс будет состоять из четырех корпусов: жилого, коммунального, детского, служебного» [Там же, 81]. В доме были и элитные

апартаменты. Ключевыми требованиями, предъявляемыми к конструктивистским зданиям, были экономичность и функциональность с точки зрения максимальной оптимизации удовлетворения бытовых нужд. «Конструктивизм, называемый иногда пролетарским архитектурным стилем, благодаря относительной простоте конструктивного решения зданий и отсутствию многодельных декоративных деталей позволял использовать для их возведения дешевые местные строительные материалы, привлекать к строительству рабочих, не имеющих высокой квалификации, сокращать сроки и стоимость строительства» [12, 60].

В контексте идеологии индустриализации такая концепция советского быта была нацелена на решение задачи оптимизации отправления бытовых нужд в целях максимального высвобождения энергии на решение производственных задач.

Екатеринбургский «городок чекистов», построенный по проекту группы архитекторов под руководством И. П. Антонова в первой половине 1930-х гг., — архитектурный памятник советского конструктивизма, воплотивший в реальность советскую идею коллективного общежития нового типа, особый модернистский проект. Изначально задуманный как комплексная система коммунального обеспечения замкнутого профессионального сообщества (сотрудников НКВД), с ходом десятилетий екатеринбургский городок претерпел ряд социокультурных изменений, по-своему преломивших в себе историческую траекторию советской эпохи. Не случайно он был выбран главной площадкой Третьей уральской индустриальной биеннале, которая открылась осенью 2015 г.

С другой стороны, «городок чекистов» представляет собой развернутую реализацию модели советской жилищной политики на повседневно-бытовом уровне: городок включает четырнадцать корпусов, из которых часть — жилые, один представляет собой общежитие гостиничного типа (ныне гостиница «Исеть») и несколько объектов социальной инфраструктуры (поликлиника, столовая, прачечная, ясли, дом культуры, магазин). Все это позволяло решать бытовые проблемы, не покидая периметра городка. Связь с нуждами производственной сферы тоже очевидна: городок был сразу телефонизирован, чтобы живущие здесь сотрудники НКВД/КГБ могли быть поставлены в известность о необходимости срочно вернуться на работу всегда, когда это нужно будет системе. Пространственное расположение «городка чекистов» также отвечает рациональному подходу к удовлетворению требований производственной необходимости. До места работы жителям городка можно было быстро пойти пешком или доехать на служебной машине.

Можно предположить, что значения (оптимизация быта как часть производственной рациональности, потребление «по потребностям», заранее «предугаданным» планировщиками), закладываемые еще на стадии планировки городка, переосмыслились в процессе пользования созданной инфраструктурой, т. е. в повседневных практиках жителей городка.

Изучение исторического опыта трансформации этого запрограммированного социального пространства в ходе повседневных практик является частью проблематизации советского через призму социально-архитектурного проекта конструктивизма и может послужить решению следующих задач:

— вскрыть механизмы трансформации урбанистического пространства в опыте нескольких поколений;

— выявить процессы трансформации символических значений, изначально предписываемых городскому пространству утопическим дискурсом социальных реформаторов.

Будучи явлением сталинской модернизации, особым примером формирования модернистского человека методами жесткой репрессивной машины, пронизывающей как саму повседневность, так и вопросы о жизни и смерти всех к ней причастных, екатеринбургский «городок чекистов» является образцовым примером как попытки создания нового человека в новых социальных условиях, так и ситуации столкновения утопии с непосредственными формами повседневной жизни.

Н. Н. Козлова, одна из первых российских исследователей советской повседневности и субъективности, считала их важнейшими пространственно-временными и эмоционально-чувственными измерениями развертывания истории, сферой протекания человеческой жизни. Повседневность «поддерживает стабильность функционирования человеческих обществ... это целостный социокультурный мир, как он человеку дан» [5, 13]. Анализ повседневности — это всегда, с одной стороны, рассуждение о первичных онтологиях, о «вещах», окружающих людей, с другой стороны — разговор о практиках обращения с ними, о классификации мира, о телесном опыте человека (привычки, обычаи, ритуалы, техники сна, еды и т. д.). «Повседневность — “мир естественной установки”, пестрой мозаики жизни» [Там же, 14].

По мысли В. Беньямина, исследование повседневности в формах «предельной конкретности» выводит ее за пределы жанров «большой истории», Больших проектов, Больших идеологий. Анализ социальной реальности в модусе повседневности позволяет выявить многообразие жизненных выборов, борьбу ценностей, символические игры, стоящие за монологизмом политических и идеологических решений. Сфера повседневности, включая в себя «все», в некоторой степени автономна, потому что в ней действуют логики практики, коммуникаций, аффективной и символической интеграции. В практической жизни, исходя из этих логик, человек всегда перерабатывает решения власти, идеологические клише. «Власть, будучи всепроникающей, проявляется здесь в иных, горизонтальных формах, в виде микрофизики власти» [Там же, 16]. Исследования повседневности в связи с этим демонстрируют, что социальный, ценностный порядок общества имеет множественные измерения, что человек не кукла на веревочках структуры, что его чувства и представления лежат в основе любой социальной структуры.

В процессе обсуждения с К. Кобриным концепта «модерность» М. Липовецкий сформулировал очень интересный вывод, который мы позволим себе использовать для уточнения методологических рамок нашего исследования. Повседневность и повседневное самосознание есть «место прорастания и испытания модерности»; и главной исследовательской проблемой в этом контексте является характер взаимоотношений между представлениями о модерности и стратегиями выживания — интеллектуального, культурного, бытового. «Именно повседневность приобретает значение того оселка, на котором проверяются на прочность, затачиваются и обламываются те или иные версии (а главное — связанные с ними

ценности) модерности» [7]. Идея представителей французской школы «Анналов», согласно которой именно в структуре повседневности осуществляются незаметные сдвиги, приводящие в конечном счете к смене социальной реальности, особо актуализируется у М. Липовецкого в ракурсе разговора о судьбах модернистского проекта: когда утопическая идея нашла способы материального воплощения, самым сильным испытанием ее на прочность оказывается ежедневное существование человека.

Утопичность советского конструктивистского проекта очевидна: ее манифестировали в своих статьях сами архитекторы-конструктивисты. Кроме того, конкретные формы проявления этой утопии мы находим в воплощенных архитектурных решениях, одним из которых является екатеринбургский «городок чекистов». Очевидно и то, что на сегодняшний день историческая идентичность (утопия) «городка чекистов» стерта в сознании его жителей и горожан. Этот исторический и смысловой разрыв не возник одновременно, он нарастал от года к году, где-то рывками (уплотнение, волна репрессий, снятие с баланса системы КГБ и «открытие» городка, перестройка) и не всегда осознавался — ни жителями, ни внешними наблюдателями. Но динамика повседневной жизни вывела этот комплекс из разряда воплощенной коммунистической утопии в реальность постсоветского российского общества, когда «городок» становится обычным городским кварталом во второй половине XX в., а затем, в 1990-е гг., может быть использован как значимый маркер увядания советской эпохи (об этом свидетельствуют по крайней мере два фильма, снятые в эти годы: документальный фильм В. Ярмошенко «Городок чекистов» (1993) и художественный фильм В. Хотиненко «Макаров» (1993), а сегодня его обветшалость по-своему выражает аутентичность советского ретро (некоторые представители екатеринбургской интеллигенции именно поэтому охотно селятся в этом квартале).

Зафиксировать хотя бы часть малозаметных сдвигов в повседневности «городка чекистов», которые постепенно вводили его от утопии, можно с помощью структурированного изучения этой повседневности. В реконструируемом жизненном опыте людей, в воспоминаниях жителей «городка», мы сможем уловить сдвиги и запускавшие их механизмы, через которые реальная жизнь подтачивала фундамент модернистской конструкции.

Один из первых исследователей, предложивших программу изучения структур повседневности, был Ф. Бродель, выделивший в ней широкий спектр форм — от жилища, одежды и напитков до орудий, техники, планов поселений, моды [2, 38]. Ф. Броделю вторит Ю. М. Лотман, писавший, что «быт — это не только жизнь вещей, это и обычаи, весь ритуал ежедневного поведения, тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, повседневные ритуалы» [8, 493]. Приходится констатировать, что структура мира повседневности в исследовательской литературе не нашла однозначного определения. Вместе с тем в нее попадает все, что непосредственно встроено в каждодневный рутинный опыт человека: совокупность вещей, инфраструктура, предопределяющая поведенческие паттерны, и сами эти паттерны, т. е. модели поведения. Для жилого комплекса эти структурные элементы повседневности могут быть рубрицированы следующим образом:

- пространство «городка», внешнее (периметр, двор) и внутреннее (подъезды, квартиры), несет в себе инфраструктурный срез повседневности;
- общение в «городке», отражает поведенческие паттерны его жителей;
- снабжение и вещи «городка», которые объединяют в себе вещественный уровень повседневности.

К этой структуре мы добавили лексику городка как особый уровень повседневности, дублирующий в словах жизненные практики людей. Здесь можно «поймать» смыслы, которые люди вкладывают в то, что они делают, порой неосознанно.

В соответствии с выделенной структурой повседневности мы разделили собранную информацию по рубрикам: пространство «городка», квартиры «городка», общение в «городке», снабжение «городка», лексика «городка».

Методом сбора информации о повседневности «городка чекистов» стало глубинное интервью. Данное исследование использует в качестве источника устные рассказы жителей «городка чекистов» Свердловска/Екатеринбурга (1941, 1945, 1952 гг. р.) о своем детстве и юности.

Повседневные практики «городка чекистов»

Закрытость «городка», изначально predetermined принадлежностью профессиональной группе, существовала не только пространственно, но и на ментальном уровне. Некоторым свидетельством этой закрытости, сохранившейся до сих пор, является «сложность исследовательского поля». Респонденты плохо идут на контакт, неохотно делятся воспоминаниями о прошлом.

В силу объективных причин (те, кто были первыми взрослыми жителями городка, либо умерли, либо давно отсюда уехали) большинство интервьюируемых могут быть обозначены как «дети городка». Их опыт жизни в городке сформирован специфически детскими практиками — занятиями в кружках, детским общением, играми, а также восприятием мира взрослых глазами детей.

Пространство «городка». В то время когда проходило детство респондентов (послевоенное время — конец 1950-х гг.), «городок» постепенно утрачивал свою «закрытость». В 1950-е гг. в «городке» еще существовал пост охраны, но попасть в «городок» чужаку не составляло особого труда. Мальчишки даже сделали лазейку в заборе, раздвинув прутья решетки, или ловко перебирались через верх высокой ограды, чтобы не обходить городок, возвращаясь в него в неурочное время. В часы ухода детей в школу и возвращения домой задние ворота (выход на улицу Кузнечную) «городка» открывались, контроль за входящими в этот момент не осуществлялся. Но пространство «городка» осознавалось как защищенное: машины в «городок» практически не заезжали, дети без сопровождения взрослых «городок» через пункт охраны покинуть не могли. Тотальная телефонизация «городка» обеспечивала быструю связь поста охраны с любой квартирой, поэтому вынести что-то крупное из «городка» без контрольного звонка с поста охраны постороннему человеку было практически невозможно.

В темное время суток городок освещался не только фонарями около подъезда, но и мощными прожекторами (от двух до четырех, по разным воспоминаниям), что делало пользование территорией не только удобным, но и безопасным. «Все

тротуары и площадки были освещены как днем, окна приходилось плотно занавешивать шторами». Двор многими воспринимался как очень чистый, ухоженный и даже респектабельный («у нас был прекрасный дворник», «летом к 8 утра дорожки были уже подметены и политы водой», «в центре игровой площадки размещался прекрасный фонтан»).

В целом «городок» существовал как автономная социальная система, в которой можно было удовлетворить разнообразные нужды, не покидая периметра «городка» (прачечная, баня, парикмахерская, детский сад, поликлиника, магазины, клуб с концертным залом, спортивные секции и кружки по интересам для взрослых и детей, ремонтные мастерские, местный портной, столовая, в которой многие брали домой еду, унося ее в специальных судках).

Более того, система «городка» была частью более крупной системы, которую обеспечивала система НКВД/КГБ: жилье в «городке» дополнялось комнатами на ведомственной даче, находившейся на озере Балтым, дети «городка» получали путевки в ведомственные пионерские лагеря, родителей объединяло общее место работы, что создавало дополнительные основания для прочности социальных связей в «городке»: сослуживцы могли вместе проводить досуг (развлекаться, отмечать праздники), не покидая городка. Особые чины имели возможность выйти/зайти в «городок», имея ключ от парадной двери, которая вела на наружную сторону городка (улицы Луначарского, Первомайская). Машины за ними подъезжали к парадному выходу. В подчинении ведомства в Малом Истоке после Великой Отечественной войны появилось свое хозяйство (там работали пленные немецкие женщины, «они были очень дородные, крупные, всегда приветливые и обходительные»), там можно было отоварить продуктовые талоны: «по разрешению отца за мной заезжал его служебный автомобиль и я ехала за продуктами — мне там давали овощи, бидон сметаны, молоко, творог».

В конце 1950-х гг. «городок чекистов» утрачивает свою закрытость: любой может беспрепятственно войти в него, а в 1990-е гг. это даже становится причиной тревог для жителей «городка»: незваные гости шумят и мусорят на территории. Между тем закрытость продолжает ощущаться на уровне планировки: «замкнутый периметр создает чувство защищенности». Пожалуй, пространственная организация — главное завоевание архитектурного проекта «городка чекистов»; как и раньше, она дает его жителям чувство защищенности и уюта. Удобство планировки «городка» (функционализм, пристальное внимание к поддержанию высоких гигиенических стандартов жилья, хорошая инсоляция квартир), чувство закрытости и защищенности — все это делает его привлекательным и для современных жильцов.

Квартиры «городка». Перепланировка квартир в «городке», на наш взгляд, является самым показательным маркером противоречия архитектурной утопии последующим социально-бытовым практикам. То, что изначально в квартирах не планировалась кухня, стало причиной неоднократной перестройки квартир. Те, у кого количество комнат позволяло комфортно разместиться всей семье, могли позволить себе переделывать комнату с эркером «фонарь» под кухню, поскольку газовая плита находилась в коридоре у стены, разделявшей «фонарь» и коридор. Со стороны комнаты в этой части стены был шкафчик, ориентированный на две

стороны. Со стороны комнаты, в нижней части, это была кладовка, а со стороны коридора, в средней части, — ниша, в которой стояла газовая плита (на довольно неудобной высоте, по отзывам одной из респондентов). На перевод комнаты-«фонаря» в статус кухни (нежилое помещение) влияла и система оплаты за коммунальные услуги. Интересно, что когда плита располагалась со стороны «фонаря», в некоторых квартирах ее закрывали дверцами, поэтому в моменты, когда плита была не нужна, ее и не было видно. Высокие потолки позволяли устраивать вместительные антресоли в зоне коридора. В одной из таких антресолей местный фотограф даже оборудовал фотолaborаторию. Последующей перedelке (в 1960-е гг.) подверглись и окна в домах, поскольку изначально они открывались наружу, что превращало процедуру мытья окон в занятие акробатического типа.

Особой перedelке квартиры подвергались во время и после Великой Отечественной войны. В эти годы «городок» плотно заселяется (тогда квартиры уплотнялись за счет эвакуированных), иногда семьи размещались и в ваннных комнатах (благо в них было окно). Полезная площадь квартир использовалась по максимуму, изначальный функционалистский принцип отношения к жилью в условиях войны вновь возобладал. Кухни вернулись в ниши для разогрева, расположенные в коридоре, а высвобожденные комнаты заселялись новыми жильцами. Признак элитности квартир «городка» — окно в ванной комнате — также неоднозначно воспринимается их сегодняшними владельцами: нередко в процессе реконструкции на месте ванной комнаты делают кухню, а для сантехники отводят закуток в коридоре.

Общение в «городке». В «городке» 14 корпусов, из них 8 жилых, весьма неоднородных по социальному и профессиональному составу жильцов: сотрудники органов (НКВД/КГБ), военнослужащие МВД, технический персонал НКВД, персонал, обслуживавший инфраструктуру «городка» и (в меньшей части) люди, не имевшие отношения к НКВД, — эвакуированные во время войны и оставшиеся здесь. Жилые корпуса «городка» различались как по планировке, так и по размеру квартир (от двух до шести комнат в квартире). В корпусах с большими квартирами жили представители генералитета и высшие офицерские чины НКВД/КГБ (2, 4, 13-й корпус), имея отдельные квартиры. Представители обслуживающего персонала занимали по комнате в большой коммунальной квартире (14-й корпус). Квартиры средней величины в разное время были как коммуналками, так и квартирами на одну семью. До начала войны «городок» был заселен преимущественно офицерами НКВД, МВД и членами их семей. «Чужими» здесь были обслуживающий персонал как самого «городка», так и различных хозяйственных структур силовых ведомств (официанты, буфетчицы, чайницы, кладовщики и т. д.). Они жили преимущественно в корпусе 14. По отзывам некоторых респондентов, он воспринимался как изгойнический, маргинальный, наименее благополучный, хотя информанты (справедливости ради уточним, что ни один из наших информантов не проживал в 14-м корпусе) отмечали, что это не отражалось на отношении к детям, живущим в данном корпусе. Но взрослые считали, что это корпус «обслуги», рядом с которым к тому же располагались котельная и мусорная площадка.

Котельная представляла собой опасную зону, и взрослые не разрешали детям из других корпусов там гулять. Между тем это место притягивало детей, особенно

стеклянным куполом котельной, находившимся на уровне земли. Через этот купол дети любили подсматривать за работой кочегаров. Но, по воспоминаниям одного из информантов, им порой и самим не хотелось приближаться к куполу котельной из-за устрашающего вида кочегара. *«Даже сейчас, по прошествии почти 70 лет, у меня стоит перед глазами его черное лицо, каждая пора которого забита угольной пылью, белыми были только зубы и белки глаз, я всегда боялась проходить мимо его вотчины... все ожидала получить в спину кусок угля или камня».*

Вообще, формирование дворовых практик советской эпохи заняло не одно десятилетие. Как отмечает А. Пиир, «противопоставление нового просторного и благоустроенного советского двора, предназначенного для отдыха детей и трудящихся, мрачному и вредному для здоровья двору предшествующей эпохи возникло еще в 1920-х гг., однако реальное воплощение этой идеи в массовом порядке началось спустя 30 лет» [11, 374]. Екатеринбургский «городок чекистов» является примером авангардной (в смысле — передовой) реализации этой советской концепции в 1930-е гг., еще на этапе планирования.

Хотя социальная принадлежность не влияла на отношения между детьми, в городке все равно возникали группировки мальчишек, периодически враждовавших между собой. Однако в отношениях с детскими группировками других дворов местные мальчишки выступали единым фронтом, четко осознавая «внутригородковую» солидарность (форма проявления территориальной идентичности). Возможностей для общения у детей городка было много: спортивная площадка, зимой превращавшаяся в большой каток с елкой; большой фонтан, в котором летом можно было купаться, а рядом на «полянке» загорать; в летние месяцы еженедельный массовик-затейник из Дворца пионеров, разучивавший с детворой танцы, песни, театральные сценки. Многие дети активно посещали кружки художественной направленности: струнный оркестр, балетную студию, школу игры на фортепиано, изостудию, кружки технического моделирования, спортивные секции в ДК им. Ф. Дзержинского. Были и кружки для родителей (вышивание, прикладное творчество). Для занятий дома у детей были *«казенные пианино и рояли».*

Зоной сильного притяжения для детей было общежитие для семей сотрудников младшего офицерского состава (ныне гостиница «Исеть»), в котором были лифты и коридоры особой полукруглой конфигурации. Пробежка по полукруглым коридорам этого здания и поездка в лифте (так, чтобы охрана не поймала) были для мальчишек настоящим приключением. Манили ребят и подвалы. Одним из центров дворовой активности была большая спортивная площадка, оборудованная разнообразным спортивным инвентарем и столами для игры в шахматы/шашки. Бывшие дети городка вспоминают, что часто устраивались матчи по футболу, баскетболу и волейболу среди взрослых, смотреть которые собиралось большое количество зрителей всех возрастов. «Не удивительно, что, когда в 1952 году в Свердловске был проведен первый турнир дворовых команд города... его выиграли юные футболисты “городка чекистов”» [4, 9].

На протяжении почти восьмидесяти лет характер общения между жителями «городка» постоянно менялся: репрессии, война, перемещения сотрудников в связи с повышением по службе или «производственной необходимостью»

привели к структурным изменениям в социальном составе жителей «городка», появлялись люди с иным культурным бэкграундом и привычками, *«после войны на детской площадке часто можно было увидеть шелуху от семечек, лежащую плотным слоем»*.

До середины 1960-х гг. многие жители «городка» знали друг друга и поддерживали между собой добрососедские отношения (приветствия, посиделки на скамейках, игры на спортплощадке). Сейчас же ситуация кардинально поменялась: *«даже соседи по площадке не здороваются и не общаются между собой»*. Только редкие старожилы, встречаясь во дворе, все еще по привычке вспоминают *«коммунистический рай»*.

Снабжение «городка». Снабжение городка строилось на принципах полного материального обеспечения. При этом подразумевалась отнюдь не роскошь, а предоставление в безвозмездное пользование или за минимальную плату необходимых, но далеко не всегда доступных в молодом советском обществе материальных благ. Об этом свидетельствуют так называемая казенная мебель и упоминавшиеся выше музыкальные инструменты с инвентарными номерами, до сих пор сохранившиеся в некоторых квартирах. Жителям полагался базовый набор посуды, постельного белья. До войны жители городка, имевшие отношение к системе НКВД/КГБ, получали талоны на питание. Каждый день *«я ходила с судками в столовую, размещавшуюся на первом этаже ДК им. Дзержинского»*, получая там готовые обеды и ужины. *Папа в будние дни никогда дома не ел. Во время Великой Отечественной войны талоны не выдавали, мы получали только хлебные карточки. Иногда у нас скапливались излишки хлеба, и я по заданию мамы ходила продавать его на рынок»*. Эти «судки» были обязательным предметом каждой квартиры, необходимым элементом включенности в инфраструктурную систему «городка». По словам одной из наших информанток, *«в городке жила женщина, не имевшая этих судков, и она, по необходимости, обед из трех блюд сливала на пункте его выдачи в одну кастрюлю»*.

За старшими офицерами были закреплены служебные автомобили, которые иногда они использовали и в личных целях (поездки на дачу на озере Балтым, за продуктами в подсобное хозяйство в поселок Малый Исток, доставка детей в школу).

Даже после «открытия» «городка» в 1950-е гг., когда был снят пост охраны, как отмечает ряд информантов, снабжение военторговского магазина в «городке» было лучше, чем центральных (ЦУМ, Пассаж) городских универмагов. В частности, там был более богатый выбор тканей или *«хлеб лучшего качества и вкуса»*, за которым приходили из ближайших районов.

После открытия «городка», которое совпало с периодом «оттепели» и процессами демократизации жизни в СССР, исчезают видимые атрибуты «элитарности» материального снабжения «городка». Они приобретают иные формы (заграничные поездки, первые личные автомобили, высокая заработная плата, возможность получения хорошего высшего образования для детей). Строятся новые, более комфортные дома для действующих или бывших сотрудников ведомства. Но удобство расположения «городка» (как мотивационный фактор) иногда перевешивает в ситуации выбора переехать/остаться, и семья остается в прежней квартире.

Как показывают полученные нами сведения о материальной культуре «городка», в приватном распоряжении жителей был базовый набор предметов — от мебели до посуды. То, что можно было купить, порой с большими скидками, если речь идет о еде, предоставлялось в более широком ассортименте, нежели в целом по городу. Но эта материальная исключительность была условной, — на общем фоне жители городка пользовались материальными благами повышенного уровня, однако это не означало, что они не страдали от дефицита тех или иных товаров. Практика реализации излишних талонов на питание на рынке доказывает, что система не могла обеспечить своим членам по-настоящему коммунистический уровень жизни. Однако в целом «решенность» многих проблем — готовка пищи, поиски дефицитных товаров — хотя бы частично воплощала утопическую идею обеспечения человека всем, что он мог пожелать.

Лексика «городка». Здание нынешней гостиницы Исеть местными жителями обозначается как «*подковка*» (или «*подкова*»). Место у фонтана, засеянное травой, называлось «*полянка*». Газовая двухконфорочная плита называлась «*газовка*», а комната с эркером (которая есть в каждой квартире) — «*фонарем*». Жители 14-го корпуса в разных интервью получили наименование «*обслуга*» (чаще всего) или «*сброд*».

Словосочетание «городок чекистов» является неформальным именованием. Официальное название этого жилого комплекса — «Жилой комбинат НКВД № 2». Никто из наших информантов не помнит, когда возникло народное название городка, пришло ли оно изнутри «городка» или сформировалось вовне — в городской среде. Но оно очень прочно прижилось. Проведенный нами экспресс-опрос на улицах современного Екатеринбурга показал, что даже молодежь чаще всего хорошо знает, где находится «городок чекистов», хотя редко кто может объяснить исторические корни такого наименования.

Примечательно, что при общении с не-жителями городка местные маркировали его не только как «*городок*», или «*у чекистов*», но и по появившейся позже на крыше гостиницы «Исеть» надписи «Вперед к коммунизму»: «*Буквы были настолько большие, что их было видно с площади. Они, вероятно, были высотой с дверь*». Эта фраза не просто стала служить известным топографическим ориентиром, но и обыгрывалась в локальных анекдотах: «*“Вперед к коммунизму” пройдите и поверните направо*» или, в зависимости от того, с какой стороны входили в городок, «*не доходя до “Вперед к коммунизму”, поверните налево*».

У нас имеется еще одно интересное наблюдение относительно лексики городка: одна из информанток, покинувшая «городок» около шестидесяти лет назад, при недавнем посещении своего бывшего подъезда стала уверенно использовать слова, актуальные для привычного для нее в прошлом контекста. Между тем в практике ее современного словоупотребления эти слова вытеснены новыми понятиями.

С точки зрения трансформации коммунистической утопии наиболее интересны два понятия, связанные с «городком»: «*городок чекистов*» и «*сброд*». Восприятие нашими информантами первого понятия-топонима показывает, что почти ни у кого (за исключением одного из опрошенных) сегодня нет никаких негативных коннотаций, связанных с чекистами. Драматическая история «снята» другими коннотациями: «городок» — это уютное локальное пространство,

чекисты — примечательная часть советской истории, не лишенная привлекательности в силу мифотворческой силы этого исторического понятия. А вот слово «сброд» фиксирует в себе машинально воспроизводимую модель социального неравенства, прочно сформированную в сознании бывших детей «городка». Это означает, что хотя старожилы «городка» могут себе позволить вспоминать его прошлое как «свершившийся коммунизм» (фильм «Городок чекистов» В. Ярмошенко), в этом коммунистическом раю не было полного равенства. Идея равенства была заложена в самом распределении жилищного фонда «городка» по принципу места, занимаемого в социальной иерархии НКВД/КГБ. Следовательно, коммунистическое равенство в отдельно взятом квартале не смогло быть реализовано, коль скоро этот квартал был интегрирован в иерархизированную ведомственную систему.

Выводы исследования

Наше исследование повседневных практик екатеринбургского «городка чекистов» продолжается. Нам еще предстоит уточнить исторические трансформации субкультуры «городка», а также достроить картину его повседневности в опыте новых респондентов в поколенческой динамике. Однако материалы воспоминаний его жителей, фотодокументы, свидетельствующие об отдельных моментах жизни в «городке чекистов», позволяют сделать предварительный вывод о том, что «городок чекистов» не был просто утопическим архитектурным проектом, отвергнутым в процессе повседневных практик его жителями, а стал реальным проявлением модели общества, в котором задачи социального обеспечения были подчинены цели бесперебойного функционирования одного из ключевых социальных институтов того времени — системы НКВД. При этом просчеты планирования инфраструктуры данного социального пространства (открываемые наружу окна, отсутствие кухонь) гибко корректировались в ходе жизненных практик, а удачные находки и сегодня продолжают радовать жителей. Повседневные практики «городка» демонстрируют объективную социальную логику, в которой утопическая идея и повседневная практика сплавляются в новый габитус и новую архитектуру быта. Кухонные практики любыми способами «просачивались» и «обустраивались» в пространстве квартир, контрольно-пропускной режим придавал чувство защищенности и вместе с тем дополнялся практиками эскапизма, а диффузия социального состава жителей городка превращала целостную социальную коммуны в территориальное соседство социально разобщенных семей.

Снятие с финансового баланса КГБ/ФСБ территории «городка» включило его в общие процессы, затронувшие жилой фонд советской эпохи, а потому некогда цветущее в коммунальном смысле место («рай», «коммунизм» — так характеризовали наши респонденты социальное поле «городка» до конца 1960-х гг.) постепенно превратилось к 1990-м гг. почти в руины. На сегодняшний день комплекс «городка чекистов» — это культурное поле с пестрым социальным составом жильцов, плохой сохранностью памятников советской модернистской архитектуры, невнятной смысловой наполненностью, но все же это место, которое начинает входить в моду: представители креативного класса (дизайнеры, архитекторы, художники,

ученые) проявляют интерес к покупке квартир в этом квартале, а вид гостиницы «Исеть» и виды из окон этой гостиницы, появившиеся в сети Инстаграм после начала Третьей уральской индустриальной биеннале, доказывают, что екатеринбургский «городок чекистов» — место, в котором утопия начинает обретать черты символического капитала.

-
1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995.
  2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 2007.
  3. Ган А. Конструктивизм // Формальный метод: Антология русского модернизма / под ред. С. А. Ушакина. Т. 1 : Системы. Кабинетный ученый. М. ; Екатеринбург, 2014. С. 819–858.
  4. Гуцин С. Н. Горячий лед: Записки хоккейного арбитра. Свердловск, 1982.
  5. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.
  6. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
  7. Липовецкий М. Переписка М. Липовецкий — К. Кобрин: «Модерность, если принять эту точку зрения, всегда предполагает конфликт с современностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5515> (дата обращения: 25.08.2015).
  8. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : коммент. Очерк дворянского быта онегинской поры // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
  9. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М., 1994.
  10. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
  11. Пиир А. Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов) // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 345–378.
  12. Штин О. В., Дектерев С. А. Конструктивизм в архитектуре жилища Нижнего Тагила // Академ. вестн. УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2013. № 1. С. 59–65.

Рукопись поступила в редакцию 24 сентября 2015 г.

УДК 303.01 + 303.4 + 303.5 + 303.7

Ю. В. Бурбулис

**«ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ»
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ**

В статье рассматриваются методологические предпосылки и теоретические мотивы «онтологического поворота» в современной социальной теории. Эти вопросы конкретизируются в содержательном описании новой онтологии социально-гуманитарного познания. Выявляются некоторые последствия обновления онтологии в описании и объяснении социальности. В представленном исследовании автор опирается на основные положения акторно-сетевой теории (Б. Латур) и теории сборки (М. ДеЛанда).

Ключевые слова: онтологический поворот, трансцендентализм, имманентизм, постпозитивизм, экспериментальная метафизика, плоская онтология, редукционизм, антиредукционизм, интериорность, экстериорность, множественность, акторно-сетевая теория, теория сборки.

Философия и методология социально-гуманитарного познания столкнулись с задачами выработки новых представлений для описания форм, которые приобретает социальная теория во взаимодействии с различными видами социальной практики. Онтология общества перестала быть внешней проблемой для социально-гуманитарного познания. Онтологическая перестройка социально-гуманитарного познания в различных ее формах основательно расшатывает роль и смысл познания в социальности, все более обнаруживающей свою динамичность и неопределенность, подрывает привычную дисциплинарную матрицу современного обществознания, предопределяющую реальное разделение и весьма проблематичную междисциплинарность и даже интеграцию социальных наук. Более того, подобная перестройка открывает новые возможности для преодоления барьеров между гносеологией, онтологией и социально-гуманитарным познанием. В своей совокупности это вопросы онтологической переориентации научно-познавательной деятельности в описании, объяснении и проектировании современного общества.

В современной философии и социально-гуманитарном познании онтологический сдвиг в описании общества и построении социальной теории реализуется в нескольких направлениях: акторно-сетевой теории (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон, Дж. Хассард, К. Хеттерингтон), теории сборки (Ж. Делез, М. ДеЛанда), теории сообщества (Ж.-Л. Нанси, Дж. Агамбен), онтологии места (Т. Шацки) и т. д. Реализуемый в данных направлениях «онтологический поворот» предполагает особый способ построения социальной онтологии, а также методологию социального исследования. Этот поворот включает сдвиги в главных онтологических, методологических, практических установках, причем сдвиги системные, т. е. взаимосвязанные в своих истоках, стимулах и результатах. Кроме того, данный поворот создает дополнительные предпосылки для обоснования междисциплинарной методологии социально-гуманитарного познания, ее перспектив, ее связи с практикой общества и с широко понимаемой культурой.

Указанные исторические предпосылки и теоретические мотивы определили структуру данной статьи. В первой части анализируются исходные методологические предпосылки «онтологического поворота» в современной социальной теории. Вторая часть посвящается содержательному описанию новой онтологии социально-гуманитарного познания. В рамках представленного исследования мы будем опираться на акторно-сетевую теорию (Б. Латур) и теорию сборки (М. ДеЛанда). В последней части статьи рассматриваются некоторые последствия «онтологического поворота» в понимании социальности.

Исторические и теоретические предпосылки «онтологического поворота» в социальной теории

Главный вопрос, который лежит в основе обсуждения социальных теорий, их значимости и адекватности, — это вопрос о способах описания и объяснения общества. Очевидно, что в рамках социальной теории существует множество способов описания общества: одни предпочитают описание с высоты птичьего полета, другие — локальное и ограниченное; одни подчеркивают конфликтность, другие — согласие и сотрудничество; одни полагаются на изучение субъективного мира акторов, другие настаивают на сборе и обработке количественных данных для их обобщения и последующего синтезирования. Даже при том, что все эти описания дают нам различные «общества», результат понимается исследователями эпистемологически, т. е. с точки зрения того, каким образом мы получаем знание об объекте исследования. Отсюда повышенный интерес к вопросам эпистемологической легитимности и особенности форм познания общества.

Онтологическая переориентация современной социальной теории в целом развивается в русле постпозитивистской методологии научного познания. Она связана не с тем, как лучше или адекватнее исследовать общество, а с критикой собственных онтологических допущений. Конечно, любая социальная теория начинается с определения собственного предмета. Эпистемологические споры и вопросы, касающиеся легитимности форм знания, имеют смысл, если они привязаны к предмету исследования, к онтологии. Вот почему первой предпосылкой онтологической переориентации современной социальной теории выступает радикальное переосмысление возможностей и границ классической модели эпистемологии, ее понятий, методов и проблем.

Исходный тезис этого переосмысления выражается в том, что познание — не только действие по соотношению знания с действительностью; познание представляет собой феноменальную данность самого мира. Соответственно с этим исходным тезисом познание анализируется в контексте всей совокупности его социально-исторических условий. При этом серьезно расширяется и изменяется понимание знания. С преодолением характерных особенностей классической теории познания происходит утверждение новых принципов и установок неклассической эпистемологии, таких как «отказ от фундаментализма, от субъектоцентризма, новое понимание “внутренних” состояний сознания, ментальных репрезентаций и самого Я и др.» [5, 6–7]. Существенное расширение и изменение понимания знания и предметного поля эпистемологии воскрешает ориентацию

на анализ целостного познавательного отношения к изучаемым объектам, что ведет к отказу от «научоцентризма», согласно которому анализ научного знания является единственным способом исследования знания вообще. В этом контексте эпистемологический интерес распространяется как на научные, так и на вне- и ненаучные способы познавательного освоения мира, что сопровождается обновлением и обогащением методологического арсенала классической теории познания.

Характерным признаком отхода от классической модели эпистемологии является антипозитивистская ориентация в поисках критериев научности теоретических структур знания. Основная предпосылка этого поиска — отказ от возведенных в ранг безусловного базиса науки непосредственных данных. В контексте данного поиска разрабатывалась историко-методологическая модель науки, которая опиралась на динамическую структуру научного знания и рассматривала науку в ее функционировании и развитии, анализировала факторы оценки и выбора теорий в рамках историко-культурных взаимодействий науки с обществом (Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин и др.). Несостоятельность эмпирико-позитивистских версий научности, основывающихся на жестком разделении научных и иных типов рациональности, поставила под сомнение обоснованность и целесообразность процедуры отделения науки от метафизики как не соответствующей исторической практике развития науки. В частности, П. Фейерабенд отмечает проблему многомерности процесса развития науки, влияние на этот процесс разнообразных социокультурных факторов, что обуславливает историческое многообразие научных теорий как по форме организации содержания, так и по форме предметной ориентированности [7, 450–467].

Для уточнения этой первой методологической предпосылки «онтологического поворота» необходимо выделить две общие стратегии социального анализа: трансценденталистскую и имманентистскую. Первая стратегия утверждает, что акторы всегда включены в собственно социальный контекст. Такая стратегия дает социологии «фиксированную систему координат», которая гарантирует идентичность акторам и их различные свойства. Данная система координат используется социологами без рефлексии, в особенности в ситуациях достаточно определенных и устойчивых. Имманентистская стратегия отличает научное исследование от мифологии, религии и различных форм и практик идеологии. Как пишет Б. Латур, акторно-сетевая теория — это социология с «неустойчивой системой координат», отправная ее точка — «середина вещей» и минимум предубеждений: «...любая фиксированная система координат способна регистрировать действие без значительных деформаций. Но как только процесс ускоряется, нововведения разрастаются, а сущности множатся... следует разрабатывать релятивистский подход, чтобы быть способным перемещаться между системами координат и устанавливая определенную соизмеримость между следами, оставленными системами, движущимися с очень разной скоростью и ускорением» [4, 25].

Имманентистско-онтологическая переориентация приводит к тому, что понятия, традиционно объясняющие общество как самодостаточную субстанцию, пересматриваются с учетом их онтологических предпосылок, т. е. с учетом исторической динамики объекта исследования. Традиционный гносеологический вопрос об идентификации объекта исследования ставится в зависимость от его динамики.

Выбор совокупности определений объекта, когда последний воспринимается как самодостаточная субстанция, определяется не способом задания критериев его идентификации. Динамика общества, социальная практика, осуществляемая рефлексивными и опытными акторами-метафизиками, идентифицируют объект. Актеры, а не социологи-наблюдатели объективируют объект. Следовательно, понятия — это функции, которые применяются в отношении конкретного эмпирического материала. Каждая новая ситуация требует новых понятий. В этом отношении понятия — это эмпирические понятия, а не априорные категории способности рассудка. Понятия не даются в готовом виде и не производятся спонтанно благодаря мыслительной способности. Скорее, они производятся в ответ на специфические события в эмпирическом мире.

Разумеется, описание социальных процессов в онтологических терминах направлено против позитивистских/неопозитивистских предписаний о метафизике и метафизических постулатах, а также традиционной ориентации социально-гуманитарных наук на естественно-научные методы и установки. Отметим основные предписания методологии неопозитивизма, которые впоследствии оказались в центре критического анализа в постпозитивизме: сведение научно-теоретического знания к совокупности предложений, разграничение логического и дескриптивного языков науки, разделение дескриптивного языка на термины наблюдения и теоретические термины; положение о верификации научно-теоретических положений и преодоление на основе логического анализа метафизики [1, 47]. Отказ от этих предписаний — одно из следствий постпозитивизма в философии науки.

Известно, что принципиальная цель, преследуемая позитивизмом, заключалась в отказе от метафизического способа объяснения характера общественной жизни действием трансцендентных сил или механизмов. Без сомнения, доля истины в позитивистских ограничениях метафизических механизмов присутствует. Объяснение общественных процессов гипостазированными метафизическими силами искажает как процесс формирования теории, так и эмпирические исследования. Метафизические силы постулируют однородность и одномерность общественной жизни, поэтому главная задача теории и эмпирических исследований будет заключаться в редукции социальных процессов к этим силам.

Постпозитивистская философия науки критически относится к метафизическим способам объяснения социальных процессов. И тем не менее она признает необходимость в онтологических концепциях предмета исследования, поскольку благодаря последним восполняется теоретическая брешь, создаваемая неопределенностью, «недодетерминированностью» действия. Не случайно Латур говорит о «практической метафизике» акторов [4, 74], а ДеЛанда разрабатывает «эмпирическую метафизику» [9, 54], отождествляя метафизику с материалистической онтологией сложных природных и социальных систем. Более того, Г. Харман включает акторно-сетевую теорию Латура и «новую философию общества» ДеЛанды в общий контекст «объектно-ориентированной философии» [8]. Тогда как классическая социальная наука воздерживается от метафизики и разрывает любые связи с философией, Латур и ДеЛанда предлагают опираться на метафизику акторов в построении современной социальной теории.

Постпозитивистская методология научного исследования подразумевает известное различие между онтологическими, или метафизическими, понятиями, научной теорией и эмпирическими исследованиями. Согласно постпозитивистской методологии научная теория включает в себя онтологический или метафизический элемент, который состоит из серии внутренне взаимосвязанных способов проникновения в потенциал исследуемых социальных явлений. То есть онтологические положения научной теории описывают основополагающие процессы, которые могут быть реализованы в различных, часто взаимоисключающих, контекстах. Эти онтологические положения формулируются безотносительно к их реализации в эмпирических условиях [2, 24]. Поэтому именно теория призвана определить, каким образом эти возможности взаимодействуют и проявляются в различных контекстах. Социальная теория выясняет условия реализации онтологических возможностей, поэтому она, в отличие от этих возможностей, верифицируема и, следовательно, эмпирически опровержима.

С учетом данного различия необходимо отметить, что онтологические положения допускают широкий спектр возможностей развития социальных процессов. Следовательно, с самого начала исключается выделение единой и всеобщей траектории развития явлений, объяснение их действием абстрактных и трансцендентных сил. Онтология описывает конститутивные потенциалы общественной жизни, способности акторов по преобразованию объектов, а также условия производства и воспроизводства социальных процессов в различных эмпирических контекстах. Онтологические понятия не дают приоритет отдельным практикам и процессам производства и воспроизводства. Никаких универсальных механизмов. Исключается телеология любого рода.

Поскольку социальная теория сосредоточивается на процессах производства и воспроизводства общественной жизни самими акторами, систематизация онтологических допущений означала бы выделение сверхисторических механизмов и результатов социальных практик и, как следствие, постулирование универсальных траекторий развития социального. Отсутствие системы онтологических допущений не столько методологическая, сколько онтологическая предусмотрительность. Важно, что любая система онтологических возможностей может быть поставлена под вопрос, т. е. преобразована действиями самих акторов.

Рассмотренные методологические условия «онтологического поворота» приобретают особую значимость в контексте построения новой онтологии социального. Решающий поворот в онтологических построениях связан с переходом от традиционной к «экспериментальной» или «эмпирической» метафизике, аксиоматизации множественности.

Новая онтология современной социальной теории

«Экспериментальная» метафизика отличается от традиционной метафизики тем, что она не занимается поисками мистических, сверхъестественных оснований сущего, сверхчувственных качеств людей и вещей. Классическая метафизика постоянно попадает в одну и ту же ловушку скрытого, тайного основания: «невидимой руки», направляющей и объединяющей движение неорганизованного

и пассивного множества в относительно упорядоченное целое. Именно редукционизм обеспечивает это направление и объединение множества. Здесь и далее под «редукционизмом» мы будем подразумевать «сведение конкретного бытия человеческих индивидов (как, впрочем, и любых предметов, входящих в состав социального бытия) к неким общим свойствам, абстракциям. Редукционизм — методологический прием, т. е. прием действия и исследования, и вместе с тем реальный процесс, сводящий индивидуальные качества людей к общим формам их взаимодействия» [6, 559]. Именно редукционизм гарантирует и значительно более высокую степень фундаментального единства мира, и интенциональную координацию метафизического способа объяснения реальности.

Современная метафизика должна отказаться от метафизики основания или причины. Как это ни парадоксально, современная социальная теория характеризуется ее глубинно антиметафизической установкой. Конечно, метафизический проект Латура, как и все другие метафизики, подразумевает какие-то аксиоматические положения. Но «метафизика без метафизики» (А. Бадью) налагает аксиоматический запрет на любые решения относительно природы реальности. Поэтому Латур пишет: «Я хочу редуцировать редукционистов» [10, 191]. Именно этот запрет на заблаговременные решения относительно природы реальности характеризует «экспериментальную» метафизику, поскольку все ее выводы являются предварительными и носят экспериментальный характер.

Первый принцип «экспериментальной» метафизики заключается в «антиредукционизме» (М. ДеЛанда), или «ирредукционизме» (Б. Латур). Онтологическое введение каких-либо предварительных, априорных требований редукции Латур считает «отравой» для научного исследования. В той мере, в какой редукция выступает в них объяснительным принципом, они остаются теистичными в своей направленности, поскольку «редукционизм и религия идут рука об руку: религиозная религия, политическая религия, научная религия» [Там же, 190]. Никакой разницы нет между теми, кто редуцирует, и теми, кто призывает к душе, структуре, практике, пространству и времени, поскольку и в этом, и во многих других случаях «уникальное, специфичное, вариативное, множественное и оригинальное выражение подменяется простым, расхожим, гомогенным, многоцелевым термином под предлогом того, что последний может служить объяснением первому» [4, 141].

Для того чтобы традиционную метафизику заменить на экспериментальную, следует начать с определения «жизненного минимума», своего рода «метафизической минимальной оплаты», которая выражается в «принципе ирредукционизма». Этот «жизненный минимум» в конечном итоге необходим, чтобы исключить все заблаговременные решения относительно природы реальности. Если традиционная метафизика нацелена на изучение «гладких объектов» в целях достижения максимальной скорости и простоты объяснений, экспериментальная метафизика направлена на «замедление вещей» в целях следования движению самих объектов [11, 123]. Именно «гладкие» объекты традиционной метафизики с «отчетливыми границами», «четко определенной сущностью» и «легко опознаваемыми свойствами» создают иллюзию субстанции и постоянства. Для понимания динамики объектов требуется экспериментальное «замедление» вещей. Только в свете этой метафизической ирредукции актуализируются изменение и непостоянство

объектов. Методологический актуализм запрещает любые макрообъяснения изменений в пользу микрообъяснений на уровне эмпирической реальности движения самих объектов.

«Ирредукционизм» непосредственно высвобождает объектно-ориентированную онтологию (Г. Харман) или «плоскую онтологию» (М. ДеЛанда) множественного. Каждое сущее наделяется статусом объекта. Одинаковый онтологический статус объектов стирает все следы различия между человеком и предметом, природой и культурой, между Богом и его творениями, между двумя отличными друг от друга онтологическими порядками. Различие указывает уже не на иерархию и трансценденцию, а на само движение объекта. Различие есть не столько выражение или эффект некоторого трансцендентного порядка, сколько различие становления — гетерогенезис. «Тогда как онтология, основанная на отношениях между общими типами и частными инстанциями, имеет иерархическую структуру, поскольку каждый уровень представляет собой различные онтологические категории (организм, вид, род), подход с точки зрения взаимодействующих частей и эмерджентных целых ведет к плоской онтологии, которая складывается исключительно из уникальных, сингулярных индивидов, отличающихся друг от друга не по своему онтологическому статусу, а по своему пространственно-временному масштабу» [9, 58]. Одинаковый онтологический статус становится объектом чистого утверждения. В «плоской онтологии» нет категорий, распределяющих и иерархизирующих: если сущие отличаются друг от друга субстанционально, или формально, или по своим родовым и видовым отличительным признакам, то мы возвращаемся к аналогической и равнозначной онтологии. Однако «если мы исходим из равенства онтологического статуса всех объектов, то мы скатываемся в другую крайность: нейтральный, безразличный, бесформенный и некатегориальный мир. Однозначность трансформируется в трансценденцию» [2, 187]. То есть необходимо совместить два противоречащих друг другу утверждения о разности, разнородности и одинаковости онтологического статуса объектов. Это совмещение становится возможным благодаря аксиоматизации множественности.

«Ирредукционизм» может быть выражен в виде следующей не-теистической максимы: «повсюду заменить сингулярное на плюральное» [11, 29]. Единственно возможная онтология Единого — это теология. Единственный легитимный посттеологический онтологический атрибут — это множественность. Функция понятия множественности заключается в том, чтобы мыслить реальное без сущности или субстрата, заменить эссенциалистски статическое объяснение реального динамическим и, в частности, морфогенетическим. А это означает, что первая забота философии состоит не в определении сущностей и тотальностей, а в описании «неограниченного становления мира». Становление всегда избыточно относительно простой актуальности. «Человеческий вид не определяется через спецификацию (“разумный”) общего рода (“животное”). Он понимается как исторически конституированный вид: схожесть его с другими индивидами объясняется тем фактом, что они прошли общий процесс естественного отбора, а не тем, что они обладают общей сущностью; таким же образом устойчивое тождество самого вида обеспечивается репродуктивной изоляцией от других видов» [9, 28]. Тогда как эссенциалистское объяснение полагается на трансцендентные

относительно материи и энергии факторы, «морфогенетическое объяснение прорывает со всеми трансцендентными факторами, используя только имманентные самой материи формопорождающие ресурсы» [9, 29]. Под вопросом оказываются таксономические сущности — роды, виды, индивиды. Это уже не исходные, вне-временные архетипы или формы, а результаты эволюционных процессов, и потому они относительно устойчивы. Бытие этих архетипов или форм лежит не столько в их тождественности, сколько в их способности дифференцироваться; не столько в их неподвижности, сколько в их способности эволюционировать. Другими словами, это не субстанции и сущности, а события.

«Ирредукционизм» предписывает аксиоматизацию множества, ни к чему не сводимый онтологический плюрализм, исключаяющий какое-либо объединяющее начало. Всякое единство есть результат, оно носит локальный и операциональный характер. Множества состоят исключительно из множеств, их структура предписывает правила манипуляции для своих неопределенных объектов, избегая определения того, *что* есть множество. Утверждение, в соответствии с которым все элементы множества «собраны вместе», ведет к противоречию. Иначе говоря, его невозможно постичь в качестве конечной вещи — оно абсолютно бесконечно. Множество состоит из объектов, которые, в свою очередь, являются множествами: «Не смешно ли заявлять, что исследователи должны “идти за самими актерами”... Какого актера выбрать? За каким актером идти и как долго? А если каждый актер сам, в свою очередь, образован из пчелиного роя, носящегося туда-сюда, и так до бесконечности, то когда нам, черт побери, остановливаться», — риторически спрашивает Латур [4, 172]. То, что привязывается к множеству, невозможно отличить от того, к чему оно, в свою очередь, привязывается, — единообразие переменных не позволяет нам как-либо характеризовать объекты в зависимости от их объединения.

Новая онтология отклоняет все композиции, соответствующие единому, она имеет дело лишь с плюральностями, чьим единственным предикатом является множественность. Для описания этой ирредуктивной онтологии множеств Латур использует термин «сеть», ДеЛанда — «сборка» («ассамбляж»). В таких множествах становится видимым новое топографическое отношение между «микро» и «макро», «частью» и «целым». О таких множествах нельзя сказать, что в них макро включает в себя микро, потому что микро состоит из разрастания несоизмеримых сущностей и каждая из этих сущностей предоставляет один из своих аспектов, чтобы образовать временное целое. В таком множестве не существует никакого другого места для соединения его элементов, которые, в свою очередь, являются множествами. Поэтому «глупо задаваться вопросом», «в какой» супермегамакроструктуре все эти локальности находятся» [Там же, 267]. Такого глобального всеобъемлющего пространства не существует, нет такого места, о котором можно было бы сказать, что оно нелокально. Конечно существуют линии сцепления объектов, но не существует «высшего» метафизического плана, включающего в себя локальные планы. «Макро» не находится ни «выше», ни «ниже» взаимодействий, а добавляется к ним как еще одна связь, подпитываемая ими и подпитывающая их» [Там же, 249].

Оппозиция «часть — целое» имеет принципиальное значение в эссенциалистской онтологии. Целое образуется «отношениями интериорности», которые

подразумевают, во-первых, зависимость частей целого друг от друга; во-вторых, совместное функционирование частей, которое и порождает целое. В «плоской онтологии» сборка как открытая целостность образуется «отношениями экстериторности», которые предполагают взаимную независимость частей и целого. Части являются компонентами, не зависящими от целого, к которому они принадлежат, так же как целое рассматривается как не зависящее от своих частей: прежде всего отношения экстериторности предполагают, что «компонент сборки можно оторвать от него и поместить в другую сборку, в которой его взаимодействия будут иными» [9, 10].

Изменения в онтологических построениях имеют методологические последствия как в понимании социальности, так и в объяснении новых форм конституирования социальности.

Обновление онтологии: «другая социальность»

Несмотря на то что начало творчества Латура связано с исследованиями в области науки и техники, интерес его постепенно смещается в сторону разработки альтернативной теории общества, пусть даже и под эгидой акторно-сетевой теории. Окончательно данная теория формулируется в книге «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию», в которой Латур впервые представляет свое понимание социологии, социального и социального объяснения.

В этой работе Латур противопоставляет свою «социологию ассоциаций», господствующей со времен Э. Дюркгейма «социологии социального». Предметом последней являются социальные структуры, социальная дифференциация и, в частности, социальный порядок. Иначе говоря, «социология социального» изучает «общество» как установленную область реальности. В рамках этой традиции «социологи, относя прилагательное “социальный” к тому или иному феномену, обозначают им некое устойчивое состояние, комплекс связей, который потом может быть использован для описания какого-то другого феномена. В таком употреблении этого слова нет ничего плохого, пока оно обозначает то, что уже собрано вместе, без излишних допущений о природе собранного. Однако когда под “социальным” начинают понимать разновидность материала, пользуясь этим термином как прилагательным примерно того же ряда, что и “деревянное”, “стальное”, “биологическое”, “экономическое”, “ментальное”, “организационное” или “лингвистическое”, возникают проблемы. Тут значение термина распадается, поскольку теперь он обозначает две совершенно разные вещи: во-первых, сам процесс сборки, а во-вторых, особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов» [4, 11]. В «социологии ассоциаций» никаких материалов не существует. Под социальным прежде всего понимается то, что связывается, ассоциируется. Социология описывает социальное, только прослеживая постоянные перемещения (или переводы) связей между гетерогенными элементами.

Согласно Латуре «социология ассоциаций» представляет собой «утраченный путь», предвестником которого был французский социолог (и психолог) Г. Тард. Латур пишет: «Тард всегда сокрушался, что Дюркгейм отказывается

от задачи объяснения общества... В противоположность своему младшему оппоненту он настойчиво утверждал, что социальное – это не особая область реальности, а принцип соединения; что нет оснований выделять “социальное” среди других ассоциаций... что становление социальной науки вовсе не требует разрыва с философией, в особенности с метафизикой» [4, 27]. Следуя по этому пути, социологии удастся избежать известных и неразрешимых противоречий микро и макро, актора и структуры, технологии и общества, и – не в последнюю очередь – природы и культуры. Более того, социолог получит в свое распоряжение новые инструменты для описания и объяснения гибридного социального мира в непрерывном движении.

Б. Латур исходит из того, что в науке социальное всегда представлялось как «сборка», однако, в отличие от предшествующих теорий, результатом такой сборки являются не готовые и неизменные «конструкты», служащие для объяснения других конструктов, но изменяющиеся ассоциации объектов (человеческих и нечеловеческих), нестабильные и одинаково непригодные для объяснения других подобных объектов. Отсюда необходимость пересмотра понятия социального – единственно возможный путь вернуться к исходному значению социологии как «науки о совместной жизни». Б. Латур исключает из социологического словаря термин «социальное» и заменяет его понятием «ассоциации», а классическую социологию социального переименовывает в «социологию ассоциаций» – «ассоциологию». «Социология социального» изучает социальные структуры, социальную дифференциацию, социальный порядок, при этом «общество» полагается в качестве установленной данности. «Ассоциология» описывает «социальное», прослеживая постоянные движения от одной ассоциации к другой. Это описание решает три разные задачи: *развертывания* разногласий, чтобы просчитать количество акторов будущей сборки; *стабилизации* неопределенностей самими акторами благодаря форматам, стандартам и метрологиям; *построения* сборок, обновляющих коллективную жизнь [Там же, 343].

По меньшей мере в трех отношениях «социология ассоциаций» отличается от «социологии социального». Во-первых, предметом «социологии ассоциаций» являются социальные связи различных пространственных и географических масштабов. Во-вторых, она изучает социальное как непрерывный процесс трансформации, поэтому вопросы структуры и воспроизводства общества оказываются на периферии исследовательского интереса. В-третьих, в «социологии ассоциаций» идея исключительно человеческого общества, т. е. общества, состоящего только из людей, замещается понятием гетерогенного коллектива, который состоит из человеческих и нечеловеческих акторов. Это последнее отличие выражается в семиотическом понятии «актанта».

Примечательно, что под вопросом оказываются классические понятия социальных наук: «субъект», «индивидуальность», «личность». В акторно-сетевой теории статус составляющих сети действий и взаимодействий получают актанты. Латур пишет: «Я предлагаю называть тех, кого кто-то представляет, будь то люди или вещи, актантами» [3, 143]. Актант – вовлеченный в действие предмет или существо, совершающее действие или подвергающееся воздействию. Понятие актанта выводит на первый план именно событийность действия. Кроме того,

вопрос об акторах и структурах — и, как следствие, проблема индивидуального и коллективного, социального и гуманитарного, структуры и истории — теряет привычный для социальных наук привилегированный статус. На самом деле речь идет о том, что социальным наукам следует отказаться от традиционных дисциплинарных дуализмов. Отношение между человеческими и не-человеческими актантами — и в целом отношение между обществом и природой — представляет ключевой интерес для акторно-сетевой теории.

Главный недостаток «социологии социального», согласно Латуру, заключается в «социальном объяснении» (социальный редукционизм). В соответствии с господствующим в социальных науках представлением «социальное объяснение» подразумевает, что многообразие элементов, свойств и связей совместной жизни людей мы редуцируем к социальности как «фиксированной системе координат», своеобразному вместилищу. В результате объект исследования, например, наука, искусство, мода, закон или экономика, замещается какой-то социальной силой или механизмом, который для социального ученого оказывается более важным, чем собственно объект исследования. В роли таких социальных механизмов, как правило, выступают нормы, власть и интересы или так называемые большие феномены типа индустриализации или глобализации. «Социальное объяснение» подразумевает социальную контекстуализацию того или иного явления и объяснение с помощью норм и властных отношений законов функционирования, той или иной социальной сферы.

В действительности такое объяснение является правильным, но оно ничего не объясняет. Возникновение квантовой механики можно объяснить социально-историческими обстоятельствами Копенгагена начала XX в., или возникновение религии можно объяснить латинизацией Европы. Такие объяснения вряд ли можно отрицать. Но это объяснение ничего не объясняет, поскольку выходит за пределы специфики исследуемого объекта. Более того, оно не объясняет существование, содержание или масштаб действия социальных сил или механизмов. В результате оказывается, что социолог лучше разбирается в рыночных силах, чем экономист или акторы рынка, а «социальное объяснение» всегда подменяет объяснение и понимание самих акторов.

«Социология ассоциаций» — это своеобразная альтернатива социального редукционизма. Ее главный тезис — «следовать за акторами». С одной стороны, задача социальных наук заключается в том, чтобы изучать понятия, методы, схемы, с помощью которых акторы создают, организуют и систематизируют социальные миры. Социолог опирается на «этнометоды» акторов. Латур даже подчеркивает, что наши информанты делают социологию за нас, и делают это лучше, чем могли бы сделать мы. С другой стороны, задача социальных наук заключается в том, чтобы проследивать связанный ряд действий, создающий и трансформирующий любое взаимодействие и любого конкретного актора. Взаимодействие или актер вписаны в конкретное отношение к другим временам, другим местам и другим актантам. Как только социолог начинает проследивать такие связи, он оказывается втянутым в широкомасштабную акторную сеть.

Вопрос о том, из чего состоит социальное, — открытый и метафизический вопрос, на который не существует окончательного ответа. По этой причине теория

ассоциаций состоит из различных источников неопределенности: как формируются группы, как действуют агенты, как трансформируются объекты, как пишутся отчеты. Это открытые вопросы «социологии ассоциаций». Проблема заключается в том, сможет ли социология стать в достаточной степени абстрактной, чтобы быть способной наблюдать, как сами акторы ставят подобные открытые, метафизические вопросы в непрерывных процессах производства и воспроизводства социального.

Антиредукционистская методология лежит в основании «новой философии общества» М. ДеЛанда. В рамках «теории сборки» ДеЛанда выделяет три типа редукционизма, господствующих в социальных науках в конце XX — начале XXI в.: макроредукционизм, микроредукционизм и мезоредукционизм. Макроредукционизм (прежде всего *структурный функционализм* Т. Парсонса) выражается в сведении индивидуальной жизни и деятельности людей к социальным структурам. Микроредукционизм (*феноменологически ориентированные социальные науки*) выражается в сведении социальных структур и других целостностей к рутинам и категориям, структурирующим индивидуальную жизнь. Мезоредукционизм (*интегративные теории*) выражается в сведении общественной жизни не к макро- или микроуровню, а к объединяющим и тем самым обеспечивающим целостность социальных процессов факторам: «практикам» (Э. Гидденс), «габитусам» (П. Бурдьё), «коммуникациям» (Ю. Хабермас) и т. д.

Если следовать антиредукционизму, общество представляется в виде гетерогенной сети вложенных друг в друга сообществ, которые ДеЛанда называет сборками («ассамбляжи»). Всякое существо в одно и то же время является «макро» (относительно своих компонентов) и «микро» (относительно больших сборок). Таким образом, всякая сборка представляет собой промежуточную зону, расположенную на линии восходящих и нисходящих сообществ — сообществ, только частично пересекающихся. Сборка («ассамбляж») характеризуется «отношениями экстерности». Отношения внешни к своим компонентам: отношения могут измениться даже при условии неизменности компонентов, но отношения могут оставаться неизменными, даже если какие-то компоненты исключены из состава сборки.

ДеЛанда выделяет четыре измерения сборки («ассамбляжа»). Первое измерение распределяет выполняемые компонентами материальные и экспрессивные роли. Второе измерение касается процессов территориализации и детерриториализации, в которые включены компоненты. Третье измерение касается степени кодирования (или стабилизации) и декодирования (или дестабилизации) идентичности сборки. Четвертое измерение разграничивает молярные, или статистические, агрегаты и молекулярные, или интенсивные, популяции, которые сосуществуют в любой сборке и функционируют в качестве двух способов ее восприятия [9, 12–18]. Компоненты сборки разнородны. Единство, или целостность, заключается только в их со-функционировании. Единство нельзя свести к свойствам компонентов или объяснить этими свойствами, поскольку это со-функционирующие компоненты. С другой стороны, сборка обладает структурой гетерархии, которая позволяет разойтись различным нитям и различным силовым и смысловым линиям и при этом готова связать другие компоненты и линии.

Сборка — это «абстрактная машина», которая может включаться в различные сборки в очень разных обстоятельствах, в разные периоды, на разных уровнях сингуляризации. Между ними нет каузальной зависимости, а только топологическое «соседство» независимо от пространственно-временной удаленности и близости.

Предпринятый анализ позволяет сделать вывод о том, что современная социальная теория, во-первых, требует коренного пересмотра эпистемологических и гносеологических истоков социального познания, что выражается в «онтологическом повороте» в его имманентистской версии. В этом отношении социальная теория следует постпозитивистской методологии в философии науки и, во-вторых, опровергает методологию социального редукционизма и опирается на антиредукционистскую методологию «следования за акторами», которая выражается в построении альтернативной концепции социального, а в-третьих, снимает традиционные дисциплинарные дуализмы социальных наук и полагается на источники неопределенностей социальной теории.

-
1. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки М., 1978. С. 43–111.
  2. Керимов Т. Х. Бытие и различие: генеалогия и гетерология. М., 2011.
  3. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб., 2013.
  4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
  5. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
  6. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. М., 2015.
  7. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
  8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и ДеЛанда [Электронный ресурс]. URL: http://ncca.ru/app/mediatech/file/Graham_Harman.pdf (дата обращения: 30.03.2015).
  9. DeLanda M. A New Philosophy of Society. L., 2006.
  10. Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge, Mass., 1988.
  11. Latour B. Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy. Cambridge, Mass., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2015 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«uAnalytiCon-2015: ОБЪЕКТЫ И СТРУКТУРЫ»

УДК 340:115.3 + 340.5 + 340.113

А. Б. Дидикин

СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: АРГУМЕНТЫ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА

Статья посвящена реконструкции основных подходов к интерпретации проблемы следования правилу в юридическом языке. Рассмотрены скептические аргументы о возможности проведения аналогии между высказываниями Л. Витгенштейна о проблеме следования правилу и практикой применения юридических правил, а также позиции реализма и антиреализма о сущности юридических правил и их интерпретации на практике. Обосновывается позиция о том, что прямое использование аргументов Л. Витгенштейна в юридическом языке по аналогии невозможно, однако его методологический подход для преодоления противоречий употребления юридических терминов полезен и необходим.

К л ю ч е в ы е с л о в а: юридический язык, следование правилу, правило, правовая норма, интерпретация, значение термина.

Особенности юридического языка и его философского осмысления определяются специфическими функциями права как социального регулятора общественных отношений. В философии права существует ряд теорий, которые акцентируют внимание на том, каким образом правовые явления отображаются с помощью правовых высказываний. В частности, в нормативизме Ганса Кельзена право представляет собой иерархию логически взаимосвязанных правовых норм, которые имеют общий и индивидуальный характер. Такие правовые нормы, безусловно, содержат модель должного развития общественных отношений и способы их регулирования, однако к таким отношениям неприменимы традиционные представления о причинно-следственных связях, поскольку эмпирически наблюдаемые действия могут приобрести юридический смысл и значение только при наличии акта уполномоченного субъекта [5, 274].

Иными словами, правовая реальность отражается в юридическом языке иначе, чем иные объекты в мире. Аналогично и Герберт Харт отмечает аскриптивный характер юридических высказываний, поскольку использование грамматических

конструкций в праве, в отличие от других сфер знания, предполагает одновременное совершение юридически значимого действия, осуществление квалификации и оценки происходящих событий и действий, а в некоторых случаях — привлечение к ответственности [8, 124]. Не случайно эпистемологические вопросы возникают именно при анализе взаимодействия содержания правовых норм, правовых отношений и действий, а также с точки зрения полноты отражения в правовых нормах существующих отношений и многообразия человеческих действий.

Проблема следования правилу, сформулированная Л. Витгенштейном в поздний период его творчества, послужила одной из основ так называемого «лингвистического поворота» в философии права и становления аналитической традиции. Дискуссии современных философов права не случайно концентрируются на наследии Витгенштейна, ведь понятийный аппарат в правовой сфере формируется на основе базовых философских категорий аналитической философии.

Классическая формулировка проблемы следования правилу у Витгенштейна, которая в философской литературе рассматривается как парадокс (В. А. Суровцев, В. А. Ладов) [7, 11], имеющий множество лингвистических интерпретаций (С. Крипке, Г. Бейкер, П. Хакер и др.) [6, 1], звучит следующим образом: «ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом» [2, 163]. Использование Витгенштейном понятия «правило» многих философов права вводит в заблуждение, но подчеркивает нормативные следствия, которые относятся к множеству языковых практик, где действия могут оцениваться как правильные или неправильные. Такая оценка по своей сути позволяет интерпретировать правила, описывая ситуацию «языковой игры» и определяя содержание правила. Ключевой философский вопрос состоит в поиске такой адекватной интерпретации, устранении противоречий при употреблении языковых выражений и обнаружении формулировки правила, по поводу которой в лингвистическом сообществе существует согласие. Однако, следуя мыслям Витгенштейна, можно увидеть, что интерпретация правила нередко позволяет лишь заменить одну формулировку на другую, сохраняя при этом вопрос о степени соответствия эмпирически наблюдаемых действий правилу [3, 145–149; 10, 131].

Аргументы Витгенштейна о проблеме следования правилу сформировали ряд неоднозначных интерпретаций этой философской проблемы в аналитической философии права в свете вопроса об определенности юридических правил и их предписаний. Реалисты указывают на то, что право по своей природе — фундаментально неопределенное явление, и причины такого положения дел кроются в обыденном языке. Неопределенность языка и его конструкций с неизбежностью приводит к неопределенности и юридических высказываний, поскольку функция правовых норм (содержащих правила поведения) — раскрыть многообразие действий людей и отношений между ними [4, 105]. Реалисты в значительной степени опираются на интерпретацию аргументов Витгенштейна, представленную Крипке. Если математическое правило сложения применяется нами интуитивно (например, если нам необходимо продолжить числовой ряд на основе правила сложения «добавить 2»), то при осуществлении математических операций мы всегда находим верный ответ [6]. То же самое, по мнению реалистов, происходит

при принятии правовых решений. Когда судья принимает решение, он опирается не на формальное следование юридическому правилу, которое неопределенно по содержанию и содержит пробелы, а на существующие социальные практики применения таких правил, а также на иные социальные факторы, формирующие контекст принятия судебного решения (нормы морали, идеология, профессиональные стандарты и т. п.). Реалисты подчеркивают, что неопределенность правил непреодолима и присутствует во всех случаях. Юридические правила изначально содержат множество альтернативных интерпретаций, выбор которых судьей или иным должностным лицом может осуществляться свободно, за исключением формальных ограничений (например, возможности обжалования и отмены судебного решения вышестоящей инстанцией) [13, 37].

Корректна ли такая интерпретация взглядов Витгенштейна? Известно мнение одного из участников дискуссии, Брайана Бикса, что интерпретация Крипке взглядов Витгенштейна давно вызывает ряд возражений и ее экстраполяция в сферу права недопустима [Там же, 46]. Витгенштейн подчеркивает конвенциональный характер языка и многообразие «языковых игр», но из данного факта не следует отсутствие хотя бы временного консенсуса по поводу употребления слов. Такой консенсус может иметь политическую и идеологическую основу, и именно поэтому применение правил может быть гибким и достаточно определенным.

Реалисты не замечают и другое последствие использования интерпретации Крипке — скептического аргумента, который искажает идеи Витгенштейна. Скептический аргумент состоит в том, что мы не можем знать о том, что следуем правилу («мы следуем правилу слепо»), и отсутствие такого знания не позволяет обосновать процесс следования правилу. В то же время Витгенштейн обращает внимание на вопрос о том, как правило определяет наши действия. Если знаков и символов в структуре правила недостаточно, чтобы знать, какие определенные действия необходимо совершить, то и добавление знаков и символов не исключает неопределенности. Скептический аргумент наряду с реалистами разделяет и Дэвид Пирс, указывая на то, что язык может использоваться независимо от его отношения к миру: «ни одно правило не может лежать в основе слов, и полное выражение любого правила должно включать его текущие употребления» [18, 468]. Таким образом, следование правилу неотделимо от действий, соответствующих или не соответствующих ему: «Стало быть, “следование правилу” — некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» [2, 163].

Б. Бикс показывает упрощенный подход реалистов в философии права к интерпретации взглядов Витгенштейна, который приводит к необоснованным выводам о специфике юридического языка. В основе проблемы следования правилу лежат понимание языка как «формы жизни» и разделение простых и сложных случаев словоупотребления. В простых случаях мы применяем правила одинаково. Например, мы можем продолжить высказывания на основе правила сложения «добавить 2» как «1000, 1002, 1004» [13, 48]. Слово «мы» в данном случае включает всех, кто разделяет одну и ту же форму жизни, кто обучается одним и тем же правилам одинаково. Однако тот факт, что мы действуем одинаково, не говорит

о том, что делает эту практику соответствующей правилу. Необходим критерий для такого правильного словоупотребления, либо мы должны видеть понятие «правильности» в использовании языковых выражений.

В простых случаях, согласно Витгенштейну, не может быть оснований, точно определяющих действия: нет ментального состояния, внутреннего голоса или метафизической идеи. Не существует какой-либо сущности, которая обосновала бы или объясняла, почему мы действуем определенным образом, используя правило сложения «добавить 2». Это тот случай, когда люди обучаются действовать похожим образом, по одним и тем же правилам. Витгенштейн метафорически спрашивает: «как фиксируется следование правилу? Может быть, “логически” фиксируется? И с помощью других правил, и никак! — или, может, это означает: как мы соглашаемся в следовании правилу так и не иначе? Через обучение, тренировку и формы нашей жизни. Это не вопрос согласия, а форм жизни» [13, 44].

В дискуссиях о следовании правилу в философии права также возникает вопрос о том, что является основанием считать правильным один способ следования правилу, а не другой. В частности, Деннис Паттерсон рассматривает два возможных ответа: вера в то, что правило само по себе определяет, как нужно действовать, либо согласие в обществе делает один подход более правильным, чем другой. Он полагает, что интерпретация правил может быть достаточно широкой, и ее допустимость определяется социальным контекстом применения правила. В юридическом языке очень часто комбинация разных языковых конструкций позволяет осуществлять толкование правовой нормы и адекватное уяснение ее смысла. Например, судья может дать разъяснение о том, как исполнять принятое судебное решение, а орган законодательной власти — дать определения терминов в законе. Также в странах англосаксонской правовой системы распространены случаи толкования юридических правил правовой доктриной, позволяющие единообразно применять соответствующие правовые нормы. Именно такие удобные интерпретации практики, по мнению Д. Паттерсона, позволяют в юридическом языке преодолеть парадоксы следования правилу [17]. Аналогичные рассуждения приводит Брайан Лангилл, который утверждает, что «идея Харта о судьях, использующих социальные правила с внутренней точки зрения, является применением фундаментального аргумента Витгенштейна о следовании правилу к юридическому правилу» [15, 498].

Б. Бикс вместе с антиреалистами не поддерживает такую произвольную интерпретацию аргументов Витгенштейна применительно к праву, поскольку право представляет собой рефлексивную деятельность, участники которой рассматривают, обсуждают и аргументируют свои действия и решения [13, 48]. В отличие от примера с правилом математического сложения юридические нарушения правовых норм предполагают несоблюдение правил, установленных правовыми нормами. Кроме того, терминология Витгенштейна не имеет ничего общего с юридической терминологией. Например, в его понимании «грамматика» совсем другое понятие, включающее и практики использования слов, критериев и оснований, допускающих нормальное словоупотребление. Он полагал, что многие философские проблемы возникают из-за нарушения грамматических правил. Тем самым вне лингвистического контекста и «языковых игр» обнаружить проблему следования правилу по аналогии невозможно.

Антиреалисты также отрицают тезис о том, что обыденный язык является фундаментально неопределенным. Из рассуждений Витгенштейна не следует, что стабильные значения выражений и конвенции относительно словоупотребления недостижимы. Следование правилам определяется социальным контекстом употребления выражений, а обучение пониманию правил способствует определенности (Б. Лангилл, А. Мarmor и др.) [15, 16]. Именно практика правоприменения позволяет разрешать сложные судебные дела, а также способствует постоянному уточнению предписаний юридических норм.

Рассмотренные аргументы интерпретируют лишь возможности применения взглядов Витгенштейна, но не затрагивают специфику использования юридической терминологии. Ведь правовая норма не только обладает лингвистическим содержанием и формулируется с учетом правил грамматики, но и выполняет регулятивные функции, т. е. содержит предписания, при нарушении которых наступает юридическая ответственность либо иные формы ответственности. Г. Харт справедливо указывает на аскриптивный характер правовых понятий и правовых высказываний, ведь ключевая функция юридических терминов обеспечить квалифицированную оценку совершаемых действий — связующее звено между юридическими правилами и социальными отношениями [9, 162]. В этом смысле правовые нормы императивны и не могут оцениваться на истинность или ложность по содержанию, поскольку выступают инструментом социального регулирования. Однако нормативное предписание в структуре правовой нормы является правилом, и в сложных случаях неопределенность правила может породить пробелы в праве либо сложности с юридической квалификацией действий, что затрудняет применение правовой нормы. Отсюда безусловная актуальность рассуждений Витгенштейна и для правовой сферы.

Один из вопросов состоит в том, возможны ли юридически значимые действия, обусловленные правовыми нормами. В концепции Г. Харта именно первичные и вторичные правила образуют основу правовой системы и характер ее развития [12, 86–87]. Первичные правила, непосредственно регулирующие социальные отношения, в юридической форме фиксируют выражения обыденного языка, допускают альтернативные варианты поведения. А вторичные правила, напротив, на метауровне определяют правовые процедуры, полномочия, механизмы принятия правовых решений. Иными словами, вторичные правила придают стабильность правовой системе, устраняют возможные пробелы первичных правил. Однако и в такой системе правил возможно возникновение «открытой структуры», пространства интерпретаций, когда первичные правила не устанавливают способ регулирования социальных отношений. Но, в отличие от реалистов, Харт не допускает фундаментальной неопределенности правил, поскольку судебское усмотрение ограничено целями и принципами развития правовой системы, а также минимальным моральным содержанием правовых норм.

Вторым важным вопросом является влияние проблемы следования правилу на условия легитимности юридически значимых действий. Следование правилу устраняет произвольный характер юридических решений, а судебное решение основывается на юридической квалификации эмпирических фактов и событий. В концепции Г. Харта этому тезису соответствует «правило признания», которое

обеспечивает взаимодействие уровней правил и содержит критерии системности правового регулирования, а в некоторых случаях — и фундаментальные ценности правовой системы в целом. Правило признания выступает концептуальной основой и условием формирования иных видов правил, что придает большую определенность и стабильность толкованию нормативных предписаний и принятию правовых решений.

Существуют аргументы известных последователей Л. Витгенштейна, Г. Бейкера и П. Хакера, о том, что интерпретация правила до его применения невозможна, отсюда следует, что факты применения правила и создают его интерпретацию [1, 153]. Практика использования судебных прецедентов в странах англосаксонской правовой системы соответствует этому тезису. Нормативные предписания мотивировочной части прецедента позволяют более гибко принимать судебные решения, применять аналогию закона и аналогию права и, как правило, интерпретируются в процессе их применения. Специфика юридического языка проявляется в том, что следование юридическим правилам может происходить и в процессе принятия законов (соблюдение парламентских процедур, определение общих понятий в законе, например, определение понятия «транспортное средство» у Харта), т. е. до возникновения правового регулирования, и в процессе правоприменения, когда толкование и интерпретация правил являются необходимыми для их правилосообразного применения. Легитимность процедур определяет дальнейшую правилосообразность действий субъектов права и выступает основой определенности при принятии правовых решений.

Таким образом, анализ позиций реализма и антиреализма, а также скептической аргументации о проблеме следования правилу в классических трудах Витгенштейна и его последователей имеет важное значение для понимания специфики юридического языка и правовых высказываний. Особенности правового регулирования социальных отношений, взаимодействия нормативных предписаний, действий и их юридической квалификации не позволяют применять традиционные представления об истинности/ложности таких высказываний. Проблема следования правилу с точки зрения прямого применения аргументов Витгенштейна к правовой сфере не проявляется, однако в сложных случаях «открытой структуры» права, а также при принятии правовых решений методологический подход Витгенштейна является полезным и необходимым, способствуя уточнению содержания юридических понятий и их конкретизации.

---

1. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / под общ. ред. В. А. Суровцева. М., 2008.

2. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Т. 1.

3. Грязнов А. Ф. «Скептический парадокс» и пути его преодоления // Вопр. философии. 1989. № 12. С. 140–151.

4. Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск, 2012.

5. Кельзен Г. Причинность и вменение / пер. с англ. А. Б. Дидикина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, вып. 2. С. 265–282.

6. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / под общ. ред. В. А. Суровцева. Томск, 2005.

7. *Ладов В. А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск, 2008.
8. *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012.
9. *Оглезнев В. В.* Отменяемость и юридический язык: в защиту Г. Харта // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия «Философия, социология, политология»*. 2014. № 2. С. 161–169.
10. *Сокулер Э. А.* Проблема «следования правилу» в творчестве Л. Витгенштейна и ее интерпретации // *Современная аналитическая философия*. Вып. 1. М., 1988.
11. *Суровцев В. А., Ладов В. А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск, 2008.
12. *Харт Г.* Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева, А. Б. Дидикина. СПб., 2007.
13. *Bix B.* Law, Language and Legal Determinacy. Clarendon Press, Oxford, 1993.
14. *Dickson J.* Interpretation and Coherence in Legal Reasoning (2005) // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. URL: www.plato.stanford.edu (accessed: 15.03.2015).
15. *Langille B.* Revolution without Foundation. The Grammar of Scepticism and Law // *McGill Law Journal*. 1988. Vol. 33. P. 451–505.
16. *Marmor A.* The Nature of Law (2001) // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. URL: www.plato.stanford.edu (accessed: 15.03.2015).
17. *Patterson D.* Law's Pragmatism: Law as Practice and Narrative // *Virginia Law Review*. 1990. Vol. 76. 937.
18. *Pears D.* The False Prison. Oxford, Clarendon Press, 1988.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2015 г.

УДК 111.1 + 13:2-21 + 2.11:141.78

Ю. В. Горбатова

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ УПРОЩЕННЫХ ВЕРСИЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА

В 2010–2011 гг. в журнале «Analysis» состоялась небольшая захватывающая полемика¹ по поводу онтологического аргумента. В защиту аргумента с обновленной его версией выступили Линн Раддер Бэйкер и Гаррет Мэтьюз. Их оппонентом были известный знаток современной аналитической теологии Грэм Оппи — автор книг «Рассуждения о Боге» [8] и «Онтологический аргумент и вера в Бога» [11]. В данной работе на примере указанной серии статей автор стремится продемонстрировать, что в настоящее время подход, предложенный Бэйкером и Мэтьюзом, является уже несколько анахроничным и требует существенной доработки, а также (желательно) и формализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: онтологический аргумент, современная аналитическая теология, Кант.

1. Онтологический аргумент Ансельма. Трудности понимания

В настоящей работе речь пойдет только о доказательстве, предложенном Ансельмом во второй главе «Прослогиона» — «О том, что Бог поистине есть,

¹ См.: [6, 7, 9, 10].

хотя и сказал безумец в сердце своем: «нет Бога»». Таким образом, мы не будем обсуждать модальную версию доказательства о необходимом существовании Бога, но лишь о том, что Бог существует. В этой главе Ансельм вводит знаменитое понятие, которое и является определенной дескрипцией Бога — «то, более чего нельзя представить» (*id quo nihil maius cogitari posit*). Основным доводом в пользу существования Бога служит следующий: «Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме» [1, II].

Традиционно и трудность, и красота аргумента усматриваются прежде всего именно в понятии Бога, введенном Ансельмом, — «то, более чего нельзя ничего помыслить». Действительно, это понятие выделяется из ряда других «мыслимых» возможностей: так, контраргумент Гаунило о столь прекрасном острове, что более прекрасного нельзя себе и помыслить, бьет мимо цели именно потому, что к предложенному Ансельмом понятию он добавляет некоторую определенность — «прекрасный остров». Любое добавление «принижает» вновь образованное понятие по сравнению с понятием о «том, более чего нельзя ничего помыслить» и существование (возможно) скрывающегося за ним объекта доказать с помощью рассуждения, аналогичного онтологическому аргументу, становится невозможно.

Не умаляя заслуг Ансельмова понятия Бога в целом, я² тем не менее склонна считать, что сложность и неоднозначность аргументации во многом обусловлена неясностью трактовки термина «больше», входящего в это понятие. Многие исследователи пришли к такому же выводу. В их числе, безусловно, и герои данной статьи — Р. Мэтьюз, Л. Р. Бэйкер и Г. Оппи. Выражение «больше» в предложенном контексте выглядит естественным и легко «прочитывается». Однако на прямой вопрос: «В каком смысле следует понимать это “больше”?» — можно дать несколько существенно различных ответов³. В свою очередь, Мэтьюз и Бэйкер стремятся прояснить понятие «то, более чего нельзя помыслить», трактуя термин «больше» в одном случае как численное превосходство качеств, а в другом — как качественное превосходство одних качеств над другими.

2. Мэтьюз и Бэйкер. Прелиминарии

Упрощенная версия онтологического аргумента является таковой не по отношению к аргументу самого Ансельма, относительно которого она, напротив, является заметно усложненной, а к предыдущей версии аргумента самих авторов — Бэйкер и Мэтьюза. Я позволю себе кратко изложить первую, «сложную» версию, а также высказать свои соображения по поводу выстраиваемой с их помощью онтологии.

В первую очередь Мэтьюз и Бэйкер [5] отмечают важность «прагматического аспекта», который они усматривают не в самом доказательстве, а в некоторой

² Хочу выразить признательность Софии Данько, Диане Гаспарян, Татьяне Левиной, Тарасу Пашенко и особенно Виктору Горбатову за плодотворные и содержательные беседы.

³ О более чем десяти возможных вариантах трактовки термина «больше» в понятии «то, более чего нельзя помыслить» см. [11].

особенности, присущей человеку, единственно благодаря которой онтологический аргумент становится в принципе возможным; речь в данном случае идет о такой «когнитивной способности» человека, как думать о чем-либо или реферировать к чему-либо, вне зависимости от того, существует ли в действительности объект мысли (референции)⁴. Также авторы предлагают рассматривать все объекты как принадлежащие одному из двух классов: объектам мысли [objects of thought] или объектам действительности [objects in reality].

Разделение объектов на две подобные категории не является новым. Так что следует уделить особое внимание мелочам.

Во-первых, утверждается, что объекты мысли могут как существовать в действительности, так и не существовать (по логическим, физическим или иным причинам). Тем не менее мы можем манипулировать объектами мысли вне зависимости от того, являются ли они также и объектами действительности. Другими словами, становится возможной такая ситуация, при которой два человека, беседуя о некотором объекте, полагают его: один — существующим в действительности, а другой — лишь в мысли. Но референцию они, по мнению Бэйкер и Мэтьюза, тем не менее осуществляют к одному и тому же объекту — одному и тому же объекту мысли.

Во-вторых, объекты обоих типов обладают свойствами как в действительности [has-in-reality], так и в уме [has-in-thought]⁵. Утверждение о том, что объекты мысли, которые не существуют в действительности, могут, несмотря на это, обладать в действительности какими-то свойствами, представляется несколько натянутым. Авторы отдают себе в этом отчет, а потому дополнительно поясняют, что такими свойствами (в отличие от объектов, существующих в действительности) объекты мысли обладают лишь опосредованно: «все свойства объектов мысли, которые в действительности не существуют, определенно зависят от мысли — даже те, которые существуют в реальности» [5, 39]. Такое пояснение нельзя признать удачным, поскольку вопрос заключался не в том, *опосредованно ли* свойства объектов мысли, не существующих в действительности, обладают тем не менее свойствами в действительности, а в том *в каком смысле* такое обладание вообще возможно. Судя по всему, речь в данном случае идет о том, что объекты мысли, не существующие в действительности, обладают в действительности свойствами *в сослагательном наклонении*: если бы этот объект существовал в действительности, он обладал бы в действительности и определенным набором свойств. Набором,

---

⁴ Спорить с наличием такой способности бессмысленно. Однако, в отличие от авторов, которые, как мне показалось, довольны ее наличием у человека, поскольку она дает возможность сформулировать онтологический аргумент, я склоняюсь к идее, что для аргумента это не самая лучшая из наших способностей. Действительно, если бы такой способности у нас не было вовсе, необходимость в самом аргументе немедленно отпала, ибо мы точно бы знали, что Бог есть, либо вообще не знали бы даже о возможности говорить о каком-то «Бог», так как наши способности позволяли бы нам рассуждать лишь о том, что действительно существует.

⁵ В общем и целом идея очень похожа на идею Эдварда Залты с разделением объектов на действительные и абстрактные: первые экземплифицируют, а вторые — лишь кодируют свои свойства, так как первые существуют на самом деле, а вторые являются продуктами человеческого разума. Мэтьюза и Бэйкер не удовлетворяет в данном подходе только одно: онтологический аргумент, триумфально доказанный Залтой, тут же оказывается ничтожным, ибо доказательство верно только в том случае, если Бог кодирует свои свойства. Доказать, что он их экземплифицирует, Залта полагает невозможным.

который предопределен⁶ тем, как этот объект, существующий в действительности, предстает в мысли.

В-третьих, важным различием двух видов объектов является пресловутое различие в наборах свойств. Суть идеи заключается в следующем: объект, существующий в действительности, обладает полным набором свойств: т. е. относительно любого свойства можно сказать, что этот объект обладает или самим свойством, или же его дополнением⁷. Так, любой человек имеет рост, вес, цвет волос, глаз, кожи, размер ноги, одежды и прочая, и прочая, и прочая. Что же касается объектов, существующих в мысли, но не в действительности, то их набор признаков неполон, так как обладает лишь теми характеристиками, которыми его наделили индивиды, использующие этот объект, чтобы «думать о» нем или «реферировать к» нему. Так, мы знаем, что Санта Клаус носит белую бороду и усы, но не знаем, сколько он весит или какой у него рост⁸. Основываясь на идее о неполных наборах свойств объектов мысли, Мэтьюз и Бэйкер предлагают ввести следующее важное понятие — иной в точности такой же вещи [*an otherwise exact same thing*]: «Пусть две вещи — назовем их *x* и *y* — обладают некоторым одинаковым набором свойств, только *x* обладает ими в мысли, а *y* — в действительности. Тогда *y* по отношению к *x* “является иной в точности такой же вещью, что и *x*”» [5, 46].

Эта идея, пожалуй, самое схоластическое, самое «тонкое» место в выстраиваемой авторами онтологии. Само выражение звучит как оксюморон, однако исследователи настаивают, что объекты *x* и *y*, несмотря на совпадение свойств, не являются тождественными, так как речь идет о том, что у объекта действительности — *y* — имеется полный набор свойств, а у объекта мысли — *x* — лишь неполный. Таким образом, *y*, хотя и обладает тем же набором свойств, что и *x*, по сути, серьезно отличается от него, ведь он обладает и множеством других свойств, которыми (как, впрочем, и их дополнениями) *x* не обладает.

Такое различие, позволяет Мэтьюз и Бэйкер более формально пояснить суть «прагматического аспекта», который представляется им столь важным для валидности онтологического аргумента. «Аспект», напомним, заключается в том, что два человека могут реферировать к одному и тому же объекту мысли, даже если один полагает объект референции существующим *лишь* в мысли, а другой — *не только* в мысли, но и в действительности. Таким образом, даже если теист и атеист говорят о Боге, они могут вести осмысленный диалог об одном и том же объекте мысли. При этом тот объект, который будет подразумевать теист, будет *иная в точности такая же вещь*, как тот объект, о котором будет думать атеист. Теперь, когда онтология практически выстроена (а целью ее построения является подведение серьезного фундамента под онтологический аргумент), формулировка следующего принципа должна окончательно расставить все точки над «i»: «(G) Для любого *x*, который существует лишь в мысли, любая иная в точности такая же вещь, которая существует не только в мысли, но и в действительности, будет большей (не только в мысли), чем *x*» [Там же].

⁶ Полностью или частично остается неясным.

⁷ Ясную и отчетливую формулировку этой идеи мы находим у Канта в «Критике чистого разума».

⁸ Пример является классическим и принадлежит Алвину Плантинге.

Именно в момент введения принципа (G) авторы, как настоящие изощренные в своем деле схоласты, подводят читателя к естественному на первый взгляд выводу: теперь очевидно, что любая вещь, существующая в действительности, окажется чисто «нумерически» или «технически» больше: у действительных вещей больше (и не просто больше, а полный набор) свойств. Однако мы хорошо знаем, что этот полный набор никому (за исключением как раз обсуждаемого Бога, если бы такой существовал) не известен, а потому технически отличить мыслимую вещь от действительной, используя указанное различие, мы не сможем. Таким образом, «большество» вроде бы и есть, но она умозрительна. Тем не менее нам следует вспомнить, что именно теист в разговоре с атеистом имеет в виду *иную в точности такую же вещь*, которая, как мы теперь можем (пусть и чисто гипотетически) убедиться, является *большей* по сравнению с той, которую в этой же беседе имеет в виду атеист.

3. Первая версия онтологического аргумента

Возвращаясь к заявленной в программе обновления онтологического аргумента прагматике, Бэйкер и Мэтьюз приводят в качестве леммы такое рассуждение⁹:

а) Теист и атеист выражение «то, больше чего нельзя помыслить» реферируют к одному и тому же объекту (*согласно утверждаемому «прагматическому аспекту»*).

б) То, больше чего нельзя помыслить, — это объект, который существует в понимании обоих: как теиста, так и атеиста (*из пункта «а» и значения выражения «существовать в понимании»*).

с) Пусть S — объект, который существует в понимании теиста и атеиста и более которого нельзя ничего помыслить (*номинальное определение для выражения из пункта б*).

д) S существует в мысли (*согласно пункту «с» и тождеству терминов «существовать в понимании» и «существовать в мысли»*).

Если «развернуть» выражение из пункта «д» (т. е. совершить подстановку на место S выражения из пункта «с»), получится следующее утверждение: «объект, который существует в понимании теиста и атеиста и более которого нельзя ничего помыслить, существует в мысли». По сути, это тавтология, так как, согласно Бэйкер и Мэтьюз, объект, о котором думают или к которому реферируют, уже в силу этого акта мысли или референции существует в мысли. Так что достаточно знать, что некто думает о том, больше чего ничего нельзя помыслить, чтобы считать, что такой объект существует в мысли. Другими словами, лемма представляется если не излишней, то содержащей лишние шаги.

Отдельного внимания заслуживает пункт «а», который принимается в качестве не требующей доказательства посылки. Насколько я понимаю, это становится возможным исключительно в силу постулирования наличия у объекта, существующего в мысли, объекта-«двойника», существующего в действительности — иного в точности такого же объекта. Поскольку нам уже известно, что в понимании

⁹ Рассуждение приводится по [11, 47–48] с моей экспликацией логических связей. — Ю. Г.

существуют и те объекты, которые как существуют, так и не существуют в действительности, можно было бы сказать, что класс объектов мысли строго включает в себя класс объектов действительности. Другими словами, вне зависимости от того, существует некоторый объект в действительности или нет, тот, кто думает, что он существует, и тот, кто думает, что он не существует, реферируют имя к одному и тому же объекту: просто один из них обязательно заблуждается в том, как располагается объект относительно подмножества существующих вещей. Собственно, осталось только показать, что если эти двое — теист и атеист, а объект, о котором они думают, — Бог (то, более чего нельзя ничего помыслить), то заблуждается именно второй. Этой цели служит основное доказательство — уточненная формулировка аргумента Ансельма¹⁰:

1) S существует в мысли и S не существует в действительности (*посылка для сведения к абсурду*);

2) иная в точности такая же вещь S, которая существует и в мысли, и в действительности, является мыслимой [*conceivable*] (*посылка*);

3) если S существует в мысли, но не в действительности, а иная в точности такая же S — и в мысли, и в действительности — является мыслимой, тогда иная в точности такая же вещь, которая существует и в мысли, и в действительности, будет больше, чем S (*n. 1 и принцип G*);

4) иная в точности такая же вещь S, которая существует и в мысли, и в действительности, будет больше, чем S (*1, 2: введение конъюнкции; 1 & 2, 3: modus ponens*);

5) если иная в точности такая же вещь S, которая существует и в мысли, и в действительности, будет больше, чем S, тогда можно помыслить объект, который больше, чем S (а именно — иную в точности такую же вещь S, которая существует и в мысли, и в действительности) (*n. 3 и принцип G*);

6) можно помыслить объект, который больше S (*4, 5: modus ponens*);

7) не может быть объекта, который можно было бы помыслить и который был бы больше S (*лемма, пункт «с»*);

8) можно помыслить объект, который больше S, и нельзя помыслить объект, который больше S (*6, 7: введение конъюнкции*).

Противоречие. Следовательно,

9) неверно, что S существует в мысли и не существует в действительности (*1–8: reductio ad absurdum*);

10) S не существует в мысли или существует в действительности (*9: закон де Моргана для отрицания &*);

11) S существует в действительности (*10, пункт «d», modus tollendo-ponens*).

Что и требовалось доказать.

Рассуждение, вне всякого сомнения, верно с формальной точки зрения. Вспомним, однако, что оно становится возможным во многом благодаря тому, что признается принципиальное различие в «наборах» свойств у объектов, которые существуют лишь в мысли, но не в действительности (их наборы свойств не полны), и тех, которые существуют не только в мысли, но и в действительности (их

¹⁰ Рассуждение приводится по [11, 48–49] с моей экспликацией логических связей и некоторых пропущенных шагов. — Ю. Г.

наборы свойств полны). Хорошо известно, что подобное различие предлагал еще Иммануил Кант, однако он же вполне убедительно продемонстрировал, что разум положил эту идею «в основу полного определения вещей вообще только как *понятие* всей реальности, вовсе не требуя, чтобы вся эта реальность была дана объективно и сама составляла вещь. Последнее предположение есть чистый вымысел, посредством которого мы охватываем и реализуем многообразное [содержание] нашей идеи в идеале как особой сущности, между тем как не имеем никакого права на это и не имеем оснований допускать возможность такой гипотезы» [4, 352]. Нелепость, по мнению Канта, заключается в том, чтобы «эмпирический принцип наших понятий возможности вещей как явлений» принимать «за трансцендентальный принцип возможностей вообще» [Там же].

В. А. Бочаров и Т. И. Юраскина в своей работе [2] наглядно демонстрируют порочность заключения от только лишь возможности такого объекта, более которого нельзя ничего помыслить, к признанию за ним существования в действительности. В качестве обоснования используется простой и ясный логический инструмент — таблицы истинности для классической двузначной пропозициональной логики. Если представить Бога как объект, обладающий полным набором свойств, каждое из которых является положительным, то такое его описание можно представить как аналог первой строки таблицы истинности, которая традиционно представляет собой набор только истинных значений. Тогда остальные строки таблицы можно было бы трактовать как полные наборы свойств прочих объектов (одному объекту соответствовала бы строго одна строка), но в каждой такой строке хотя бы раз уже помимо значения «истина» встречалось бы значение «ложь». То есть ни один другой объект не был бы столь совершенен, как Бог, и, что для нас сейчас гораздо важнее, являлся бы в некотором смысле «меньше» Бога, в то время как Бог оказывался бы как раз тем, более чего нельзя помыслить. Однако наличие в таблице строки, в которой все переменные одновременно принимают значение «истина», не позволяет немедленно заключить о наличии также и в действительности такого объекта, который бы обладал всеми свойствами одновременно: достаточно того, что этот объект существует в мысли. Другими словами, достаточно *общего принципа*, возможности, а не *существования* самого наисовершеннейшего объекта для того, чтобы в действительности имели место другие объекты, менее совершенные, чем тот *принцип*, который лег в основу их существования.

Итак, первая попытка приблизиться к упрощению онтологического доказательства не удалась. Напротив, под изначально простой по своей структуре аргумент была подведена громоздкая онтология, которая тем не менее не укрепила позиции аргумента. Кроме того, подход, заявленный как «прагматический», оказался сугубо онтологическим.

4. Упрощенная версия онтологического аргумента

В том же 2010 году Мэтьюз и Бэйкер публикуют работу [7] с упрощенным доказательством бытия Бога. Взгляд исследователей наконец действительно отвращается от онтологии, но обращается не столько к прагматике, как этого можно было бы ожидать, сколько к эпистемологии. Вместо используемого ранее

довольно сложного понятия *иной в точности такой же* вещи авторы вводят интуитивно прозрачные понятия «опосредованной» [*mediated*] и «непосредственной» [*unmediated*] каузальной силы, которой обладают объекты. Так, объекты мысли обладают только опосредованной каузальной силой, а объекты, существующие в действительности, — не только опосредованной, но и непосредственной. В качестве примера приводится Пегас, который сам не может служить причиной чего-либо, но художественные изображения которого — могут.

Вновь, как мы видим, класс объектов мысли строгим образом включает в себя класс объектов действительности: абсолютно все объекты обладают опосредованной каузальной силой, и, помимо нее, некоторая часть объектов обладает также и непосредственной каузальной силой, — это и есть объекты, существующие не только в мысли, но и в действительности.

Поскольку конечной целью является успешная формулировка онтологического аргумента, постулируется, что обладание непосредственной каузальной силой делает объект «больше», чем если бы он обладал только ее опосредованным вариантом. Таким образом, упрощенный вариант рассуждения можно было бы представить следующим образом:

1) Бог — это то, более чего нельзя помыслить (*определение*).

2) Только объекты, существующие в действительности, обладают непосредственной каузальной силой (*согласно введенной классификации*).

3) Любой объект, обладающий непосредственной каузальной силой, больше любого объекта, у которого такой силы нет (*п. 2: на основании очевидности*).

4) Бог является объектом в действительности (*пт. 1, 3: подстановка*).

Грэм Оппи [9] откликается на такое разделение объектов согласно их каузальной силе следующим возражением: если Пегас — это летающая лошадь, а умение летать — непосредственная каузальная сила, то, хотя пегасов и не существует в действительности, в некотором смысле они все равно обладают непосредственной каузальной силой, например, такой, как «летать». Таким образом, Ансельм (в лице Мэтьюза и Бэйкер) вынужден был бы признать, что одновременно могут быть истинными два следующих утверждения:

i. Если допустить, что Пегас существует, у него есть непосредственные каузальные силы (например, он может летать).

ii. Принимая во внимание тот факт, что на самом деле нет лошадей, которые бы умели летать, Пегас обладает только опосредованной каузальной силой в отличие от тех, кто пишут о Пегасе, изображают Пегаса или даже просто разговаривают о нем.

Поскольку подобные утверждения о Пегасе не противоречат друг другу, следует заключить, что и подобные утверждения о Боге — том, более чего нельзя ничего помыслить, — друг другу также противоречить не будут. Таким образом, «упрощенный» аргумент вообще не является аргументом.

Мэтьюз и Бэйкер немедленно [6] откликаются на возражение Оппи. Они утверждают: в Прослогионе¹¹ уже доказано, что непосредственная каузальная

¹¹ Полагаю, они все же имеют в виду свою предыдущую статью [7].

сила — это больше, чем опосредованная. Следовательно, «то, более чего нельзя помыслить», должно обладать именно такой силой, а значит, и существовать¹².

Тем временем Оппи [10] приводит следующее возражение на пояснения Мэтьюза и Бэйкер. Его идея заключается в том, что несуществующие объекты, не обладая никакой непосредственной каузальной силой, обладают в то же время двумя видами опосредованной: очевидно опосредованной и неочевидно опосредованной, кажущейся непосредственной. Второй вид каузальной силы Оппи предлагает называть *опосредованной непосредственной каузальной силой*. Так, для Пегаса «вдохновлять» или «впечатлять» — это очевидно опосредованная каузальная сила. В то же время «летать» — это неочевидно опосредованная (опосредованная непосредственная) каузальная сила. По сути, Пегасу в случае с любым из двух перечисленных видов опосредованной каузальной силы самому ничего делать не нужно: ни впечатлять, ни летать. Более того, что-либо делать ему попросту невозможно, поскольку Пегаса не существует в действительности. Следовательно, если подобное можно сказать о Пегасе, то и о Боге можно сказать то же. Например, для того, чтобы вдохновлять людей, Богу необязательно быть существующим — достаточно обладать очевидно опосредованной каузальной силой. Не нужно ему существовать и для того, чтобы «вершить судьбы» — достаточно обладать опосредованной непосредственной каузальной силой.

Естественным образом напрашивается возражение, что Бог все же определяется как «тот, более чего нельзя ничего помыслить», и, чтобы быть таковым, он все же должен обладать не только опосредованной, но и непосредственной каузальной силой. Оппи не принимает такого возражения, утверждая, что оно было бы правомерным, *только если бы* Бог существовал в действительности. Если же Бог всего лишь персонаж некоторых историй, ему достаточно обладать максимальной опосредованной непосредственной силой, чтобы *в рамках истории* быть тем, более чего ничего нельзя себе помыслить. Другими словами, Оппи приводит еще одно красивое пояснение к тезису Канта о запрете заключать от существования в мысли к существованию в действительности.

5. Заключение

С одной стороны, все подобные работы, во многом являются лишь забавой для ума, а потому не стоит требовать от них серьезных теологических результатов. Никто и не ожидал, что Бэйкер и Мэтьюз действительно докажут существование Бога.

С другой стороны, несмотря на всю «игровую» составляющую, попытки восстановить на новых основаниях старые аргументы доказательства бытия Бога имеют для современной аналитической традиции большое значение: такие попытки позволяют аналитикам, занимающимся философией языка, не «отрываться от земли», расчерчивать границы той онтологии, в рамках которой

---

¹² Здесь, так же как и в части 3 настоящей статьи, следует вновь обратиться к «Критике чистого разума», поскольку рассуждение вновь превращается в попытку перейти от истинности утверждения к утверждению о существовании объекта в действительности.

проводят они свои исследования. Если именно под таким углом посмотреть на вышеупомянутые работы Бэйкер и Мэтьюза, то можно сказать следующее. *Первое*. Рассуждения подобного типа давно являются «отработанным материалом», так как подаваемые в них под видом новых идеи — давно уже не новые. Более того, несколько раз эти идеи были подвергнуты разрушительной критике, и вряд ли стоит надеяться на скорое их возрождение. *Второе*. В работах так и не нашлось места действительно прагматическому подходу¹³ — весь пафос свелся к утверждениям о том, что: а) теист и атеист реферируют выражение «то, более чего нельзя помыслить» к одному объекту; б) художественные произведения «заряжены» непосредственной каузальной силой, вложенной в них авторами. *Третье*. Перед нами не столько попытка восстановить аргумент Ансельма на новых основаниях (никаких новых оснований нет и в помине), сколько попытка пристроить к аргументу удовлетворительную онтологию, в контексте которой он бы смотрелся завершенным доказательством. Онтология, к сожалению, получилась вовсе не обновленной, а, напротив, устаревшей, отчего упрощенная версия сразу не имела шансов на успех.

-
1. Ансельм Кентерберийский. Сочинения : пер. с лат. М., 1995.
  2. Бочаров В. А., Юраскина Т. И. Божественные атрибуты. М., 2003.
  3. Драгалина-Черная Е. Г. Дедукция существования. Путешествуя по возможным и невозможным мирам // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М., 2011. С. 40–65.
  4. Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М., 1994.
  5. Matthews G. B., Baker L. R. Anselm's Argument Reconsidered // The Review of Metaphysics. 2010. Vol. 64, № 1. P. 31–54.
  6. Matthews G. B., Baker L. R. Reply to Oppy's Fool // Analysis. 2011. Vol. 71, № 2. P. 303.
  7. Matthews G. B., Baker L. R. The Ontological Argument Simplified // Ibid. 2010. Vol. 70, № 2. P. 210–212.
  8. Oppy G. Arguing about Gods. Cambridge University Press, 2006.
  9. Oppy G. Objection to a Simplified Ontological Argument // Analysis. 2011. Vol. 71, № 1. P. 105–106.
  10. Oppy G. On Behalf of the Fool // Ibid. Vol. 71, № 2. P. 304–306.
  11. Oppy G. Ontological Arguments and Belief in God. Cambridge University Press, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 7 сентября 2015 г.

---

¹³ Отдельно хочется заметить, что по-настоящему прагматический (перформативный) подход к доказательству Ансельма был предложен Е. Г. Драгилиной-Черной в серии работ (см., например, [3]).

УДК 141.132 + 141.5 + 17.021.2

В. В. Горбатов

«АРГУМЕНТ ЗОМБИ» И ПРОБЛЕМА АПРИОРНОЙ ВЫВОДИМОСТИ*

Статья посвящена анализу так называемого «аргумента зомби», разработанного Д. Чалмерсом (1995) и направленного против апостериорного физикализма в философии сознания. Рассматривается дополненная и уточненная версия этого аргумента (Чалмерс, 2009), включающая условия полного описания физических фактов (Т) и указания всех релевантных индексикальных истин (I). Как показал Дж. Левин (2010, 2014), важную роль в обосновании корректности этой версии «аргумента зомби» играет Q-фактор, связанный с проблемой априорной выводимости супервентного. Отчасти соглашаясь с его выводами, мы предлагаем альтернативное и более фундаментальное их обоснование. На наш взгляд, Q-фактор и I-фактор, рассмотренные вместе, требуют формулировки принципа априорной выводимости в терминах не строгой, а контрфактической импликации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: физикализм, аргумент зомби, двумерная семантика, модальный рационализм, априорность, необходимость, супервентность, контрфактическая импликация.

В 1995 г. Дэвид Чалмерс¹ бросил вызов физикализму, обозначив тем самым важный антиредукционистский тренд в развитии современной аналитической философии сознания. Вкратце суть его рассуждений такова: сначала мы на основании рефлексии признаем, что мозг и сознание а priori представимы отдельно друг от друга² (философские зомби мыслимы). Затем осуществляем переход от мыслимости к возможности (философские зомби возможны). И если этот переход является обоснованным, то мы должны признать физикализм ложным, поскольку тезис о детерминированности ментальных свойств физическими проваливается: необходимой связи между ними нет. «Если физически идентичный зомбийный мир логически возможен, — пишет Чалмерс, — то из этого следует, что присутствие сознания — дополнительный факт о нашем мире, не гарантируемый одними лишь физическими фактами» [6, 160].

«Зомби-аргумент» не является чем-то совсем уж новым для европейской метафизики — скорее, наоборот. Как справедливо отмечает Д. Иванов, его можно охарактеризовать как картезианский, поскольку с аргументом подобной структуры

---

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования 15-01-0174 «Двумерные модальные логики и модели рассуждения, основанные на них» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹ Впервые этот аргумент был опубликован в статье: *Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness. Journal of Consciousness Studies*, 2(3), (1995), pp. 200–219; через год существенное развитие он получил в книге: *Chalmers D. The Conscious Mind*. N. Y.: Oxford University Press, 1996 (рус. перевод: [6]).

² Точнее, речь идет о представимости мозга, функционирование которого не сопровождается сознанием. Обратный тезис о существовании сознания без тела Чалмерс считает ненаучным, поскольку он влечет картезианский дуализм субстанций.

мы впервые встречаемся у Декарта³. Давно известно, что в таких рассуждениях больше всего вопросов вызывает переход от мыслимости к возможности. Одним из главных возражений является указание на то, что сама по себе мыслимость какого-либо положения дел еще не влечет его (метафизической) возможности. Не избежал подобной критики и Чалмерс.

Возражения такого рода особенно характерны для апостериорного физикализма, или «материализма типа В»⁴. К лагерю «В-материалистов» в той или иной степени можно отнести К. Хилла, Б. Маклафлина, Б. Лоара, Д. Папино, Ф. Гоффа, Н. Блока, Р. Столнейкера, Дж. Левина и многих других современных исследователей. Стоит отметить, что благодаря почти двадцатилетней дискуссии, в ходе которой Чалмерс неоднократно развивал и углублял свою аргументацию, некоторые его оппоненты изменили свое мнение по данному вопросу; так, например, Дж. Левин признается, что его взгляды со временем стали заметно ближе к чалмерсовским [14, 775].

Несомненная заслуга австралийского философа заключается в том, что он существенно уточнил механизм и логические условия перехода от мыслимости к возможности, используя так называемый двумерный подход. Этот подход представляет собой более тонкую методологию, чем та, что имела в распоряжении его предшественников. Он позволяет разложить искомый переход на цепочку понятий-посредников и, при условии согласия с некоторыми базовыми принципами, убедиться, что крайние точки действительно соединяются между собой.

1. Двумерная семантика: эпистемическая версия

Вкратце суть двумерного подхода можно описать следующим образом. (1) Хотя пространство возможных миров является единым, как в стандартной (одномерной) семантике, каждое выражение снабжается двумя видами значения: «первичным интенционалом» (*1-intension*) и «вторичным интенционалом» (*2-intension*); при этом первый можно условно назвать «фрегевским компонентом», а второй — «расселовским»⁵. (2) В эпистемической версии двумерного подхода два этих вида значения различаются своим отношением к познавательным способностям индивида: 1-интенционалы связаны с его способностью идентифицировать

³ «Структура картезианских аргументов выглядит следующим образом. Как правило, в этих аргументах первый шаг связан с переходом от эпистемического утверждения к модальному, а затем от модального утверждения делается переход к метафизическому утверждению о том, что и как существует» [2, 219].

⁴ В работе «*Chalmers D. Consciousness and Its Place in Nature. In Chalmers D. (ed.) Philosophy of mind: Classical and Contemporary Readings. Oxford, 2002*» Чалмерс дает следующую классификацию материалистических возражений на этот аргумент: 1) тип А: зомби немислимы и потому метафизически невозможны; 2) тип В: зомби мыслимы, но метафизически невозможны; 3) тип С: зомби мыслимы сейчас, потому что нам не хватает знаний, но когда мы будем обладать необходимым знанием, зомби будут немислимы. Подробный и вдумчивый разбор этих трех стратегий изложен в [5, 71–92].

⁵ «Как первичные, так и вторичные интенционалы могут рассматриваться в качестве кандидатов на роль “значения” понятия. Думаю, нет смысла выбирать один из них в качестве *подлинного* значения: термин “значение” здесь по большей части почетная формальность. С тем же успехом мы могли бы представить первичный и вторичный интенционалы в качестве соответственно априорного и апостериорного аспектов значения» [6, 90].

референцию правильно использованных выражений в различных эпистемических сценариях, сослагая собственную познавательную перспективу в широких пределах; 2-интенционалы от познавательных способностей субъекта не зависят, — оставляя фиксированной познавательную перспективу последнего, они допускают лишь сослагание фактов. (3) На основании указанных различий вводятся также два вида концептуальных истин и два вида модальностей — первичные (связанные с 1-интенционалами) и вторичные (связанные с 2-интенционалами) (см. [8, 18]).

Рассмотрим примеры выражений, которые, по мнению Чалмерса, имеют одинаковые вторичные интенционалы, но различаются в своих первичных интенционалах.

- Индексикалы. Например, «я»:

- 2-интенционал есть функция, сопоставляющая этому местоимению Виктора Горбатова во всех мирах (где он существует);

- 1-интенционал сопоставляет ему Виктора Горбатова в нашем мире (где данная статья написана Виктором Горбатовым и именно он использует в ней местоимение «я»); но он сопоставляет ему любого другого человека, скажем NN, в мире, где это местоимение используется NN, а не Виктором Горбатовым.

- Жесткие десигнаторы. Например, «А. С. Пушкин»:

- 2-интенционал сопоставляет этому имени А. С. Пушкина во всех мирах (где он существует), даже в тех, где он не написал «Евгения Онегина»;

- 1-интенционал сопоставляет ему автора «Евгения Онегина» в нашем мире, но, скажем, автора «Братьев Карамазовых» в мире, где он написал вместо «Евгения Онегина» именно это произведение и существенным образом идентифицируется как его автор.

- Имена естественных видов. Например, «вода»:

- 2-интенционал сопоставляет этому имени H_2O во всех мирах, где вода имеется (Земля, Земля-Двойник и т. д.);

- 1-интенционал сопоставляет ему H_2O на Земле, но XYZ на Двойнике Земли.

Эти примеры показывают, что первичные интенционалы служат для наделения выражений не только семантическим содержанием, как его принято понимать в стандартной (одномерной) семантике, но и когнитивной значимостью. «Для моих целей, — пишет Чалмерс, — наибольшую важность имеет первичный интенционал: именно первичный интенционал содержит то, что нуждается в объяснении в понятии естественного феномена. Если бы кто-нибудь попросил объяснить воду задолго до того, как мы узнали, что вода в действительности является H_2O , то они так или иначе спрашивали бы об объяснении прозрачной, пригодной для питья жидкости, окружающей их. Только *после* завершения объяснения мы узнаем, что вода есть H_2O . Первичный интенционал понятия, в отличие от вторичного интенционала, независим от эмпирических факторов: он *специфицирует* то, каким образом референция зависит от наличного состояния внешнего мира, а значит, сам по себе не зависит от того, каким именно является этот внешний мир» [6, 84].

Таким образом, выбранный Чалмерсом логико-семантический инструментальный вполне подходит для концептуального анализа. Но достаточен ли двумерный подход сам по себе для того, чтобы обосновать какую-либо нетривиальную позицию в области философии сознания? На этот вопрос следует ответить

отрицательно. Для предпринятой австралийским философом атаки на физикализм необходимы дополнительные методологические выкладки.

2. Модальный рационализм и принцип априорной выводимости супервентного

Пожалуй, одним из важнейших принципов чалмерсовского подхода выступает модальный рационализм, призванный установить тесную связь между метафизической и эпистемической модальностями. Вот как сам Чалмерс комментирует свою приверженность данной позиции: «Корни модальных понятий уходят в область рационального. Если посмотреть на цели, ради которых модальности вообще были введены в рассмотрение (например, первую главу книги Д. Льюиса “О множественности миров”), то можно поразиться тому, сколь многие из этих целей тесно связаны с рациональным и психологическим: анализ мыслительных содержаний и семантики языка, объяснение механизма контрфактического мышления, анализ рациональных умозаключений. Можно уверенно утверждать, что понятия возможности и необходимости оказались поистине полезны в этих областях, они заслужили право считаться рациональными модальными понятиями, конститутивно связанными с непротиворечивостью, рациональными умозаключениями и мыслимостью» [9, 326].

Однако существует и противоположный взгляд — модальный автономизм. Он сводится к признанию того, что метафизическая модальность существенным образом автономна, не зависит от эпистемической, так что последняя никак не может служить методологическим ориентиром для умозаключений к первой. Один из главных адвокатов модального автономизма, Дж. Левин [15, 365], упрекает модальных рационалистов в том, что они смешивают семантическое и метафизическое понятия фундаментальности: что более фундаментально семантически, то более фундаментально и метафизически, считают они.

Особенно ярко суть модального рационализма, по мнению Дж. Левина, проявляется в принципе «априорного следования» для суждений о логической супервентности. Напомним, что понятие супервентности формализует интуитивную идею о том, что одно множество фактов может полностью определять другое множество фактов. «В-свойства супервентны на А-свойствах, — пишет Чалмерс, — если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их В-свойствах. <...> К примеру, биологические свойства супервентны на физических свойствах, если любые две возможные физически тождественные ситуации биологически тождественны» [6, 55].

Пусть $B \rightarrow N$ есть утверждение о логической супервентности N на B . Под « N » может подразумеваться некий не-базовый макроуровневый факт, например, наличие чашки на столе, а под « B » — конъюнкция релевантных N базовых микроуровневых фактов, например, некое взаимное расположение субатомарных частиц. Тогда модальные рационалисты будут утверждать, что

(MR): Условные суждения вида $B \rightarrow N$ являются не только метафизически необходимыми, но и априорными.

Другими словами, модальные рационалисты, равно как и модальные автономисты, признают, что импликация $B \rightarrow N$ является метафизически необходимой (по определению супервентности). Однако первые, в отличие от вторых, утверждают также, что она должна быть *априорной*. Тем самым они запрещают нам, вынося суждения о супервентности, использовать так называемые «сильные необходимости», которые сочетали бы в себе метафизическую необходимость с эпистемической контингентностью (апостериорностью).

Является ли MR-принцип само собой разумеющимся? Вытекает он аналитически из определений входящих в него базовых понятий или же оставляет место для сомнений и/или переинтерпретации? Эти вопросы, на наш взгляд, являются ключевыми при оценке «аргумента зомби», к рассмотрению которого мы наконец и переходим.

3. 2D-аргумент против материализма («зомби-аргумент»)

Объектом нашего анализа выступает уточненная и дополненная версия «аргумента зомби», опубликованная Чалмерсом в 2009 г. [9]. В этой версии, во-первых, учтены многие возражения, появившиеся после публикации книги «Сознающий ум». Во-вторых, в ней эксплицированы некоторые скрытые допущения семантического, логического и общепhilософского характера. В-третьих, она более четко показывает специфику применяемого им двумерного подхода.

Прежде чем перейти к разбору самого аргумента, необходимо сделать некоторые предварительные пояснения.

1) Под «мыслимостью» понимается первичная идеальная позитивная мыслимость⁶, т. е. способность субъекта, опираясь только лишь на априорные основания, сформировать непротиворечивый и полный эпистемический сценарий, включающий в себя обсуждаемую гипотезу, причем так, что непротиворечивость этой гипотезы будет гарантирована даже при условии полного анализа всех входящих в нее понятий и идеальной рациональной рефлексии.

2) Под «возможностью» понимается наличие в логическом пространстве возможных миров, по крайней мере одного такого мира, в котором выполняется интенционал рассматриваемой гипотезы. Поскольку в семантике Чалмерса признается два вида интенционалов (см. выше), он различает и два вида возможности: *первичная* (1-возможность) связывается с наличием хотя бы одного централизованного мира, в котором выполняется первичный интенционал гипотезы; *вторичная* связывается с наличием хотя бы одного обычного, нецентрализованного мира, в котором выполняется ее вторичный интенционал.

3) Под «расселовским монизмом» понимается, по сути, панпротопсихизм: учение о том, что хотя структурные свойства физического в действительном мире сами по себе не влекут с необходимостью наличие сознания, но в сочетании с внутренними (*intrinsic*) свойствами они с необходимостью к нему приводят. Важно, что «расселовский монизм», хотя он в некотором смысле и противоположен

---

⁶ Подробнее о понятии мыслимости и ее видах в связи с умозаключениями от мыслимости к возможности см. [10].

дуализму свойств, противоположен также и чистому физикализму. То есть его допущение на одном из шагов рассуждения в целом согласуется с антифизикалистской установкой Чалмерса и является лишь небольшой уступкой, предпринятой для сохранения логической корректности аргумента в целом⁷.

4) Под «материализмом» понимается материализм В-типа, т. е. позиция, признающая мыслимость «философских зомби», но утверждающая глобальную логическую супервентность ментального на физическом (PQ): *если два возможных мира не отличаются по своим физическим свойствам, то они не отличаются и по своим качественным (феноменальным) свойствам* (см. [7]).

Пусть «Q» означает, что в мире имеют место качественные (феноменальные) состояния, а «P» — что в нем имеют место соответствующие физические состояния. Тогда PQ-тезис можно предварительно записать в виде утверждения

$$(PQ) \square (P \rightarrow Q)$$

Разумеется, эта формула не является исчерпывающим описанием В-материализма, но для целей Чалмерса достаточно того, что любой В-материалист должен признавать данное утверждение истинным.

5) Для отвода стандартных возражений от «неполноты описания» (см. [12]) и от индексикальности (см. [17]) Чалмерс добавляет в формулировку аргумента утверждения «T» (рассматриваемый мир является минимальным из тех, что удовлетворяют P — так называемое «that's-all-условие») и «I» (так называемое «you-are-here-условие» — конъюнкция всех релевантных индексикальных истин: «Я есть x», «сейчас y», «здесь z» и т. п.⁸).

Теперь подробная структура аргумента может быть представлена следующим образом:

(1) $PTI \ \& \ \sim Q$ мыслимо.

(2) Если $PTI \ \& \ \sim Q$ мыслимо, то $PTI \ \& \ \sim Q$ является 1-возможным.

(3) Если $PTI \ \& \ \sim Q$ 1-возможно, то $PT \ \& \ \sim Q$ является 2-возможным или расселовский монизм верен.

(4) Если $PT \ \& \ \sim Q$ 2-возможно, то материализм ложен.

(5) Материализм ложен или расселовский монизм верен.

Первая посылка представляет собой результат априорной рефлексии. Она предлагает нам мысленно перенестись в такой возможный мир, который физически и индексикально неотличим от нашего (PTI), но не содержит фактов сознания ($\sim Q$). При этом несущественно, имеют ли они место в действительном мире, — в последнем случае роль «PTI & $\sim Q$ »-мира будет просто выполнять действительный мир.

Вторая посылка в литературе часто называется CP-принципом: она утверждает переход от мыслимости (C = conceivability) к возможности (P = possibility). Очевидна связь этого принципа с MR-принципом, обсуждавшимся выше. Несколько

⁷ Подробнее о невозможности исключить «расселовский монизм» в рамках «зомби-аргумента» см. в [9].

⁸ Где x, y, z... — определенные дескрипции, указывающие на индивидов, моменты времени, точки пространства и т. д. соответственно.

упрощая, можно сказать, что CP, по сути, является модальной конверсией MR: если для высказывания S рассматриваемого вида метафизическая необходимость S влечет априорность S, то мыслимость S (невозможность априорным образом исключить $\sim S$) влечет возможность S (отрицание метафизической необходимости $\sim S$)⁹. Таким образом, мыслимый нами « $PTI \& \sim Q$ »-мир мы должны признать метафизически возможным — пусть и в особом смысле. Специфика 1-возможности, напомним, состоит в том, что для ее принятия нам нужно уметь сослагать собственную эпистемическую перспективу. Это значит, что мы должны быть способны на мгновение забыть, что наш мир — «единственно действительный», и рассмотреть мыслимую его альтернативу в модусе «как если бы она была нашим миром», с целью убедиться, что «изнутри себя» она в самом деле возможна.

Третья посылка прокладывает путь от 1-возможности к 2-возможности. Разумеется, ценой такого перехода является потеря всех релевантных индексикальных истин (*I*), ведь теперь мы должны рассмотреть « $PTI \& \sim Q$ »-мир уже не «изнутри него самого», а как бы «снаружи», на общих основаниях со всеми другими возможными мирами. Интуитивно такая процедура означает переход от рассмотрения центрированного мира по Льюису (эпистемического сценария по Чалмерсу) к рассмотрению того же самого мира уже в качестве обычного, нецентрированного. Как мы уже отмечали [1], соотношение центрированных и нецентрированных миров не является таким простым, как Чалмерс хочет показать. Но в данном случае мы не будем останавливаться на этой проблеме и допустим, что нецентрированный мир получается из центрированного путем простого устранения всей информации *de se*, т. е. выключения *I*-фактора из рассмотрения. Поскольку установки *de se* являются по сути своей эпистемическими, мы, как кажется, можем ими пожертвовать без особого ущерба для метафизических выводов. Единственной ценой этого является признание невозможности исключить расселовский монизм, но это для Чалмерса и не было принципиальной целью.

Шаг (4) основан на определении материализма, данном выше. Шаг (5) представляет собой общее заключение из посылок (1)–(4).

Как видно, убедительность всего аргумента решающим образом зависит от того, принимаем ли мы посылки (2) и (3).

4. Q-фактор и I-фактор

Как отмечает Дж. Левин, посылка (2) является сомнительной уже потому, что она целиком основана на MR-принципе, а тот, в свою очередь, обосновывается у Чалмерса и Джексона [11] без учета так называемого Q-фактора. Вкратце речь идет вот о чем: откуда мы можем быть уверены, что опровергаемое в аргументе утверждение « $PTI \rightarrow Q$ » имеет форму « $B \rightarrow N$ » (см. раздел 2) и, следовательно, должно быть априорным? Ведь если оно не является априорным, а так считают многие материалисты, то рухнет шаг (4): возможность «зомбийного мира» не вступает в конфликт с физикалистским тезисом. Чалмерс и Джексон предлагают убедиться,

⁹ Точнее говоря, сказанное имеет силу для CP– (негативной версии CP, основанной на понятии негативной мыслимости). Для вывода CP+ из MR требуются некоторые дополнительные допущения, и Чалмерс это признает [9, 323].

что утверждение « $P \supset Q$ » имеет в рамках физикализма тот же познавательный статус, что и утверждение « $P \supset Q \supset N$ » в рамках дуализма: оба они утверждают выводимость не-базовых макроуровневых фактов из полного списка фундирующих их микроуровневых фактов. А следовательно, полагают они, физикалисты должны признать, что « $P \supset Q$ » является априорным, ведь оно является таким же утверждением о супервентности, как и « $P \supset Q \supset N$ » для дуалистов.

Дж. Левин справедливо указывает, что перенесение параметра « Q » в антецедент импликации как раз и является тем решающим различием, которое блокирует эту аналогию. Другими словами, именно для настоящих материалистов она будет неубедительной (хотя для дуалистов она убедительна вполне).

Однако нам хотелось бы заострить внимание на посылке (3) и на параметре « I », который там фигурирует. Исчезновение « I » в консеквенте — ничуть не меньшая проблема, чем перенос « Q » в антецедент. Как уже было отмечено, переход от 1-возможности к 2-возможности содержит коварную деталь — децентрирование возможного мира, прыжок от установки «этот мир может *мыслиться* в качестве действительного (по крайней мере изнутри себя самого)» к установке «этот мир может *быть* действительным, то есть существовать».

Казалось бы, еще Крипке убедительно показал [13], что некоторые утверждения могут мыслиться как истинные, но при этом не быть истинными ни в одном возможном мире (например, «Вода не является H_2O »). Однако Чалмерс заявляет, что идеи Крипке должны быть развиты до обнаружения в них «дальнейшего» аспекта: предложение «Вода не является H_2O » не истинно ни в одном возможном мире, и все же это оно выражает самую настоящую возможность — возможность того, что водянистая субстанция, наполняющая моря и озера, не является H_2O . Как такое может быть? Очень просто: первичный интенционал термина «вода» («водянистая субстанция...»), по Чалмерсу, может быть без труда превращен в диагональный интенционал («то, что в *актуальном мире* является водянистой субстанцией»), а затем подходящим образом спроецирован на контрфактические миры для получения соответствующего вторичного интенционала.

Например, если в мире «Земля-Двойник» в качестве «того, что *на настоящей Земле* является водянистой субстанцией» выступает не H_2O , а XYZ, то предложение «Вода не является H_2O », по Чалмерсу, действительно выражает некую подлинную возможность, а именно возможность того, что «Вода является XYZ» (хотя возможность эта носит весьма специфический характер, включая в себя элементы не только фактуального, но и семантического сослагания). «В самом общем виде, — пишет Чалмерс, — суть дела можно выразить, сказав, что крипкеанская апостериорная необходимость никоим образом не делает какие-либо логически возможные миры невозможными. Она просто говорит нам о том, что некоторым из этих миров дается неверное описание, когда мы применяем термины в соответствии с их первичными интенционалами, а не в соответствии с более уместными вторичными интенционалами» [6, 173] (см. также [3]).

Таким образом, способ конструирования 2-возможностей из 1-возможностей, предложенный Чалмерсом, вызывает много вопросов. И главный из них связан с процедурой децентрирования миров, т. е. с *I*-фактором: даже если децентрированный мир является полной физической копией исходного централизованного

мира, как возможно априорное знание об этом? По сути, удалив параметр « I » из антецедента импликации, мы подменяем характер всей импликации в целом. Даже если она была априорной до этой процедуры, нет никаких гарантий, что она сохранит априорный характер после нее.

5. Контрфактическая импликация вместо строгой?

Теперь мы хотели бы объединить приведенные выше соображения относительно роли параметров « Q » и « I » в рамках рассматриваемого аргумента. Исключение « I » из консеквента импликации на третьем шаге с переходом от 1-возможности «зомбийного мира» к его 2-возможности предполагает, на наш взгляд, подмену смысла самой импликации в целом. Если изначально использовалась строгая (Льюисовская) импликация, верифицируемая включением одного множества возможных миров в другое, то на шаге (3), по сути, мы имеем дело с совсем другой условной связью, которая и верифицируется по-другому. Различие в том, что для установления истинности утверждения (3) мы вовсе не проверяем, включается ли множество миров типа « $PTI \& \sim Q$ » в множество миров типа « $PT \& \sim Q$ ». Нет, мы скорее переносимся из исходного возможного мира « $PTI \& \sim Q$ » в близкий ему мир « $PT \& \sim Q$ ». Второй является почти полным двойником первого, за исключением одного параметра — « I ». И в этом новом мире, где мы оказались, нам приходится заново задавать вопрос о его метафизической возможности.

Таким образом, импликация в посылке (3) формально обладает свойствами, больше похожими на свойства контрфактической импликации. Логико-семантические различия строгой и контрфактической импликации хорошо изучены со времен Д. Льюиса [16] и Р. Столнейкера [19]. Напомним, что в рамках подхода Льюиса–Столнейкера предложение типа «если бы A , то B » ($A \square \rightarrow B$) истинно в мире α , е.т.е. высказывание B истинно в некотором *минимально отличном* от α мире β , в котором истинно A . Для этого гипотетическое положение дел, выражаемое антецедентом, должно быть добавлено к тому множеству положений дел, которое представляет собой действительный мир, после чего в последнее вносятся те (и только те!) изменения, которые необходимы для сохранения его непротиворечивости (не подвергая модификации положение дел, выраженное в антецеденте).

Стоит отметить и еще одно обстоятельство. Как известно, контрфактическая импликация не обладает свойствами контрапозиции, экспортации, импортации и перестановочности антецедентов. Значит, если наше предположение о контрфактическом характере импликации распространить с формулы (3) на весь аргумент, то понятной становится, в частности, и роль Q -фактора, о которой говорит Дж. Левин. В отсутствие экспортации, импортации и перестановочности антецедентов обосновать сколь-нибудь строгую логическую связь между формулами вида « $PTI \rightarrow Q$ » и формулами вида « $PQT \rightarrow N$ » действительно нельзя. Мы не беремся сейчас утверждать, что контрфактическая импликация в этих формулах является необходимым условием для обособления Q -фактора, но она, похоже, является достаточным условием для этого. Таким образом, приняв контрфактическую трактовку, мы получаем более единообразное, формальное и фундаментальное обоснование возражений, связанных с ролью параметров « Q » и « I ».

Наконец, наш подход объясняет сомнительность (2) посылки еще и в отношении ее декларируемой связи с тезисом модального рационализма (MR). В отсутствие контрапозиции способ выведения CP из MR, описанный выше, попросту не работает.

В заключение следует подчеркнуть, что мы лишь ставим под сомнение привычный способ формализации 2D-аргумента против материализма, а вовсе не сам двумерный подход и не попытку Чалмерса опровергнуть материализм с помощью этого подхода. Очевидно, что переформулировка всего чалмерсовского рассуждения в указанном нами ключе потребует переосмысления связи понятий супервентности, мыслимости и возможности. Но мы совсем не исключаем того, что обновленный аргумент окажется логически валидным, — этот вопрос требует отдельного исследования.

1. Горбатов В. В. Логико-онтологические предпосылки двумерной семантики // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2012. Т. 100, № 1. С. 37–44.
2. Иванов Д. В. Модальная метафизика и психофизическая проблема // Именование, необходимость и современная философия. СПб., 2011. С. 211–223.
3. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
4. Ламберов Л. Д. Значение, двумерная семантика и контингентное априори // Именование, необходимость и современная философия. СПб., 2011. С. 112–123.
5. Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание. Казань, 2011.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2013.
7. Chalmers D. Consciousness and Its Place in Nature. In Chalmers D. (ed.) *Philosophy of mind: Classical and Contemporary Readings*. Oxford, 2002
8. Chalmers D. The Foundations of Two-Dimensional Semantics. In Garcia-Carpintero M., Macià J. *Two-Dimensional Semantics*. Oxford, 2006.
9. Chalmers D. The two-dimensional argument against materialism. In *Oxford Handbook of Philosophy of Mind*, B. McLaughlin (ed.), Oxford, 2009. P. 313–335.
10. Chalmers D. Does conceivability entail possibility? // *Conceivability and Possibility* (T. Gendler & J. Hawthorne, eds). Oxford, 2002.
11. Chalmers D., Jackson F. Conceptual Analysis and Reductive Explanation // *Philosophical Review*. 2001. Vol. 110. P. 315–361.
12. Jackson F. *From Metaphysics to Ethics*. Oxford University Press, 1998.
13. Крипке С. *Naming and Necessity*. Oxford, 1980.
14. Levine J. Modality, semantics, and consciousness // *Philosophical Studies*, 2014. Vol. 167. P. 775–784.
15. Levine J. The Q Factor: Modal Rationalism Vs. Modal Autonomism // *Philosophical Review*. 2010. Vol. 119, № 3. P. 365–380.
16. Lewis D. *Counterfactuals*, Oxford: Basil Blackwell. Oxford, 1973.
17. Perry J. *Knowledge, Possibility, and Consciousness*. Cambridge, 2001.
18. Schroeter L. Two-Dimensional Semantics // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/two-dimensional-semantics/> (accessed: 20.03.2014).
19. Stalnaker R. A Theory of Conditionals // *Studies in Logical Theory, American Philosophical Quarterly* (Monograph Series, 2), Oxford, 1968. P. 98–112.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ЛОГИКИ УТВЕРЖДЕНИЯ СОБЫТИЙ

С целью построения неэкстенциональных семантик в современных логических исследованиях конструируются и обсуждаются комбинированные исчисления предложений и событий. В данной статье ставится вопрос о семантических категориях языков с оператором утверждения событий. Рассматривается проблема семантического статуса самого оператора утверждения событий: представляет ли он категорию образования предложений из имен событий? Семантический статус событийных термов (имен событий) определяется как процедура образования имени из предложения.

Ключевые слова: теория семантических категорий, комбинированная логика предложений и событий, оператор утверждения событий.

Синтаксические характеристики логик, допускающих присутствие в своих объектных языках имен таких «онтологических сущностей», как события, рассматриваются довольно редко¹. В статье делается попытка восполнить этот пробел для языков пропозиционального уровня.

I

Базовые категории логических языков стандартного типа представляют собой имена (термы), обозначаемые n , и предложения (высказывания), обозначаемые s [26]². Рекурсивно задается иерархия категорий.

1. s и n есть категории.

2. Если $\alpha, \beta_1, \dots, \beta_n$ — категории, то $\alpha/\beta_1 \dots \beta_n$ есть категория.

Категории приписываются как константным выражениям логического языка, так и его переменным. Переменные категории s в экстенциональной семантике сопоставляются с истинностными значениями, т. е., в случае классической логики, с элементами множества $\{t, f\}$. Язык логики может содержать и константы категории s , обозначающие конкретно t или конкретно f .

Категорию имен сопоставляют с непустым множеством объектов в качестве области их значений. Терминные переменные пробегают по этой области, терминные константы обозначают объекты из этой области, каждая константа — один-единственный объект. Функторы категории $\alpha/\beta_1, \dots, \beta_n$ сопоставляются: константы — с функциями, переменные — с множествами функций, области изменения которых соответствуют категориям $\beta_1, \dots, \beta_n$, а область значения сопоставлена с категорией α .

* * *

Сформулируем язык пропозициональной логики. Решая проблему синтаксиса, будем для краткости и для удобства сравнения различных языков использовать

¹ Более раннюю версию нашего обсуждения вопроса см. в [12].

² Русский перевод: [1]. О теории семантических категорий также см. [20, 50–71].

нотацию формы Бакуса-Наура (БНФ — *Backus-Naur form*), когда «выделяются определенные синтаксические категории, затем с помощью рекурсивных равенств показывается, как порождаются элементы таких категорий» [9, 3]. Синтаксис стандартной классической пропозициональной логики (PL) имеет одну синтаксическую категорию — формулы (Φ), они порождаются с помощью базового множества атомарных формул (Φ_0), здесь — пропозиций, и пропозициональных связок; выбирается любой полный функциональный набор таких связок, например: $\langle \neg, \rightarrow \rangle$. Таким образом, БНФ для PL приобретает следующий вид:

Атомарные формулы: $p \in \Phi_0$

Формулы:

$A_n \in \Phi$

$A_n ::= p \mid \neg A_1 \mid A_1 \rightarrow A_2$

Здесь представлено формально рекурсивное равенство, регулирующее недетерминистическую предписывающую процедуру порождения формул: любое вхождение в формулу символа, находящегося слева от знака « $::=$ », может быть замещено любым из альтернативных выражений, разделенных вертикальной чертой, находящихся справа. Определения других логических терминов обычно имеют характер сокращения формул, например:

$A_1 \wedge A_2 =_{\text{Df}} \neg (A_1 \rightarrow \neg A_2)$

Язык пропозициональной логики обходится только категорией предложений, представленной множеством Φ , логические связки из предложений порождают более сложные предложения:

- $\langle s$ — предложения;
- s/s — унарные связки (функции) типа отрицания ($\neg$);
- s/ss — бинарные связки (функции) типа импликации ($\rightarrow$); или конъюнкции ($\wedge$);
- $s/s...s$ — связки (функции) большей местности (если они понадобятся для формулировки пропозиционального языка).

Таким образом, константы категории $s/s...s$ с произвольным количеством s в знаменателе, т. е. пропозициональные связки любой местности, сопоставляются с функциями, областью определения которых являются множества n -местных кортежей (двоек, троек и т. д.) из элементов множества $\{t, f\}$, а областью значений — само множество $\{t, f\}$. Константы категории s также можно рассматривать как нульместные функции. Переменные категории $s/s...s$, т. е. не-нульместные функциональные переменные, редко рассматриваются в формулировках языков пропозициональной логики.

* * *

Языки логики фреге-расселовского типа пополняются категорией собственных имен, предполагая образование имен сложных типа «столица государства» или «сумма чисел»:

- n — собственные имена;
- $n/n, n/nn, n/n...n$ — процедуры (функции) образования сложных имен.

С семантической точки зрения категорию собственных имен естественным образом сопоставляют с непустым множеством объектов — индивидуальной областью.

Константы категории n/n , т. е. одноместные индивидные функторы, сопоставляются с функциями, областью определения и областью значений которых является индивидная область. Константы категории $n/n...n$ с произвольным количеством n в знаменателе, т. е. функторы любой местности, сопоставляются с функциями, областями определения которых являются множества упорядоченных n -ок индивидов, а областью значений — сама индивидная область. Константы категории n также можно рассматривать как нульместные функции, переменные категории $n/n...n$ редко рассматриваются в формулировках языков фреге-расселовского типа.

Если речь идет о логике первого порядка (мы опустим здесь рассмотрение особенностей логики предикатов высших порядков), то ее язык содержит также категорию предикатов (функций) следующего вида:

- s/n — одноместный предикат;
- s/nn — двухместный предикат;
- $s/n...n$ — n -местный предикат.

Например, выражение категории s/n сопоставляется с функцией, областью определения которой является индивидная область, а область значений — $\{t, f\}$. Переменные категории s/n (характерные для логики предикатов выше первого порядка) пробегают по множеству таких функций, константы же обозначают функции из этого множества. Если же рассматриваются n -местные предикаты, т. е. категория вида $s/n...n$, то областями определения соответствующих функций являются множества упорядоченных n -ок индивидов.

Интересны для нас в дальнейшем будут языки силлогистики [3], которые оперируют категорией общих имен (универсалий) — n^o и, как правило, функторами категории $s/n^o n^o$ (двухместными операторами — a, e, i, o). Также заметим, что, например, в онтологии Лесневского или в теории типов различия между собственными и общими именами не делается.

II

В дальнейшем нас будут интересовать языки пропозициональной логики, отражающие автономию различных классов событий (положений дел, ситуаций). Но сначала рассмотрим возможность введения нескольких автономных множеств атомарных формул, как это делается в многомерных логиках, идею которых выдвинул Н. А. Васильев [5], а разработка этой идеи принадлежит В. А. Смирнову [18]³. Здесь нам можно ограничиться только введением двух классов автономных элементарных предложений⁴ — утвердительных (s^+) и отрицательных (s^-).

Приведем пример синтаксиса двумерной пропозициональной логики (2PL) с автономными положительными и отрицательными предложениями (следует заметить, что знак « $\rightarrow$ » не является пропозициональной или какой-либо другой связкой, это просто индекс отрицательных предложений):

Атомарные формулы: $p \in \Phi_{0\text{-pos}}$ и $\neg p \in \Phi_{0\text{-neg}}$

Формулы: $A_n \in \Phi$

$A_n ::= p \mid \neg p \mid \neg A_1 \mid A_1 \rightarrow A_2$

³ Многомерные логики следует отличать от многозначных логик.

⁴ См., например, [13–15].

Здесь следует различать:

— Φ_{-pos} — формулы, содержащие только атомарные утвердительные выражения, например: $\neg p \rightarrow q$;

— Φ_{-neg} — формулы, содержащие только атомарные отрицательные выражения, например: $\neg\neg p \rightarrow \neg q$;

— Φ_{-mix} — формулы, содержащие как атомарные утвердительные выражения, так и атомарные отрицательные выражения, например: $\neg p \rightarrow \neg q$.

Естественно, что $\Phi_{-pos} \cup \Phi_{-neg} \cup \Phi_{-mix} = \Phi$.

Итак, категориально синтаксис 2PL организуется с некоторыми особенностями, но без существенного различия категорий языка, т. е. следующим образом:

- s^+ и s^- — предложения;
- $s^+/s^+, s^+/s^+s^+, s^+/s^+...s^+$ — процедуры образования сложных чисто утвердительных предложений;
- $s^-/s^-, s^-/s^-s^-, s^-/s^-...s^-$ — процедуры образования сложных чисто отрицательных предложений;
- $s^\pm/s^+s^-, s^\pm/s^+...s^-, s^\pm/s^\pm, s^\pm/s^\pm...s^\pm$ — процедуры образования сложных смешанных предложений⁵.

* * *

Атомарные выражения могут быть и разносортными, что порождает существенное различие синтаксических категорий. Так строятся комбинированные логики, идея которых опять же восходит прежде всего к Н. А. Васильеву [5], а современный их вариант представлен В. А. Смирновым [17, 19]. Именно в связи с реконструкцией систем неаристотелевских логик Н. А. Васильева возник замысел логических исчислений такого типа, где онтологический («эмпирический» — в терминологии Васильева) уровень отождествляется с силлогистикой или алгеброй классов, а гносеологический («абстрактный») уровень отождествляется с логикой высказываний.

Однако, несмотря на свою значимость, наследие Н. А. Васильева не должно рассматриваться в качестве единственного источника идеи комбинированных логик. Например, хорошо известно требование Фреге различать предложение (Satz), суждение (Urteil) и содержание мысли (Gedanke) в качестве преобразуемого в суждение (beurteilbarer Inhalt) [27]. Предполагается, что имеется отличие акта предикации (синтеза свойства или отношения с объектом) от акта утверждения (соотнесения мыслимого содержания с реальностью, положением дел). Знак « $\vdash$ », используемый Фреге в «Begriffsschrift» [22] для выражения суждения, ставится слева от конфигурации знаков, указывающих содержание суждения. Вертикальная черта « $\vdash$ », т. е. «штрих суждения», указывает на преобразование содержания в суждение. Горизонтальная черта « $\dashv$ », т. е. «штрих содержания», указывает на «простую связь представлений» (по Фреге), т. е. положение дел,

⁵ Ограничимся здесь этим «наглядным перечислением» в духе Айдукевича. Более точное определение должно учитывать, что смешанные предложения образуются из таких множеств предложений, что или хотя бы одно из предложений этого множества — смешанное, или в этом множестве одновременно содержатся хотя бы одно утвердительное (атомарное или сложное) и хотя бы одно отрицательное (атомарное или сложное) предложения.

интенционал, событийно трактуемую пропозицию (в других трактовках). Это требование позволяет интерпретировать построенное Фреге исчисление как вариант логики утверждения событий. Возможно, что такое различие, значимое для логической семантики Begriffsschrift, не вошедшее, правда, в последующую логическую технику стандартных языков, каким-то образом было инициировано [23–25] логико-философскими взглядами предшественников Фреге, повлиявших и на становление австрийской школы теории предметов, а именно указанием И. Ф. Гербарта на возможность говорить о суждении в двух существенно различных смыслах — логическом (соединение субъекта и предиката) и психологическом (признание истины) и более известным, проводимым Б. Больцано различием между «предложением в себе» и «высказанным или выраженным с помощью слов предложением» [2]⁶.

Значимыми, как содержательно, так и в формальном отношении, являются и следующие логические системы: комбинированное исчисление высказываний и классов (исчисление одноместных предикатов) Д. Гильберта и В. Аккермана [8, 68–80], где внутренний, онтологический уровень представлен алгеброй классов, а внешний, гносеологический, — пропозициональной логикой; внешние и внутренние связи в логике бессмысленности Д. А. Бочвара [4], где утверждение используется как особый оператор. Родственными комбинированным логикам, в некотором смысле «параллельными» — и по философской интуиции, и, что симптоматично, в предлагаемых формулировках, — являются и довольно широко известные логики истины Г. Х. фон Бригга [7, 28], и логика с операторами истинности и ложности, последовательно развиваемая С. А. Павловым [16]. «Вообще, стоит заметить, что идея разделения в одной и той же системе логических операций на внутренние (язык-объект) и внешние (метаязык) является весьма плодотворной и возникала независимым образом у разных логиков. ...Однако подход В. А. Смирнова отличается все-таки необычайной широтой» [10, 9–10].

* * *

Представленный язык двумерной логики 2PL в содержательном плане соответствует языку комбинированной логики высказываний и событий (CPL) с единственной событийной (терминной) связкой отрицательного события ($\sim$):

Атомарные события: $a \in C_0$

События (термы): $X_n \in C$

$X_n ::= a | \sim X_1 |$,

где « $\sim$ » — термообразующий функтор, соответствующий операции, например, дополнения в алгебре классов.

Формулы: $A_n \in \Phi$

$A_n ::= \theta X_1 | \neg A_1 | A_1 \rightarrow A_2$,

где θ — знак утверждения события, оператор, категориальные характеристики которого необходимо прояснить.

Итак, синтаксис CPL, ограниченной единственной событийной связкой, организуется следующим образом:

⁶ См., также [21].

- s и n^c — категории соответственно предложений и имен событий;
- n^c/n^c — унарная терминная связка (функция), образующая события из событий (принимается, что если a — имя события, то $\sim\sim a = a$);
- s/n^c — процедура (тетическая по своему характеру) образования предложений из событий, т. е. утверждение события (категории вида $s/n^c \dots n^c$ не рассматриваются);
- $s/s, s/ss, s/s \dots s$ — работа с предложениями соответствует PL.

Следует заметить, что в своих первых работах по теме комбинированных логик (позже этот вопрос стал просто опускаться) В. А. Смирнов указывал, что знак « θ » не является ни сентенциальным, ни термовым оператором. Соглашаясь с проблематичностью данной темы, здесь мы принимаем позицию, что « θ » — это оператор (функтор) типа одноместных предикатов, которые делают предложения из имен, но из имен событий.

* * *

Более богатый язык CPL с внутренней логикой событий (например, алгеброй де Моргана) получается, когда мы не ограничиваемся унарной терминной связкой для событий, а добавляем бинарные (и, возможно, другие) событийные связки:

Атомарные события: $a \in C_0$

События (термы): $X_n \in C$

$X_n ::= a \mid \sim X_1 \mid X_1 \cap X_2 \mid X_1 \cup X_2,$

где $\sim, \cap, \cup$ — термообразующие функторы, соответствующие операциям алгебры событий (например, алгебры де Моргана).

Формулы определяются прежним способом, а к категориальной организации синтаксиса добавляется следующий пункт:

$n^c/n^c, n^c/n^c n^c, n^c/n^c \dots n^c$ — процедуры образования сложных событий.

Выражение категории $n^c/n^c \dots n^c$ сопоставляется с функцией, областью определения которой являются n -ки событий, а областью значения — класс всех событий.

Таким образом, выражение категории s/n^c , т. е. утверждение события, сопоставляется с функцией, областью определения которой является класс событий, а область значений — $\{t, f\}$.

III

Остается вопрос о категориальном статусе событийных термов (имен событий)⁷. Чем является категория n^c ? Самостоятельна ли она, например, в качестве новой основной категории языка или можно по-прежнему ограничиться категориями имен (n) и предложений (s) в качестве базовых?

В случае с силлогистикой категория общих имен (универсалий) — n^o — есть категория вида s/n , уже рассмотренная выше в связи с языками фреге-расселовского типа. Таким образом, двухместные операторы силлогистики (a, e, i, o) есть функторы категории $s/(s/n)(s/n)$.

Резонны основания полагать, что имя события (n^c) есть категория вида n/s — своего рода «анти-тетический» акт образования имени из предложения, акт

⁷ Автор благодарен Г. К. Ольховикову за плодотворное обсуждение этого вопроса.

порождения «трактатовских» [6] Sachverhalten, ситуаций. Таким образом, акт утверждения события есть категория $s/(n/s)$. В этом случае легко заподозрить стратегию комбинированных логик в некотором «злоупотреблении», так как акт образования предложений из имен событий, ранее уже образованных из предложений, выглядит совершенно излишним.

Этот вопрос остается открытым. Нам представляется, что порождение событий из предложений является лишь предельно простым случаем. В поддержку комбинированной онтогносеологической стратегии построения логических систем выступает проект динамической комбинированной логики [11], где строится процессуальная семантика событий, а их образование из предложений либо невозможно, либо требует радикальных логико-семантических модификаций.

1. *Айдукевич К.* О синтаксической связности // *Философия и логика львовско-варшавской школы.* М., 1999. С. 283–308.
2. *Б. Больцано.* Учение о науке. СПб., 2003.
3. *Бочаров В. А., Маркин В. И.* Силлогистические теории. М., 2010.
4. *Бочвар Д. А.* Об одном трехзначном исчислении и его применении к анализу парадоксов классического расширенного функционального исчисления // *Матем. сб.* М., 1938. Т. 4, № 2. С. 287–308.
5. *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.
6. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л. Философские работы.* М., 1994. Ч. 1.
7. *Вригт Г. Х. фон.* Логика истины // *Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования.* М., 1986. С. 555–579.
8. *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1947.
9. *Гольдблатт Р.* Логика времени и вычислимости. М., 1992.
10. *Карпенко А. С.* Некоторые логические идеи В. А. Смирнова // *Логические исследования.* Вып. 5. М., 1998. С. 7–18.
11. *Кислов А. Г.* О проекте динамической комбинированной логики // *Онтология возможных миров.* СПб., 2001. С. 38–54.
12. *Кислов А. Г.* Язык логики с событиями // *Эпистемы : сб. науч. ст. Вып. 7 : Онто-гносеологические традиции: истоки и современность.* Екатеринбург, 2012. С. 96–104.
13. *Кислов А. Г.* К вопросу об онтологической автономии ассерции и негации // *Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3 : Общественные науки.* 2014. № 1 (125). С. 79–88.
14. *Кислов А. Г.* Онтологическая автономия ассерции и негации у раннего Канта // *Онтология негативности : сб. науч. тр.* М., 2015. С. 292–307.
15. *Кислов А. Г.* Онтологически автономные отрицательные суждения: И. Кант, Н. А. Васильев и неклассическая логика // *Кантовский сб. Вып. 25.* Калининград, 2005. С. 54–70.
16. *Павлов С. А.* Логика с операторами истинности и ложности. М., 2004.
17. *Смирнов В. А.* Комбинирование исчислений предложений и событий и логика истины фон Вригта // *Исследования по неклассическим логикам.* М., 1989. С. 16–29.
18. *Смирнов В. А.* Многомерные логики // *Логические исследования.* Вып. 2. М., 1993. С. 259–278.
19. *Смирнов В. А.* Утверждение и предикация. Комбинированные исчисления высказываний и событий // *Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик.* М., 1989. С. 27–35.
20. *Смирнова Е. Д.* Логика и философия. М., 1996.
21. *Федоров Б. И.* Логика Бернарда Больцано. Л., 1980.

22. *Фреге Г.* Исчисление понятий, язык формул чистого мышления, построенный по образцу арифметического // Фреге Г. Логика и логическая семантика : сб. тр. М., 2000. С. 65–142.
23. *Черноскотов Ю. Ю.* Logic and object theory in 19th century: from Bolzano to Frege // Логич. исслед. 2013. № 19. С. 10–22.
24. *Черноскотов Ю. Ю.* Основные подходы к пониманию предмета логики в европейской философии XIX века // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 185–207.
25. *Черноскотов Ю. Ю.* Развитие теории предмета в австрийской логике XIX в. и становление современной логики // Мысль: Журн. Петербург. филос. о-ва. 2010. Т. 9, № 1. С. 83–96.
26. *Ajdukiewicz K.* Die syntaktische Konexität // Studia Philosophica, I, Leopoli, 1935. S. 1–27.
27. *Kaschmider H.* Beurteilbarer Inhalt und Gedanke in der Philosophie Gottlob Freges. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 1989.
28. *Wright G.H. von.* Truth, negation and contradiction // Synthese. 1986. Vol. 66, № 1.

Рукопись поступила в редакцию 9 ноября 2015 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ —
LIFE LONG LEARNING:
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»

УДК 37.013 + 371.39 + 378-057.175

J. Böhm

**LIFE LONG LEARNING AND THE RECOGNITION
OF INFORMALLY ACQUIRED SKILLS**

The article describes an assessment tool which adult educators could use to measure professional competences acquired in the scope of their initial training. The developed instrument — a competence pass-serves objective competence identification and creation of competence profiles. Acceptance of competences by the European educational community enables a comparison of required and achieved professional skills and is the prerequisite for recognition and certification of the practitioners.

Key words: competence assessment, adult educators, qualifications, vocational training, further education, transnational mobility, educational institutes.

1. Introduction

We come across competences in multiple ways: naturally, we speak of competences and competent actions. Competences are not restrained to a certain age or certain professions. On this note, one could assume that competences possess an egalitarian aspect. It is expected that children acquire competences already in pre-school or primary school age. Recently, I came across the headline “Competent Infant” [3]. Likewise, it is expected that tasks and challenges in the work place are “competently” accomplished. While the existence of competences is regarded as certain, their description is very arguable. Multiple attempts of descriptions underline this. Competences are neither present per se nor are they an inalterable entity. Competences are not only distributed inter-individually differently; competent acting, i.e. the performance of the competence, can also vary at different times for the same task.

Competences must be acquired; however, it remains largely obscure when exactly which competence has been acquired. Therefore, in our project, we pursue the method to measure competences where they become apparent, namely during the performance of a certain task, independently from how and where they have been acquired.

Adult educators face high demands. They need to possess a high degree of expert knowledge, be trained in didactics and methods, be able to answer questions of participants, interested people or other instances satisfyingly and competently and much more. The high demands of the occupation and the very heterogeneous access to the vocational field of adult education only hint at the various difficulties the scientific work has to deal with.

The idea for the development of an instrument for the identification of adult educators' competences is closely connected to the need of practitioners to make their competences in the vocational field of adult education apparent and thus transparent. This is mainly caused by the fact that not all practitioners in the field possess a formal academic education but still hold the necessary competences. Making these non-formally acquired competences apparent was the main goal of the project.

The need to make non-formally acquired competences apparent underlines a general trend towards making "additional qualifications, competences, knowledge, skills and proficiencies" apparent that "have not (exclusively) been acquired in the scope of a formal (initial) training" [7, 295].

Burkhart Sellin names the following factors for this:

- the quickened renewal of knowledge,
- the connected technological and specialist renewal of requirement profiles,
- changes in the work organization and
- work distribution including work place hierarchies.

"As a result, new and additional ways of competence identification, validation and accreditation become necessary, which are already developing, if initially seemingly uncontrolled" [Ibid]. For some years now, particular attention has been paid to this visualization and recognition of informally acquired competences in the field of adult education as well as vocational training and further education [8, 6, 5, 4]. These competences can add great potential to the process of obtaining occupational competence [5]. A study of the German Federal Ministry of Education and Research has counted more than 50 competence passes on the German market although the standard of these varies strongly in terms of content as well as method [1]. Furthermore, previous efforts have not been explicitly directed towards the identification of adult educators' competences. In order to close this research gap the Competence Pass was developed, tested as well as adapted to one of the major German professional further education facilities.

2. Acquisition of competences in the context of international efforts to standardize the recognition of informally acquired skills

For some time now, attempts have been made on an international level to acknowledge and validate learning outcomes that have been acquired beyond formal educational institutions [2]. The urgency of this problem especially grew after the so-called "competence turn", i.e. the conversion from an input-towards an output orientation within the field of education. It is not about the place and time of acquiring a competence but rather about the ability to solve a certain problem. This conversion implicated the necessity to develop instruments which can ensure this competence assessment and which are internationally recognized.

At the same time shall the informally acquired skills be equated to the formally acquired ones? In December 2004, the Secretaries of Education of 32 European countries have therefore agreed (Maastricht-Kommuniqué) to develop a common European Qualification Framework (see http://ec.europa.eu/eqf/home_en.htm). The EQF sees itself as a Meta Qualification Framework which connects the qualification systems of various countries and thus enables more transparency within the educational landscape. The individual countries are responsible for the realization. The EQF functions as a means of orientation and may be adapted according to different demands.

The aim is that each qualification in each state of the European Union can be related to the EQF. The frame consists of eight reference levels which are defined by a number of descriptors. Each descriptor describes Learning Outcomes which are required to achieve the respective qualifications for a certain niveau. Learning Outcomes are not directly allocated to the EQF but instead first to the niveau of a National Qualification Framework which is adequate to the EQF niveau. The main objectives of this project are:

- I. Promoting transnational mobility;
- II. Supporting lifelong learning.

The realization of the NQF is very different within the individual countries. Some countries such as Finland have developed a comprehensive system for the recognition of informally acquired skills. In other countries such as Germany and Austria, serious discussions are held on the equality of formally and informally acquired skills (see: http://ec.europa.eu/eqf/compare_en.htm).

The example that is presented in the following is an instrument for the visualization and recognition of such informally acquired learning results.

3. What is the objective of the competence pass for adult educators and which aims are pursued?

In a generalized sense there are four main objectives:

- development of adequate instruments/ methods to comprise competences of the people employed in adult education;
- documentation and systematization of competences of adult educators to render a comparison of required and existing competences possible and to enable institutes of adult education to reliably comprise their employees' competences;
- compilation of a manual regarding the utilization of the competence pass;
- the competence balancing is supposed to enable adult educators to increase their professional mobility through the recognition of their not formally acquired competences and thus to strengthen their employability internationally or at least within the EU.

4. Who benefits from a competence pass?

The benefits on the micro- as well as on the mesa level are obvious; however, does one focus on the broad impact, effects can also be found on the social macro level

resulting from a rise of labour mobility and a strengthening of employability even if results are weaker than on the levels below.

1. People employed in adult education: The competence pass gives adult educators the opportunity to identify their professional competences. It becomes obvious in which diverse work situations adult educators are employed and how diverse the requirements for this occupation are. The preoccupation with one's own work furthers self-reflecting processes and thus strengthens the professional self-esteem. Personal development needs can also be identified with the detected levels of specific adult educational competences. This enables the adult educator to choose and attend adequate further or continuing trainings and thus to increase the level of the respective competence.

2. Institutes of adult education: With the help of the competence pass, institutes of adult education can control and further personnel decisions such as hiring or the selective assignment of professionals. Also, internal trainings can be directed more purposefully. The pass can furthermore be used as manual for personnel talks.

3. Certifiers and public authorities: Here, the compass can function as the basis for their evaluation, e.g. for personnel certification. The pass can also enhance existing quality management systems.

4. People interested in continuing education: People interested in continuing education profit from the increased quality of training effected by the use of the competence pass.

5. Method and development

First step:

We defined an understanding of the term "competence" which is decidedly targeted at the requirements of adult educational acting. For this, common competence understandings have been critically evaluated and reviewed for their usefulness for the competence pass. Our definition of Competence: Competence becomes evident in dispositions of acting. Competence becomes apparent in the actions of a person in typical work situations. A competence can be existent in different degrees. Competences can be obtained in different ways.

In the course of our work, five adult educational competences have emerged:

– Professional and societal competence refers to the professional control of content and topics of a training program including substantiated scientific background knowledge as well as to a broad general knowledge on the part of the adult educator, especially to an understanding of current societal, political and educationally relevant topics.

– Pedagogical-didactical competence/media competence refers to the didactics and methods of teaching. It comprises the ability to professionally plan, hold and evaluate lessons/ seminars and to ensure training success and supervision. Media competence describes the ability to work professionally with available technical means. This is supposed to ensure an ideal preparation and presentation of learning topics.

– Personal/social/reflexive competence describes abilities like empathy, perseverance, concentration, motivation, social-communicative and other personal dispositions that are of great importance in the scope of adult education. Reflexive competence

refers to the self-reflexion of the adult educator as well as to the ability to recognize and evaluate general contexts and other function contexts in organization and institutions.

– Organization and management competence comprises commercial and strategic thinking and acting in regard to businesses and organizations. This includes comprehensive abilities in financial planning, business and personnel development, project planning, execution and evaluation, controlling, training planning, cooperation forms and other possibilities of strategic cooperation.

– Counseling competence/mentoring competence refers to the areas of career and education counseling and the assistance for clients, furthermore to the counseling of persons in adult education and to guidance for actual and potential clients as well as organizations such as public authorities, societies, chambers and ministries.

Second step:

– Following a research phase in institutes of adult education, a typology of relevant adult educational competences was created, based on typical work situations of adult educators.

– Systematization of work situations: Due to preliminary works in the scope of a habilitation empirical results regarding typical work situations of adult educators could be used. To engross and specify these results we executed our own research, which included the examination of ten adult educators in different terms of employment and with different key activities.

The following eleven work situations have been determined:

- I. Preparation of Lessons
- II. Holding Lessons
- III. Follow-up of Lessons
- IV. Educational Counseling
- V. Testing and Developing of Teaching Materials
- VI. Concept Development
- VII. Project Management
- VIII. Personnel Development
- IX. Networking
- X. Educational Controlling
- XI. Public Relations

Third step:

To identify the level of each competence, competence indicators have been compiled. To determine the level of a competence, indicators have been developed that refer to the completion of adult educational tasks in different work situations. These serve the determination of the competence level with the use of certain standards. We act on the assumption that a competence does not follow the all-or-none principle but can be developed in varying degrees. This fact establishes the opportunity to strengthen and thus to increase a marginally developed competence through targeted measures.

Fourth step:

The feasibility and acceptance of the pass are currently tested and evaluated in selected Saxon institutes of adult education: an adult education center (Volkshochschule) an institution of confessional adult education an institution of rural adult education as well as an institution of vocational further education.

6. Example

The work situation of “Educational Counseling” is supposed to illustrate the approach:

Work Situation: “Educational Counseling” including its ascribed competences and indicators.

Description: Pedagogical counseling of persons and institutions regarding their desire of and need for further education; the stress is on information and counseling, special addressing of target groups and institutions.

This work situation requires two competences: *Counseling and mentoring competence* as well as *personal/social/reflexive competence*. The presented indicators are not complete due to reasons of clarity.

Generally, the adult educator only evaluates these indicators that apply to him/her. Other indicators are omitted and do not influence the final evaluation. A free line enables the adult educator to add an individually important indicator.

We use an evaluation in four categories:

- I. fully applies
- II. partly applies
- III. somewhat applies
- IV. does not apply

The following image shows examples for indicators for the counseling and mentoring competence as well as for the personal/social/reflective competence:

Volkswagen Bildungsinstitut GmbH

Arbeitsituation: Bildungsberatung

Beschreibung: Beinhaltet die Beratung von Personen sowie Institutionen hinsichtlich ihrer Bildungswünsche und -bedürfnisse.

Kompetenzindikatoren	1	2	3	4
Beratungskompetenz/ Begleitungskompetenz				
Ich kenne den Beratungsgegenstand (z. B. das Bildungsangebot meiner Einrichtung, die Zugangsvoraussetzungen zu Lehrgängen und die finanziellen Fördermöglichkeiten für Bildungsteilnehmende).	☐	☐	☐	☐
Ich nehme regelmäßig an Weiterbildungen im Bereich Bildungsberatung teil.	☐	☐	☐	☐
Ich bin mit ---Beratungsansätzen (z. B. nach Rogers, Phasenmodell, informative/ situative/ biografieorientierte Beratung) vertraut.	☐	☐	☐	☐
Ich grenze Beratung von Auskunft und Information, aber auch von Therapie ab.	☐	☐	☐	☐
Ich achte darauf, dass Bildungsberatung ein Orientierungsangebot und eine Unterstützung bei der Entscheidungsfindung darstellt.	☐	☐	☐	☐
Ich bespreche und vereinbare zu Beginn der Beratung mit den Ratsuchenden die Ziele des Gesprächs.	☐	☐	☐	☐
Ich verweise an zuständige Stellen, wenn der Beratungswunsch den Rahmen meiner Möglichkeiten überschreitet.	☐	☐	☐	☐
Ich gestalte aktiv den Gesprächsverlauf/ meine Beratung, indem ich z. B. durch Fragen leite, getroffene Aussagen umformuliere und das Gespräch angemessen schließe.	☐	☐	☐	☐
Ausprägungsgrad der Beratungskompetenz	Ø			

← Wert 100 %
 ↳ Wert 80 %
 ↳ Wert 60 %
 ↳ Wert 40 %
 ↳ Wert 20 %
 ↳ Wert 0 %
 ↳ Begleitförmig im Gespräch
 1

Volkswagen Bildungsinstitut GmbH

Kompetenzindikatoren	1	2	3	4
Personale/ Soziale/ Reflexive Kompetenz				
Ich baue eine vertrauensvolle Gesprächsbeziehung zu den Ratsuchenden auf, indem ich beraterrische Haltungen wie Empathie und Akzeptanz einnehme.	☐	☐	☐	☐
Ich kann mich von den Ratsuchenden emotional abgrenzen, um Situationen möglichst objektiv einschätzen zu können.	☐	☐	☐	☐
Ich kann auftretende Probleme im Beratungsgespräch angemessen bewältigen.	☐	☐	☐	☐
Ich reflektiere und analysiere den Verlauf und die Ergebnisse der Beratungsgespräche und mein beraterrisches Verhalten.	☐	☐	☐	☐
Ich zeige interkulturelle und soziale Sensibilität im Umgang mit vielfältigen Zielgruppen (z. B. Beachten kultureller oder individueller Besonderheiten).	☐	☐	☐	☐
Ausprägungsgrad der personalen/ sozialen/ reflexiven Kompetenz	Ø			

← Wert 100 %
 ↳ Wert 80 %
 ↳ Wert 60 %
 ↳ Wert 40 %
 ↳ Wert 20 %
 ↳ Wert 0 %
 ↳ Begleitförmig im Gespräch
 2

7. Summary

Identification and acceptance of competences are an opportunity to increase professionalism in the field of adult education. Additionally, adult educational competences become more transparent for different users. Aim of the project “Competence Pass for Adult Educators” was the development of instruments that serve objective competence identification and documentation in adult education and the creation of competence profiles. Furthermore, it serves the compilation of adult educators’ competences to enable a comparison of required and present competences and thus to allow educational institutes to identify safely their employees’ competences. The identification of adult educational competences is the prerequisite for their recognition and certification.

---

1. *BMBF* (2004): Weiterbildungspass mit Zertifizierung informellen Lernens. Machbarkeitsstudie im Rahmen des BLK-Verbundprojektes. Bonn.

2. *CEDEFOP* (2009): Europäische Leitlinien für die Validierung nicht formalen und informellen Lernens. [www: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/4054_de.pdf](http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/4054_de.pdf) [Stand: 2011-07-05].

3. *Dornes, M.* (2011): Der kompetente Säugling: Die präverbale Entwicklung des Menschen. Frankfurt a/M.

4. *Geldermann, B.* (2011): Kompetenzmanagement im Mittelstand: Personalprozesse strategisch ausrichten. Bielefeld : W. Bertelsmann.

5. *Kucher, K./Wehinger, F.* (2010): Mitarbeiterpotenziale entdecken und entwickeln: Kompetenzpässe im betrieblichen Alltag nutzen. Bielefeld : W. Bertelsmann.

6. *Loebe, H./Severing, E. (Hrsg.)* (2010): Kompetenzpässe in der betrieblichen Praxis. Mitarbeiterkompetenzen mit Kompetenzpässen sichtbar machen. Bielefeld : W. Bertelsmann.

7. *Sellin, B.* (2001). Internationalisierung der Berufsbildung. Neue Ansätze zur Zertifizierung und Akkreditierung von beruflichen Qualifikationen in EU. In: *LebensLangesLernen*. P. 295–307.

8. *Strauch, A./Jütten, S./Mania, E.* (2010): Kompetenzerfassung in der Weiterbildung: Instrumente und Methoden situativ anwenden. Bielefeld : W. Bertelsmann.

Я. Бём

ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ И ПРИЗНАНИЕ НЕФОРМАЛЬНО ПОЛУЧЕННЫХ НАВЫКОВ

В статье описывается механизм измерения профессиональных компетенций, приобретенных специалистами, занятыми в сфере образования для взрослых. Разработанная автором методика способствует идентификации неформально приобретенных навыков и созданию профилей педагогических компетенций, необходимых для профессиональной аттестации и дальнейшего признания специалиста на европейском уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: измерение компетенций, специалисты, занятые в образовании для взрослых, квалификация, профессиональное обучение, дополнительное образование, европейская мобильность, образовательные учреждения.

Считается, что компетенции приобретаются уже начиная с детского возраста, детского сада или начальной школы. Несмотря на то что само понятие

компетенции никто не оспаривает, многие описания ее сущности довольно противоречивы. Компетенции не существуют сами по себе и не являются чем-то неизменным. Компетенции не только у каждого свои, но и проявляются всякий раз по-иному, даже при выполнении одной и той же работы.

Идентификация и признание компетентности — это возможность повысить профессионализм специалистов, занятых в сфере обучения взрослых. Для понимания того, обладает ли специалист необходимыми компетенциями, необходимо, чтобы сами компетенции стали более ясными и прозрачными. Цель проекта «Свидетельство о квалификации специалистов, занятых обучением взрослых» состояла в разработке методики, которая могла бы способствовать выявлению объективных компетенций и выработке регламентирующих документов, а также созданию профилей данных компетенций. Помимо этого в задачи проекта входит обобщение компетенций для сопоставления требуемых с уже имеющимися, чтобы таким образом дать возможность учебным заведениям гарантированно определять своих сотрудников на соответствие компетенциям. Идентификация компетентности специалистов в области обучения взрослых является предпосылкой для признания их статуса и сертификации.

В проекте используется способ измерения приобретенных компетенций там, где они становятся очевидными, а именно во время выполнения определенной задачи. При этом в учет не принимается, как и где были получены сами компетенции.

У тех, кто работает со взрослой аудиторией, задачи непростые. Им надо иметь большой объем знаний, профессионально владеть педагогическими и методическими приемами, уметь отвечать на вопросы слушателей, удовлетворяя их потребность в познании, и еще много всего. Высокие требования, предъявляемые к таким специалистам, и неоднородность их профессиональной подготовки затрудняют работу по измерению компетенций и их научной классификации.

Идея создания инструментария для идентификации компетенций профессионала, работающего со взрослыми, тесно связана с потребностью педагогов-практиков иметь четкое представление о своих компетенциях. В основном это связано с тем, что не все педагоги-практики обладают формальным академическим образованием, но тем не менее показывают необходимые компетенции. Главной задачей данного проекта как раз и является выявление данных неформально приобретенных умений.

Необходимость выявления неформально приобретенных компетенций находится в русле общих тенденций усиления роли «дополнительных квалификаций, компетенций, знаний, умений и навыков», полученных «помимо формального (основного) образования».

В течение уже некоторого времени на международном уровне предпринимались шаги, направленные на признание законной силы квалификаций, полученных не в рамках официальных образовательных учреждений. Актуальность проблемы особенно усилилась после так называемой «смены компетенций», когда внимание стали обращать не столько на умения, показываемые в начале обучения, сколько на компетенции, приобретенные по его окончании. Не важно, где и когда приобретены компетенции, фиксируется лишь способность обученных использовать определенные навыки при решении профессиональных задач.

Такие концептуальные изменения вызвали необходимость создания методики международного уровня, позволяющей оценить полученные в процессе обучения компетенции.

В то же время возникает вопрос: можно ли приравнять неофициально полученные навыки к тем, что приобретены в рамках формального образования? В декабре 2004 г. министры образования 32 европейских стран приняли решение (Маастрихтское соглашение) разработать Европейскую рамку квалификаций (EQF). Данная система позиционируется как обобщенная схема, учитывающая особенности квалификационных систем различных стран, что способствует большей ясности при ее использовании в рамках неоднородного европейского учебного ландшафта. Каждая европейская страна несет ответственность за то, как происходит измерение профессиональной компетентности ее специалистов, а EQF является лишь координирующей системой, которая может быть адаптирована в соответствии с потребностями того или иного государства.

Цель EQF в том, чтобы показать, что любая квалификация, полученная в любой стране–члене ЕС, может быть привязана к EQF.

Реализация EQF в национальных масштабах проходит по-разному в разных странах. Отдельные страны, например Финляндия, разработали комплексную систему для признания неофициально приобретенных навыков. В других странах, таких как Германия и Австрия, ведутся серьезные дискуссии о признании равенства официально и неофициально приобретенных навыков.

В любом случае уравнивание неофициально полученных профессиональных навыков с формально приобретенными означает, что специалисты, занятые в сфере дополнительного образования для взрослых, могут претендовать на профессиональную мобильность и тем самым увеличить шансы своего трудоустройства в других странах мира или по крайней мере в пределах Европейского союза.

Перевод О. Л. Кочевой

Рукопись поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья посвящена социально-философскому осмыслению тенденций развития российского образования в контексте глобализации. Автор отстаивает теоретико-методологическую позицию, согласно которой гуманитарные науки должны выступать основанием для формирования идентичности российского общества и личности в условиях реализации перманентной политики модернизации России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гуманитарные науки, модернизация, достоинство, образование.

Какой бы вопрос современной российской действительности мы сегодня ни обсуждали в различных форматах (публичных и частных), все они в той или иной мере касаются смысла, цели, методов и форм дальнейшего развития России. В известной мере начиная с XVII–XVIII вв. внутри российского сообщества всегда на «повестке дня» в различных редакциях и интерпретациях остро стоял вопрос о целесообразности перемен, об их основаниях и пределах, темпе и ритме. В частности, В. Библихин, размышляя о «законе русской истории» и анализируя содержательную сторону романа И. Гончарова «Обломов», показывает, что отношение к современному/капиталистическому развитию со стороны общества носит характер коллективной амехании. При всем активизме то, что происходит в промышленности, политических институтах, не имеет онтологической полноты. Он пишет, что даже активисты типа Штольца «больше *самим себе* доказывают и себя разогревают для неостановимой активности — потому, что знают в себе неопределенную неактивность, неготовность постоянно, непрестанно и во всем действовать» [1, 447].

Амехания, или чувство недолжности, неуместности усилия, — довольно частый момент российского (и не только) сознания и самосознания. Ситуация, когда все казалось бы рядом, «под рукой», но нет импульса, желания, энергии, смысла. В. Библихин связывает событие выхода из этой немоготы с *разрешающим словом/смыслом*, которое способен произнести не обязательно монарх или президент, парламентский деятель, но и поэт, писатель, общественный деятель.

Разрешающим словом в истории России часто выступает концепт «*порядка*» (в современном изводе «*стабильности*»). В ряде случаев словом-символом выступали «*вера*» (патриарх Гермоген), «*престиж*» (Петр I), «*свобода*» (А. С. Пушкин), «*жизнь/судьба*» (В. Гроссман).

Возьму на себя смелость утверждать, что ключевым разрешающим словом для нашего времени должно стать понятие «*достоинство*». Например, В. Федотова, Н. Федотова и В. Колпаков, проанализировав опыт модернизации Азии, делают следующие выводы: «1. Проблема социальных трансформаций для своего обсуждения нуждается не только в макросхемах, но и микроанализе того, как это происходит на уровне каждой страны и даже ее по-разному развитых регионов; 2. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей,

прежде казавшихся исключительным препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению, в сторону конкурентоспособности с западными странами; 3. Развитие без предварительной смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит и в готовности к жертвам, и в готовности к трудовой аскезе (а не только гедонистическим ожиданиям). Люмпенизированному населению нечем и незачем жертвовать, оно само — жертва догоняющей модернизации. Люди, сохранившие идентичность и достоинство, уверены в себе насколько, чтобы успешно и целенаправленно действовать...» [7, 269–270].

По В. Малявину, специфика Китая — модернизация на базе собственной модели рациональности — конфуцианства, а не западной — декартовской, что делает его единым экономическим субъектом, где политический класс, интеллигенция, чиновничество, предприниматели, иные хозяйствующие субъекты—члены единой корпорации [2].

Новые индустриальные страны (НИС) — Япония, Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия — демонстрируют *инновационно-мобилизационный тип* развития, где, «с одной стороны, активно используются западные технологии и инновации, а с другой — мобилизующая сила традиции, коллектива, семьи, чувства общего дома. ...Образ будущего — стремление сохранить идентичность, но войти в семью народов как развитый, конкурентоспособный регион, который остается самим собой. Есть стремление к экономической экспансии в мире, но нет цивилизационного «вызова» в силу внутренней замкнутости, невозможности предложить остальному миру сложившийся здесь тип идентичности» [7, 111].

Успешность линии КНР, по В. Федотовой, в том, что «китайцы при выборе модернизационной модели учитывали опыт страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и т. д.». Конкретнее, «методология китайских реформ — постепенность и учет национальных условий. Это “золотое правило реформ”, отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним» [Там же, 529].

Обобщая: для социально-экономического опыта Юго-Восточной Азии характерно сближение ранее антагонистических черт традиционного и современного обществ — «их взаимодополнительность, включающая в себя ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни с сохранением значения религии и мифологии в духовной жизни; соединение целе- и ценностной рациональности; интегральный образ времени, включающий прошлое, настоящее и будущее; значение выделенной персональности и вместе с тем одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора, сочетание естественной эволюции с регулируемым ускорением; соединение городских и деревенских форм жизни; наличие гибких и институциональных форм организации общества; сочетание локального и глобального» [Там же, 278].

Если вернуться от реалий стран Тихоокеанского региона к России, то нас интересует в первую очередь вопрос о ресурсе развития российского общества. Более четырехсотлетний опыт модернизации России (XVII–XXI вв.) показывает, что каждая волна модернизации — при Алексее Михайловиче, Петре I, Елизавете Петровне, Екатерине II, Николае I, Александре II, Николае II, в СССР, в современной Российской Федерации — существенно меняет структуру российского общества, экономики, политики, культуры, но она очень часто «спадает», как только уходит политический класс или личность, напрямую заинтересованные в институализации России в глобальной *мир-экономике*, складывающейся после эпохи Великих географических открытий.

Не секрет, что современность — это сообщество посттрадиционных обществ, которые, каждое в своем режиме, вступили в Новое и Новейшее время (по К. Марксу, Ф. Броделю, Дж. Арриги). Более того, мы сегодня на материале ряда социальных наук твердо знаем, что ни одно общество не входило в современность без модернизации, где ключевой институт — это капитализм, создающий новую систему отношений между людьми. Человек современности создается на границе пересечения таких процессов, как индивидуализация, секуляризация, демократизация и инновационность. «Его отличает: интерес ко всему новому, готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентация на информацию; серьезное отношение к времени и к его измерению; эффективность; планирование эффективности и времени, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм» [7, 80].

Итак, достоинство и опора на собственную социокультурную идентичность стали основой успешности воплощения модернизации стран Тихоокеанского региона. Безусловно, внутри китайского и японского обществ были и есть противоречия, но они, как правило, решаются между собой, с опорой на собственные ресурсы. Даже мера открытости и принятия Другого опыта здесь своя, определяется активными политическими и гражданскими силами. Указанное обстоятельство не позволяет произойти расколу общества (на «старых» и «новых», на годных и негодных). Также в указанных условиях низок уровень подозрительности, узок круг лиц поклонников «теории заговора» и любителей поиска «врагов народа»/«пятой колонны». Несомненно, мы отдаем себе отчет в том, что концепт достоинства весьма богат на смыслы и требует более детальной герменевтики. Более того, необходимо видеть и риски сознания достоинства (гордыня, изоляционизм). Однако ни правовое государство, ни гражданское общество, ни инновационная экономика невозможны без гражданина, обладающего сознанием (а не только чувством) собственного достоинства, достоинства своей семьи/фамилии/(на)рода, достоинства общества/государства, достоинства выбранного пути.

На наш взгляд, суть достоинства — в экзистенциальном событии *стояния* в современности, где мысль — действие — ответственность даны и разворачиваются в единстве бытия личности как человека и гражданина. Смысл достоинства в том, чтобы быть самим собой или другим собой (альтернативным себе, или живым, растущим, развивающимся) в ту *меру*, которая, собственно, и делает человека личностью. Конечно же, выраженная нами интуиция о разрешающем слове эпохи, о достоинстве нуждается в более серьезном феноменологическом, герменевтическом, социокультурном прочтении и понимании. Вместе с тем множество линий

духовного, социального, культурного *делания* в российском обществе показывает, что мы сегодня всерьез подходим к проблемам идентичности, критериев идентификации, к вопросам различения и конституирования практик целерационального и ценностно-нормативного поведения, множественности.

Иное дело, каким образом наше возрастание в достоинстве, а следовательно, помимо прочего, в наследовании, преемственности, будет воспроизводиться в нашей гражданской/личной жизни.

Чувство достоинства конституируется множеством факторов политического, социокультурного, экономического порядка. Ведущей силой возрастания в достоинстве, на наш взгляд, должны стать социально-гуманитарные науки. Однако, как замечает Марта Нуссбаум, именно гуманитарные науки оказываются под подозрением и сокращением у политико-экономической элиты, иницилирующей модернизацию как в западных, так в не западных обществах. Технократизм и экономикоцентризм — вот две доминанты политической элиты эпохи глобализации. Однако «образование, нацеленное исключительно на достижение экономической эффективности в рамках мирового рынка, воспитывает алчность и тупость, технологический профессионализм и покорность, то есть качества угрожающие самому существованию демократии и безусловно препятствующие созданию достойной мировой культуры» [4, 182].

Вместе с тем есть ряд *способностей*, которые формирует гуманитаристика у каждого человека, начиная с Античности как культурной формы, где получили институализацию такие социальные формы, как демократия, право, гражданское сообщество.

Всего М. Нуссбаум выделяет три момента, дающих человеку стать на уровень современности: «способность к критическому мышлению; способность отвлечься от частных интересов и взглянуть на мировые проблемы с точки зрения “гражданина мира”; и, наконец, способность сочувственно относиться к трудностям другого человека» [Там же, 22].

Фактически речь идет не о *социализации, аккультурации, экономизации* человека, а о становлении человеческого в индивиде. Долгое время и школа, и университет рассматривались как государственные институты. Сегодня в ряде случаев это предметы заботы корпораций и бизнес-сообществ, что лишает образование качества автопоэзиса, смысл которого «состоит в попытке совершить то, что в принципе проблематично и всегда открыто, — акт преобразования себя и рождения в себе нового существа, выделяющего на себе новый опыт, новый способ бытия, поскольку предыдущий невозможен, смертелен и проблематичен» [6, 163].

Образование, понятое как онтологическая забота человека о самом себе, выводит проблему его модернизации на новый уровень. В известной мере данное понимание дает возможность «перезагрузки» не только системы образования, но и системы общества в целом в сторону экологии бытия человека. Конкретнее, речь может идти о создании целого кластера образовательных практик, где правильнее вести речь об *инновациях*, формах, способах и практиках становления человека субъектом не только современной цивилизации, но творцом личностных форм бытия. В частности, А. Смирнов вслед за Ж.-Л. Нанси ведет речь об экотехниках человека современности, где сам термин «экотехника» акцентирует способность

существования человека/человеческого рода к самоорганизации, свободе, освобождению от любой власти телеономии, формированию сферы авто-и-гетеро-субъективаций, где всякие «цели» «сущности» принципиально временны, операциональны и определены открытой суммой совместности сущего [5, 242–244].

Известный петербургский философ Б. Марков напоминает нам о том, что инновации — «это не некие шумные акции наподобие путчей и даже революций. Это всегда процессы, в которых проходит смещение границ и эрозия форм и стилей. Изменения могут начаться на разных уровнях, как проявление нетипичного, маргинального, как смена норм и отказ от жестких оценок их нарушения, как потеря почвы у старых норм, как изменения их в ходе осуществления продуктивного действия» [3, 232].

Обращение к теме экологии бытия человека и инноваций в контексте обсуждения образования как сферы антропологического опыта, на наш взгляд, не случайно, поскольку именно экологический взгляд на историческую динамику показывает, что каждая из имеющихся форм социальных отношений, имеющих место быть в современности, далеко не случайна, а воспроизводит необходимую для ее бытия связь, составляет ресурс для развертывания отношений «здесь-и-сейчас».

Тема инноваций в известной степени «снимает» жесткую модель модернизации, где при любой конфигурации есть те, «кто шагает вперед семимильными шагами», и те, «кто, задрав штаны», бежит за ними. Помимо прочего парадигматика инновационного дискурса большое внимание уделяет *человечесоразмерности*, выработке серии метафизических практик и социокультурных компетенций, буквально конституирующих личностную идентичность, саму личность как род бытия.

При такой трактовке становится понятным, что, например, устойчивость экономических, политических, социокультурных инноваций в истории человеческого рода состояла в способности или неспособности конституирования, прежде всего на личностном уровне, определенного типа образа целого/гармоничного человека.

-
1. Бибихин В. В. Чтение философии. СПб., 2009.
  2. Малявин В. В. Китай управляемый: Старый добрый менеджмент. М., 2007.
  3. Марков Б. В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. СПб., 2011.
  4. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.
  5. Смирнов А. Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск, 2011.
  6. Смирнов С. А. Антропология образования: дискурс и практика (или образование как институт человека) // Человек.RU: Гуманитар. альм. Новосибирск, 2012. С. 159–168.
  7. Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Колтаков В. А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008.

Рукопись поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

УДК 37.017.924 + 378.1:17.021.2 + 316.422.42

Л. Ф. Гайнуллина

Е. Л. Яковлева

ПРИНЦИП ГУМАНИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ ГУМАНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется гуманизм как мировоззренческая доктрина, провозглашающая человека в качестве высшей ценности, которая начиная с Античности тесно вплетена в систему образования. Идея гуманизма с развитием общества и философской и педагогической мысли претерпела существенные трансформации. Подчеркивается, что современный глобализирующийся мир, мир высоких технологий, информатизации и виртуализации общества, имеет своей оборотной стороной нарастание глобальных проблем, кризисов и рисков, катастрофический рост отчуждения и дегуманизации. Отсутствие единого понимания гуманизма применительно к реалиям XXI в. приводит к появлению различных производных от гуманизма направлений, таких как постгуманизм, трансгуманизм, техногуманизм. Рекомендовано возрождать гуманизм и гуманное начало в человеке, возлагая ведущую роль в этом процессе на систему образования как единство обучения, воспитания и развития человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гуманизм, образование, постгуманизм, трансгуманизм, техногуманизм, евгеника, сверхчеловек, человек как высшая ценность.

Идея гуманизма в образовании возникает уже в Античности, начиная с Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Как мировоззрение формируется в эпоху Возрождения (Ф. Петрарка, Дж. Боккаччо, Т. Кампанелла, Т. Мор, М. Монтень и др.), красной линией проходит в мировоззрении Просвещения, задавшем мировой педагогической мысли два противоположных вектора в понимании гуманизма: социоцентристский (Дж. Локк) и индивидуалистский (Ж. Ж. Руссо), спор между которыми продолжается и сегодня. Однако, несмотря на определенные различия, общим и определяющим для всех трактовок гуманизма в образовании было признание безусловного верховенства интересов личности, человеческих ценностей над материально-экономическими, технократическими, административно-управленческими.

Современное общество, сотрясаемое кризисами и катаклизмами, сгибаемое под спудом глобальных проблем, к которым в последние годы добавилась и миграционная проблема, требует развития гуманистических тенденций во всех сферах общественной жизни. Идеи гуманизма должны стать базовой парадигмой современной системы образования. Но не стали. Широко декларируемые с высоких трибун гуманистические принципы не нашли в должной степени своего практического воплощения в образовательном процессе высшей школы. Так, доля гуманитарных дисциплин неуклонно уменьшалась от одного государственного образовательного стандарта к другому; ФГОС ВО (ФГОС 3+) не содержит перечень и объем дисциплин не только вариативной, но и базовой части, кроме философии, истории и иностранного языка. На практике вузы при составлении учебных планов негуманитарных направлений урезают до минимума количество

гуманитарных дисциплин и объем учебного времени, отводимый на их изучение, хотя у выпускника-бакалавра на выходе должны быть сформированы наряду с профессиональными компетенциями и общекультурные, гуманистические по своей сути. Среди них формирование мировоззренческой и гражданской позиции (ОК-1, ОК-2), способность к коммуникации, межличностному и межкультурному взаимодействию (ОК-5), толерантное восприятие социальных, этнических, профессиональных и культурных различий (ОК-6), способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-7). В современном глобализующемся мире формирование данных компетенций у молодых людей приобретает особую значимость.

Следует отметить, что сама идея гуманизма, принципы гуманизма претерпевают существенные изменения в соответствии с развитием общества. На сегодняшний день нет единого безусловного понимания гуманизма применительно к реалиям XXI в., что приводит к появлению различных производных от гуманизма направлений.

В рамках философского дискурса проблема человека является одной из важнейших. Подобное утверждение нельзя назвать новым: скорее, оно является вечным и фундаментальным. В иерархической системе ценностей человек занимает лидирующие позиции, продуцируя, в свою очередь, ценности собственного бытия, являющиеся вторичными по отношению к нему. Именно человек, выступая в качестве разумного центра мироздания и рефлекслируя над ситуативностью происходящего, погружает себя в решение загадок бытия и собственной жизни. Ему принадлежит право постановки и решения метафизических и гносеологических проблем (в том числе вопросов соотношения бытия и небытия, реального и виртуального, гуманного и нигилистического отношения к миру и самому себе, возможных путей самореализации и множество других).

Но современные космические скорости жизни, высокие технологии, информатизация и виртуализация общества, увеличивающийся объем знания, с одной стороны, стали источником величайшего прогресса, а с другой стороны, обернулись его негативной тенью, связанной с глобальными проблемами, появлением кризисов и рисков, катастрофическим ростом отчуждения и дегуманизации. Царящий хаосмос окружил человека множеством проектов/заданий/ситуаций, находящихся в стадии неразрешенности. Все это привело к интенсивному изменению человека и его культурного кода: в бытии личности начали искажаться/разрушаться общепринятые системы (религиозных, нравственных, эстетических) ценностей, а тиражируемые пороки (насилие, агрессия, цинизм, ложь) превращаться в товар. «Спекуляция на понижение» и внимание к инстинктам (власти, страха, обладания) — такова интегральная характеристика современного/современного человека, данная еще в XX в. М. Шелером. А М. К. Мамардашвили определял духовное состояние человека как *«антропологическую катастрофу»*. Современная личность пребывает в состоянии кризиса, растерянности и незнания. В связи с этим актуальной становится проблема возрождения самого человека и человеческого отношения к бытию, что заставляет вспомнить идеи гуманизма.

Гуманизм как мировоззренческая доктрина провозглашает человека в качестве высшей ценности, утверждая его права на свободу, счастье, гармоничное развитие,

связанное с воспитанием/образованием/деятельностью и проявлением себя в социальном. Гуманизм исходит из установки: каждый человек — неповторимая и уникальная Личность со своими интересами, способностями и потребностями, поэтому гуманизм направлен на человека, его понимание и преобразование. Подчеркнем: преобразование играет значимую роль в жизни человека, «это функция его бытия, направленная на все онтологические формы экзистенциальной среды культуры» [3, 162].

Идеи гуманизма, пронизывающие собой все социокультурное пространство, в качестве основного критерия бытия выдвигают человека и его блага. Проявив себя на Древнем Востоке и в Античности (гуманизмом пронизаны философские идеи Конфуция, Сократа, Аристотеля, Эпикура, Цицерона и др.), он набрал обороты в эпоху Возрождения, заложив основы для дальнейшего развития науки, искусства, политики, экономики и общественной мысли. Гуманисты, исходя из понимания человека как центра мироздания, сфокусировали свой исследовательский интерес на изучении потребностей и экзистенциальных ценностей, составляющих «целостность человеческого духа» (Л. М. Баткин). При этом центром мироздания человека сделала его собственная природа, а именно наличие разума, безграничность творческих способностей, свобода в поступках и помыслах, добродетельность и бессмертность души. Гуманисты Возрождения, интерпретируя Цицерона, считали, что человечность является главным результатом культуры.

Согласно И. Канту гуманистична философия, занимающаяся критикой практического разума, под которым он понимал гуманные по своей сути моральное сознание и нравственность: «Максима благоволения (практическое человеколюбие) — долг всех людей друг перед другом (все равно, считают их достойными любви или нет) согласно этическому закону совершенства: люби ближнего своего, как самого себя» [4, 391]. В кантовской этике именно *человек выступает высшей ценностью*, все поступки которого должны быть ориентированы на общее благо. Философ подчеркивает: при выборе своего поведения человек должен руководствоваться общечеловеческими правилами, являющимися для него безусловным повелением и получившими свое воплощение в категорическом императиве.

Именно гуманизм как мировоззренческий принцип и основа смыслополагания помогает в современном мире «собрать» разобранного/мозаичного человека, подключая к личным и социальным бытийным процессам все его составляющие (в том числе интеллектуальные, моральные и эстетические).

Триада интеллектуального — морального — эстетического в личности создает экзистенциальный смысл бытия. Она объемлет собой всю жизнь человека, его внешний и внутренний облик, выступая в качестве направляющей ценности личности. Достигая гармонического равновесия в пространстве данной триады, человек ощущает в себе цельность и самодостаточность, может идентифицировать себя в обществе и самореализоваться, осуществляя свое «искусство Быть».

Идеи гармонии интеллектуального — морального — эстетического наиболее ярко проявились в идеале ренессансного человека, в свою очередь, заимствованного из античной литературы. Необходимо заметить, что античное *слово* приравнивалось гуманистами к *знанию* и *добродетели*. Именно оно должно было сыграть

решающую роль в воспитании идеальной личности — *homo civilis*, умело совмещающей в себе практическую деятельность, направленную на благо общества (*vita activa*), рефлексивно-созерцательное отношение к жизни (*vita contemplativa*) и этос, гармонию физического и духовного бытия. Согласно Дж. Манетти истинное предназначение человека заключается в девизе «Действовать и мыслить», в чем проявляется его достоинство — *dignitas* [1, 74]. Помимо этого определяющей категорией в помыслах и действиях идеального человека была добродетель, имевшая широкое значение. Гуманисты, опираясь на идеи Аристотеля в «Никомаховой этике», видели в проявлении добродетелей гармонию человеческого бытия. Вслед за античным философом они делили добродетели на нравственные (мужество, щедрость, великодушие, справедливость, дружелюбность) и умственные (мудрость, благоразумие, способность к науке и искусству). При этом близка им была и концепция Цицерона, развивавшего идеи Аристотеля. Древнеримский оратор и философ пришел к мысли о том, что добродетель, выступая в качестве врожденного свойства личности, совершенствуется ею в жизненных ситуациях. Огромную роль в проявлении добродетели играет разум, который необходимо развивать в познании бытия и полезной деятельности.

В современном мире гармония внутри триады интеллектуального — морального — эстетического оказалась разрушенной, что привело к определенным трансформациям в самом человеке и его взаимоотношениях с миром. Игнорирование интеллектуального и морального, преувеличение роли эстетического создали ситуации, когда во имя красоты человек принес на плаху интеллект и нравственность. В современности эстетизации подвергается все, включая низменное, грязное, запретное, аморальное. Тиражируясь посредством дигитальных технологий, эстетизированное Зло становится стандартом, превращаясь в эстетизированное Добро. Итогом подобной перестановки становится наше перемещение в Зазеркалье с характерной для него инверсией правого и левого, истинного и ложного, правильного и искаженного.

Благодаря гуманизму и гуманистическим основаниям метафизики человека процесс интеллектуально-морального возрождения личности сегодня актуализируется. Целостная неразрывность всех компонентов триады, где обнаруживает себя рефлексивная игра прекрасного и нравственного, способствует полноценному проявлению человека в соответствии с идеями истины, добра и красоты, составляющими содержание гуманизма. Сегодня для восстановления равновесия в этом триединстве необходимо интеллектуализировать эстетическое, чтобы оно, преодолев симулятивность и антигуманность, смогло выступить в роли *разумно-этического откровения* для человека на пути постижения бытия. Именно в этом случае красота поможет человеку возродиться духовно, интеллектуально и морально (вспомним: «Красота спасет мир»).

Уже в XX в. пространство социального подверглось коренным ломкам и трансформациям, коснувшимся и гуманизма. Мишель Фуко провозгласил «смерть человека», что было связано с разрушением гуманистического образа личности и ее прорывом в Иное измерение.

Сегодня философы и ученые, заглядывая в будущее, формируют парадигмы постгуманизма, трансгуманизма и техногуманизма. Очертим контур этих понятий,

постепенно захватывающих социокультурное пространство и высвечивающихся в определенных ситуациях.

Понимание *постгуманизма* неоднозначно. Одни считают, что постгуманизм противоположен гуманизму и представляет собой новый виток его развития в постэпоху; другие связывают его с потерей самого человека, его корней, веры и ценностей. Постгуманизм, являясь вторичным образованием от гуманизма, с одной стороны, осуществляет попытку уйти от него, а с другой стороны — исправить его недостатки (противоречия, несправедливость). В отличие от гуманизма постгуманизм не принимает антропоцентризма, подчеркивая, что человек представляет собой постоянно изменяющуюся часть природы. Итогом продолжающегося эволюционного процесса станет преобразованный посредством передовых технологий постчеловек (*posthumans*) как результат соединения тела с машиной. Подчеркнем, современная эволюция имеет не естественный, а искусственный/технологический характер, превращая человека в «постав» и часть техносферы. Именно благодаря последней создаются искусственные человеческие органы, появляются условия для усиления действенности интеллекта благодаря интеграции сознания человека в компьютер. Как справедливо пишет Луи Альгюссер, личность в постгуманизме — явление искусственное, потому что она становится результатом развития техники. Машинный мир, заботясь о человеке, поработщает его, делая зависимым от технологий и беспомощным. При этом в искусственном мире периодически происходят сбои, с которыми человек и его машины не способны справиться, что приводит к техногенным катастрофам.

В постгуманистической эре мерилом ценности станет интеллектуально-технологический потенциал, что вызывает огромное количество опасений, касающихся будущего человека и его бытия. Дело в том, что постгуманизм может стереть своеобразие и неповторимость человеческой индивидуальности: технологии сформируют некую единую модель человека, связанную с машинами, — постчеловека или киборга (беспольный гибрид машины и человека). Здесь гуманистическая вера в безграничность возможностей разума человека может обернуться трагедией: искусственная научно-техническая реальность начнет превалировать, разрывая все связи с естественным, трансформируя человека и нарушая пространственно-временной баланс бытия. Согласимся с М. Фуко, у которого в понимании постгуманизма присутствуют пессимистические оттенки: современные формы бытия человека, связанные с ним идеи гуманизма, Истины и Добра постепенно исчезнут, «как лицо, начертанное на прибрежном песке». Очередной поворот бытия, связанный с развитием технологий, подвергнет трансформациям жизнь человека в непредсказуемом направлении.

Если сравнивать гуманизм и постгуманизм, то акценты в них имеют следующую расстановку: гуманистический идеал предполагает теoантропоцентризм, а постгуманистический — техноантропоцентризм с доминированием искусственной, технической среды. Тем не менее ценность постгуманизма заключается в том, что он, опираясь на старое, производит переоценку всего им созданного и пытается задать новые векторы развития.

Одним из ответвлений постгуманизма считается *трансгуманизм* (от лат. *trans* — сквозь, через; лат. *humanitas* — человечность, *humanus* — человеческий). Само

появление слова *transhumane* связано с искусством: первым его употребил Данте Алигери в «Божественной комедии» в 1312 г. В современном значении термин «трансгуманизм» появился в 1957 г. благодаря английскому ученому Джулиану Хаксли, который считал, что трансгуманизм — это новая идеология, основанная на вере в научно-техническую революцию.

Трансгуманизм — направление философской мысли и искусства, где в качестве ценностного ориентира выступает проблема преодоления человеческого. В контексте трансгуманизма решаются вопросы внедрения в бытие и метафизику человека различных технологий, благодаря которым можно победить старение и смерть, улучшить генетику, увеличить умственные, физические и психологические способности человека. Но все подобные изменения, заметим, имеют искусственный, неестественный характер. Трансгуманизм осуществляет попытку улучшения человеческой природы, в результате чего создается *техноорганизм*, осуществляющий энергоинформационный обмен с окружающим миром. Трансгуманисты оптимистично относятся к власти машин и их могуществу, подчеркивая, что благополучие и здоровье человека зависят от новых технологий (особенно в области генной инженерии, био- и нанотехнологий, создания интерфейсов «компьютер — мозг»).

Необходимо заметить, что идеи улучшения человеческой природы можно считать вечными, впервые проявившими себя на стадии господства мифологического мышления. В рамках ренессансного гуманизма подобные идеи имели место, но здесь сделаем оговорку. Идея улучшения человеческой природы осуществима не посредством техники, а с помощью гуманно-социальных технологий — античной литературы и ее изучения. У гуманистов «возделывание» души, или окультуривание личности, достигалось в результате изучения античных авторов, работы рефлексизирующего субъекта и его самопознания. Как заметил итальянский поэт-гуманист Гуарино Веронезе, «нет ничего более пригодного и подобающего для приобретения добродетелей и благонравия, чем усердное чтение ученых античных писателей» [1, 114].

Трансгуманистические идеи развивали Фридрих Ницше в своем концепте о сверхчеловеке и представители русского космизма (особенно Н. Ф. Федоров и К. Э. Циолковский). У последних трансгуманисты заимствуют идеи технического совершенствования человека, связанного с освоением космоса. Другое дело, что трансгуманисты считают, что подобное совершенствование возможно на Земле в результате распространения искусственных форм жизни. Так, федоровская идея воскрешения человека посредством собирания мельчайших частиц материи, «собрание рассеянных частиц» праха предков, несущих в себе наследственную память, для воссоздания тел умерших при помощи некоторых вибраций, которые будут обнаруживать «чутким слухом» сыны человеческие [6, 259], сегодня благодаря интенсивному развитию био- и нанотехнологий продолжает обсуждаться в научных кругах, что дает надежду трансгуманистам на появление усовершенствованного вида *homo sapiens*.

Идеи трансгуманизма, связанные с улучшением человеческой природы, можно обнаружить и в евгенике. Глава Русского евгенического общества Н. К. Кольцов в своей работе «Улучшение человеческой породы» подводит итоги развития

евгеники рубежа XIX и XX вв. Цель евгеники, по Николаю Константиновичу, произвести изменения в количественном соотношении активных и пассивных элементов общества. Он пишет, что «для эволюции человечества совсем неважно сокращение численности населения на несколько десятков миллионов. С евгенической точки зрения важно знать, были ли эти миллионы лучшими или худшими, то есть стояли они выше или ниже среднего уровня» [5, 2]. Чтобы избежать неблагоприятного финала истории человеческого рода, исследователь предлагает в качестве высшей ценности считать «жизнеспособность» особей. При этом Н. К. Кольцов подчеркивает, что род человеческий, совершенствуясь, не должен забывать и о духовном аспекте бытия личности, связанном с развитием познавательных способностей: «будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен быть также снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек – сверхчеловек, *homoscreator* – должен стать действительным царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли» [Там же, 13]. Для достижения идеального состояния государству, выполняющему роль селекционера, необходимо отбирать одаренных людей, помещая их в тяжелые условия, в которых они не только бы выжили, но и смогли содержать большую семью.

Идеи евгеники не потеряли своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. Так, проблемам трансгуманизма и биоэтики посвящена работа Ю. Хабермаса «Будущее человеческой природы» (2001), где ученый поднимает вопросы преимплантационной диагностики, использования стволовых клеток и генетических технологий, направленных на изменение человеческой природы. Философ, указывая на множественность современных мировоззрений и плюрализм существующих ценностей, считает, что сложившаяся ситуация рождает проблемы в области этики, связанные с развитием науки и ее вмешательством в природу человека. Ю. Хабермас подчеркивает, что искусственное изменение генетики человека влечет за собой изменение морального сознания и опыта. Это приведет к тому, что «изменяются критерии всего возникающего “естественным образом”, в соответствии с которыми мы осознаем и понимаем себя как единственных авторов собственной жизни и равноправных членов морального сообщества» [7, 75]. Ю. Хабермас предупреждает: запрограммированность генома влечет негативные последствия, связанные с невозможностью «понимать себя в качестве этически свободных и морально равных, ориентирующихся на нормы и основные принципы существ» [Там же, 77].

Объясняется подобная ситуация размыванием границ между естественным (возникшим по природе) и искусственным (произведенным техническим способом обращения с живым, включая развивающиеся генетические технологии). Проникая в человека и его рефлексию, технологии могут привести к самоотчуждению, переходу «от перформативной установки воспринимающей себя в первом лице личности по отношению к проживаемой жизни к перспективе стороннего наблюдателя, в рамках которой собственное тело человека с самого рождения воспринимается им как объект вмешательства со стороны» [Там же, 81]. В итоге личность теряет возможность быть собой и «непредвзято воспринимать себя как

единственного автора собственной жизни» [7, 83]. Более того, рождается асимметрия во взаимоотношениях между людьми: равенство нарушается ввиду того, что определенная категория людей получает возможность формировать структуру генома других. Подчеркнем: в сложившейся ситуации категорический императив И. Канта, согласно которому необходимо относиться к человеку как к цели, но никогда — только как к средству, подвергается игнорированию.

В результате философского анализа проблемы Ю. Хабермас предупреждает о моральных опасностях развития евгеники и ее современных средств, связанных с трансплантацией стволовых клеток, внедрением био- и нанотехнологий.

Возвращаясь к концепту трансгуманизма, обратим внимание на его акценты. Н. Бостром, основатель международной трансгуманистической организации, провозглашает, что сегодня именно техника и медицина, продолжая естественную эволюцию, создают особый мир господства над телом, осуществляя мечту человека о бессмертии. При этом морфологическая свобода человека способствует выбору тех технологий, которые будут совершенствовать его организм, увеличивая продолжительность жизни посредством аплоадинга (*uploading* — возможность перенести человеческое сознание в компьютер или другой носитель), био- и нанотехнологий, крионики. Но вопрос о цели подобных изменений, их этичности остается открытым. В итоге трансгуманизм можно считать футурологическим мифотворчеством, синтезом научной и народной культуры, что наиболее ярко проявилось в искусстве (особенно в литературе, кинематографе, живописи), где показаны люди будущего, обладающие улучшенными интеллектуально-физическими способностями.

Подчеркнем, само понимание философами и учеными будущего и связанного с ним формирования нового вида человека вызывает огромное количество голосов *contra*. Например, Ф. Фукуяма считает трансгуманизм «самой опасной в мире идеей». Главным недостатком трансгуманизма является то, что с точки зрения этики он угрожает общечеловеческим ценностям, технически внедряясь в природу человека и тем самым трансформируя его бытие с непредсказуемыми последствиями. Более того, сама идея бессмертия способствует появлению множества проблем (например, перенаселения, ограничения свобод, низкого уровня жизни). Сами сторонники трансгуманизма отвечают на встающие перед ними вопросы построением очередных утопий, где все проблемы решаются посредством разумного социального управления, ограничивающего рождаемость, дальнейшего освоения космоса.

Термины «постгуманизм» и «трансгуманизм» нередко используют как синонимы, что высвечивается в рамках проведенного нами анализа. Оба феномена представляют собой довольно разнородные философские размышления о наступлении новой эпохи. Среди общих черт трансгуманизма и постгуманизма можно назвать веру в дальнейший эволюционный и технологический прогресс, в результате которого в будущем появится новый вид человека. Заметим, сосредоточившись на технологическом усовершенствовании телесного в человеке, постгуманисты и трансгуманисты отходят от идеалов гуманизма, гуманистической этики и духовного начала вообще, не решая связанных с ними проблем (человечности, справедливости, добра, правды и др.) и превращая все в модный тренд.

В работах М. Н. Эпштейна встречается понятие *техногуманизма*. Он понимает под ним очередной «постбиологический» этап развития, связанный с техническим искусством (греч. *techné* — искусство). Автор подчеркивает, что совершенные творения человеческого гения в виде новых форм коммуникации, конструирования, обмена и хранения информации совершенствуют человека, а сам человек приобретает «сверхчеловеческую» жизнь в своих творениях» [8]. В концепции М. Н. Эпштейна акцент сделан на интеллектуально-творческой эстафете, передаваемой от человека к техночеловеку и искусственному разуму. Ученый верит, что созданные человеком машины смогут расширить представления о нем, создав новые предпосылки для развития гуманизма.

Подводя итоги, подчеркнем: все споры о постгуманизме, трансгуманизме и техногуманизме будут продолжаться еще долго в связи с интенсивным развитием технологий и расширением техносферы. Сегодня можно сказать, что постгуманизм, трансгуманизм и техногуманизм представляют собой варианты названий эпохи, где ключевая роль отведена высоким технологиям. Эта эпоха может так и остаться утопической, мифологизированной, сохранившись на страницах философских и художественных произведений, а в реальности, ввиду ее ризомного характера, сложится иной ход развития.

Возникает вопрос: что в современной культуре в условиях постоянных кризисов и рисков необходимо предпринять?

Сегодня, по нашему мнению, необходимо возрождать гуманизм и гуманное начало в человеке, иначе сложится ситуация, в которой взаимосвязь между людьми будет иметь роковой характер, где «тайное предназначение каждого» будет состоять в том, чтобы «уничтожить Другого» [2, 238]. С нашей точки зрения, чтобы сохранить Человека, необходимо возродить установки гуманизма. Какую бы сферу социального бытия мы ни взяли, везде гуманизм и человеческое начало выступают в качестве ключевой ценности. Любые ситуации (комические, драматические, трагические и др.) человек измеряет через призму человеческого и человечности. Ввиду этого протагоровское изречение «Человек есть мера всех вещей...» оказывается вечным и даже архетипичным. Тотальное внедрение техники и распространение технологий начинают обездушивать человека, превращая в механизм, не способный любить и жертвовать, быть и нести в жизнь нравственно-эстетические ценности. Необходимо помнить: человек — существо телесно-духовное. Все современные кризисы, в том числе глобального характера, могут быть решены только на уровне человека в его статусе Быть и нести ответственность за содеянное, за сотворенный мир техники, машин и роботов. Не случайно в современности установки гуманизма приобретают актуальность и играют ведущую роль, способствуя не только внешнему, но и внутреннему творческому развитию человека, ресурсы которого неисчерпаемы. Ведущая роль в этом процессе отводится системе образования как единству обучения, воспитания и развития человека. «Обучая, мы воспитываем, воспитывая, мы обучаем» — гласит ставший уже педагогической классикой лозунг С. Л. Рубинштейна.

2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2012.
3. Гращенков В. Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения. М., 1996. Т. 1.
4. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009.
5. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 2.
6. Кольцов Н. К. Улучшение человеческой природы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 1–27.
7. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1995. Т. 2.
8. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.
9. Эпштейн М. Н. Техногуманизм. Эстафета свободы и разума: от Бога к человеку и его творениям [Электронный ресурс]. URL: <http://mikhail-epstein.livejournal.com/8106.html> (дата обращения: 25.07.2013).

Рукопись поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИДЕНТИЧНОСТЬ И МИГРАЦИЯ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ,
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

УДК 331.55 + 339.97 + 338.121

G. Keşci

**THE IMPACT OF THE MIGRATION ON THE ECONOMIC
DEVELOPMENT AND INTERNATIONAL TRADE**

Labor is one of the production factors in the Economics and in the International Trade Theory. According to the theoreticians Labor was considered immobile in the international trade, and therefore labor-rich countries had a comparative advantage in manufacturing and trading the labor-intensive products. After the Versailles Treaty in 1919, ILO has been established and developed the Principles of Rights at Work in 1998, which was the first step to protection of labor rights [3]. In the Declaration of Fundamental middle of the 20th Century, industrialized countries with the Labor deficiency started inviting the workers from less developed countries. This approach opened the migration of the workers from less developed and developing countries to industrialized countries. Although the Migration stem from the economic, political, social and cultural reasons from the archaic centuries, today's migration based on similar reasons creates positive impacts on the economic development and international trade. The immigrants earn higher wages with the new jobs at the host countries, even they develop further investment projects in the host countries and the original countries. With the help of Migration both countries' people reach up to a higher level of welfare, and the Balance of Payment deficits of both countries are being improved. The impact of migration is not only economic, but also world peace and friendship among the peoples are being improved, too.

Key words: migration, immigrants, migrants, migrant remittances, international trade, economic development, balance of payments, production factors.

Hypothesis

Hypothesis 0 is to be rejected, if the Hypothesis1 is accepted with the information showing

a) that the recipient countries are benefiting from migration for solving their labor-deficiency problems, increasing their production efficiency, becoming competitive in the international markets;

b) that the origin countries are benefiting from the receipt of migrant-disbursements to their families, which help to solve the countries' balance of payments deficits, improving the economic conditions of families and of the countries, and also helping the social and cultural improvement in the country.

H0: Migration is not beneficial for the sending-migrant countries and for the receiving-migrant countries in social, economic, industrial and cultural aspects.

H1: Migration is useful and beneficial for the sending-migrant countries and for the receiving-migrant countries in social, economic, industrial and cultural aspects.

Introduction

According to International Trade Theory, production factors are being studied as follows, land, labor, capital.

Among these three factors, capital which is depicted as monetary capital and physical capital (production equipments), was considered mobile across borders of countries. However, for centuries, land and labor have been considered immobile across borders. Naturally, land can not be moved from one country to another. Also labor was considered immobile for centuries that it can not be moved from one country to another; so abundancy in labor has been considered as one of the important features of the comparative advantage of the relevant country among the theoretician of international trade. This approach kept the less developed countries with large population throughout the centuries; and after the World War II the industrialized countries started demanding the labor from less developed and developing countries.

The Treaty of Versailles in 1919 established the International Labour Organization (ILO). In 1998, the ILO adopted the Declaration of Fundamental Principles and Rights at Work providing that all members have an obligation to respect and promote certain core labour standards (CLS):

- (1) freedom of association and the right to engage in collective bargaining;
- (2) the elimination of forced labour;
- (3) the elimination of child labour; and
- (4) the elimination of discrimination in employment [9].

These fundamental principles were accepted and respected especially for organized labor. However, we have to consider the same principles and human rights should apply to the workers immigrated from poorer countries to industrialized countries because of economic, political, social and cultural reasons.

In time, because of the migration and by the demand from industrialized countries, labor factor became internationally mobile, too. The workers who are not happy with the conditions of their own country, either having no work or not sufficient wages for their living costs, left their own country with the hope of better living conditions to the industrialized countries which do not have enough labor.

With a comparison of the hourly wages among countries at Table.1, we easily understand why the migration is so drastic; — the huge difference of hourly wages between countries, while the hourly wage is \$60,40 in Switzerland, less developed countries could only offer wages between \$0,37–\$0,73 as the above statistical data show.

Table 1

Labor Costs around the Globe (2011)

Country	Average Hourly Cost (\$)	Country	Average Hourly Cost (\$)
Switzerland	60.40	Belgium	54.77
Sweden	49.12	Germany	47.38
Australia	46.29	France	42.12
Canada	36.56	Italy	36.17
Japan	35.71	United States	35.53
U. Kingdom	30.77	Spain	28.44
Singapore	22.60	Israel	21.42
Korea	18.91	Brazil	11.65
Taiwan	9.34	Mexico	6.48
Philippines	2.01	China	1.64
India	1.45	Indonesia	1.15
Vietnam	0.73	Bangladesh	0.37

Note: The data for China, India, Indonesia, Vietnam, and Bangladesh are for 2012 [8].

Not only from Bangladesh or Vietnam, and not only in 2000s, labor moved from all countries to others with the hope of better living conditions and with higher wages in all time. As 2006 and 2007 figures listed in the Tables 2, 3 and 4 show, we see that large numbers of immigrants left their countries for various reasons.

Certainly economic reasons keep the first line, but the reasons of immigration would be having social, political, professional, ethnic and cultural basis and also by invitations from other countries.

Whatever the reason is for the immigrant to leave his/her country, migration has important impacts on the world economic development and international trade. As the international trade improves the welfare of the world population (by the export and import; movement of goods and services through borders), migration has positive impacts on the economic, social, political, cultural and professional life of the world population.

– As seen on the Table 7, labor migrants would earn more wages in the new working environment after migration than in their country of origin;

– professional immigrants would earn more wages and experience with their new work;

– these movements from one country to another improve political, social and cultural relations between those countries;

– by having immigrants, host countries would solve the problem of labor necessity for the production and services, and improve the infrastructure, solve the structural problems of the country;

– by the help of guest workers (immigrants) manufacturing facilities would work efficiently and at lower costs, and the industrial host countries would improve their competitive ranking in the international markets;

– millions of immigrants send some of their earnings (even sometimes most of their earnings) to their own country, for helping their relatives, and for helping their country's balance of payments deficit decrease, Table.5 shows the remittances sent by the emigrants to their countries reached half a trillion US-dollars in 2014.

According to the Table6, many developing countries earn from emigrant workers remittances more than from their annual product export.

World Bank's Dilip Ratha, who addressed the links between migration and inclusive economic growth from a variety of perspectives, including remittances, and the need to reduce the costs of labour migration. Mr Ratha recalled that official remittance flows totaled \$404 billion in 2013, which means they are currently four times higher than official development aid. Mr Ratha noted that whilst approximately 70 % of remittance transfers were used for consumption, this could drive growth by fuelling consumer demand and creating multiplier effects. Remittances also promote financial inclusion by providing an incentive for receivers to join the formal banking sector. More could be done to leverage remittances and productive investment [4].

– Some countries sending immigrants to industrialised countries have been receiving workers remittances which exceed by more than 30 % their export revenues, which help to improve the country's balance of payments.

– Although immigrants would leave their countries for economic reasons and with the aim of earning money from the job in the host countries, in time they would accumulate their earnings to establish a small firm which would be transformed to larger companies, even sometimes to holdings having various investments in the host countries and in their own countries, creating investment projects beneficial for each country.

– Besides, immigrants would gain professional experience from their works, innovative skills, and establish trade and investment possibilities by their savings at work, by bringing their expertise and technology transfer possibilities to their countries of origin, and by trading with their acquaintances and other customers with whom they had established relationships during their stay in the host countries.

– By understanding each other culturally and socially, global partnerships would emerge to increase the economic growth, technological innovation, international trade, investing in clean projects, and diminishing the pollution and carbon-emission.

– The most important impact of immigration is the peaceful approach between countries of sending and receiving immigrants.

– As a summary, immigrants would create international peace and friendship, international trade relationships with business people from all over the world and use this relationship to increase trade and export of their country.

We have many such entrepreneurs in the World:

– Chinese immigrants in the USA invested the major part of the Foreign Direct Investments in China, making China one of the most improved economies of the World.

Similarly, many Turkish entrepreneur who started as *gast-arbeiter* (guest worker) or students in Germany and in other European countries, later developed many successful companies helping European economy getting better off, and also helped Turkish economy and the balance of payments.

Millions of immigrants moved to the USA due to labor deficit, worked at the factories, offices and social work positions, and developed the American Nation.

Almost 1 billion people out of 7,2 billion world population as of March 2012 are migrants. Some of these people are international, but some are internal immigrants.

International Organization of Migration mapped migration from countries to countries for different reasons, but all migrants helped the improvement of world trade and welfare.

Table 2

Main countries of emigration (million emigrants) [1]

RUS	12.1	MEX	10.1
IND	9.1	BGD	6.8
UKR	5.9	CHN	5.8
GBR	4.2	DEU	4.1
KAZ	3.6	PAK	3.4
PHL	3.4	ITA	3.3
TUR	3.0	AFG	2.6
MAR	2.6	UZB	2.3
USA	2.2	EGY	2.2
POL	2.1		

Table 3

Regional distribution of international migrants

2000 migrants Region	% of regional (million)	2005 migrants population	% of regional (million)	population
Oceania	5.0	16.3	5.0	15.2
North America	40.4	12.8	44.5	13.5
Europe	58.2	8.0	64.1	8.8
Asia	50.3	1.4	53.3	1.4
Latin America and the Caribbean	6.3	1.2	6.6	1.2
Africa	16.5	2.0	17.0	1.9

Note: Europe Including former USSR republics [5].

In the mid-1960s, migration began to flow from South to North. In the period 1960–1975, the stock of migrants in industrialized countries in the North was 2 per cent, during 1990–2005, it reached 3 %.

Within the same period, starting after the World War II, industrialized European countries invited unskilled workers from developing countries of the Mediterranean, for making up for the labor deficit. Immigrants only from Turkey reached a number of 3 million workers in the European Countries.

– In 2005, Europe had 64.1 million immigrants within its borders, Asia 53.3 million and North America 44.5 million (table 2).

– In 2005 the World Bank estimated that the number of emigrants from sub-Saharan Africa reached 15.9 million, 63.2 percent of whom have moved to countries within the region.

The number of both source and destination countries has also increased. The International Labour Organization (ILO) found that from 1970 to 1990 the number of countries classified as destinations for labour migrants had increased from 39 to 67, while the sending countries had increased from 29 to 55. However, the majority of international immigrants were still concentrated in a few nations. In 2005, 28 countries accounted for 75 %. Among them, 11 leading industrialized countries accounted for 42 % of international migrants, with the United States receiving 20 %. The main countries of emigration were the Russian Federation, Mexico, India, Bangladesh, Ukraine, China, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Germany, Kazakhstan, Pakistan, the Philippines, Italy and Turkey.

An increasing number of people are moving between developing countries or internally. South-South migration is nearly as large as South-North migration. Approximately 74 million or nearly half the migrants from developing countries reside in other developing countries. Intraregional and domestic migration in developing countries is often far more important than overseas migration in terms of the number of people involved, especially from rural areas. Almost 80 % of South-South migration is estimated to take place between countries with contiguous borders, and most appears to occur between countries with relatively small differences in income. Since benefits tend to be lower and risk of exploitation greater, interregional migration in developing areas is likely to have developed as the only option for people affected by deep poverty, internal conflicts or natural disasters.

South-South flows also involve migrant labour admitted on a temporary basis by rich developing countries experiencing labour shortages, such as the oil-rich countries of the Near East or the newly industrializing economies of South-East Asia.

Although it is impossible to obtain completely reliable figures related to illegal migration, all indications assert that it is on the rise. A rough estimate of the share of unauthorized immigrants in the world's immigrant stock places it at 15–20 % of the total, suggesting 30–40 million immigrants. The United States has the largest number of undocumented immigrants – 10–11 million or 30 per cent of its total foreign born population. In Europe, undocumented immigrants are estimated at 7–8 million, although the number fluctuates in accordance with regularization programmes [2].

Table 4

International migrant stock from 1965 to 2005

World migrant stock			
Year	(million people)	Year	(million people)
1965	78	1990	155
1970	81	1995	165
1975	87	2000	177
1980	99	2005	191[5]
1985	111		

Table 5

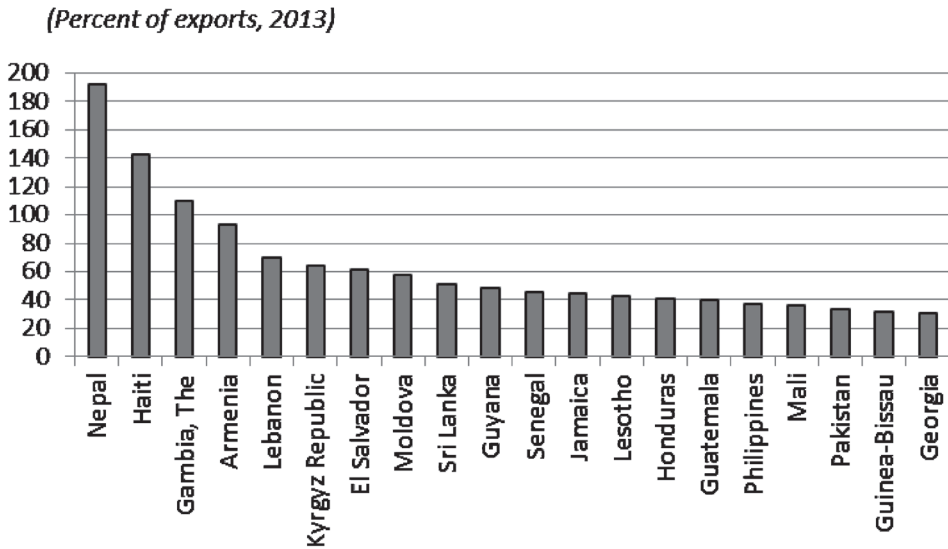
Estimates and projections for remittance flows to developing countries [7]

	2010	2011	2012	2013e	2014f	2015f	2016f
\$ Billions							
All developing countries	333	373	392	404	436	473	516
East Asia and Pacific	95	107	107	112	123	135	148
Europe and Central Asia	32	38	39	43	45	49	54
Latin America and Caribbean	56	59	60	61	66	73	81
Middle-East and North Africa	40	42	47	46	49	52	55
South Asia	82	96	108	111	118	127	136
Sub-Saharan Africa	29	31	31	32	35	38	41
World	453	507	521	542	581	628	681
Low-income countries	24	28	32	34	37	40	44
Middle-income	310	345	359	371	399	433	472
High income	120	133	130	137	145	155	165
Growth rate, %							
All developing countries	10.3	12.1	4.9	3.3	7.8	8.6	8.9
East Asia and Pacific	20.2	13.0	0.1	4.8	9.0	9.9	10.1
Europe and Central Asia	-0.8	17.0	2.7	10.0	6.7	8.4	9.4
Latin America and Caribbean	1.1	5.9	0.9	1.9	9.4	10.4	10.6
Middle-East and North Africa	18.0	6.5	11.8	-2.0	5.6	6.2	6.3
South Asia	9.4	17.7	12.1	2.3	6.6	7.3	7.5
Sub-Saharan Africa	7.0	6.8	0.1	3.5	8.7	9.1	9.4
World	8.7	11.7	2.9	3.9	7.3	8.1	8.4
Low-income countries	10.9	19.3	15.2	4.1	8.6	9.5	9.9
Middle-income	10.3	11.5	4.1	3.2	7.7	8.5	8.9
High income	4.5	10.7	-2.5	5.9	5.7	6.5	6.8

India remains the largest recipient of officially recorded remittances in the world, and received about \$70 billion in remittances in 2013. Other large recipients include China (\$60 billion), the Philippines (\$25 billion), Mexico (\$22 billion), Nigeria (\$21 billion), and Egypt (\$17 billion) (figure 3). Revised estimates suggest that remittances as a share of GDP were 52 % in Tajikistan, 31 % in the Kyrgyz Republic, and 25 % in both Nepal and Moldova. Remittances to many smaller developing countries tend to be equivalent to a larger share of their respective GDP.

Table 6

Remittances are equivalent to more than 30 percent of exports in 20 countries [7]

Regional trends

In all regions of the world remittances growth was generally huge during 2013, with the exception of few countries in the Middle-East and South America, where in some important origin countries remittance inflows fall.

Table 7

Migrant workers earn higher wages in destination countries than in origin countries. (World Bank “Migration and Development Brief” 2014)

Country of origin to destination	share of migrants by destination	Monthly minimum wage differentials between origin and destination	Unemployment rate in country of origin (latest available, percent)
Cambodia to Thailand	71.5	3.6–4.9	0.1
Indonesia to Malaysia	71.6	1.2–3.5	6.3
Myanmar to Thailand	27.4	13.3–18.0	4
Philippines to Saudi Arabia and UAE 1	53.0	1.5–1.2	7.5
Vietnam to Korea	4.7	10.7–16.6	2.2

Remittances to developing countries in the East Asia and the Pacific (EAP) region are estimated to have risen by 4.8 % in 2013 to reach \$112 billion. Thailand, Vietnam, and the Philippines continue to see robust growth. Flows to the region are expected to exceed \$148 billion by 2016. Substantial movement of people continues within the region, driven in large part by persistent disparities in opportunities and incomes. For instance, the minimum wage in Thailand is 13 times higher than in Myanmar. These trends are likely to persist, given the different demographic trajectories of various countries in the region, as well as the continued government efforts to meet skill gaps with workers from neighboring countries. While low-skilled workers account for the majority of migration, the need for high-skilled workers is high [7].

Conclusion

As first conclusion, we should restate that the workers rights, human rights and labor migrant rights should be accepted and respected by all people and countries in the world, as declared by UN which should be followed and protected by the migrant sending and receiving countries:

1) Protect the human rights of all migrants; 2) Reduce the costs of labor migration; 3) Eliminate migrant exploitation, including human trafficking; 4) Address the plight of stranded migrants; 5) Improve public perceptions of migrants; 6) Integrate migration into the development agenda; 7) Strengthen the migration evidence base; 8) Enhance migration partnerships and cooperation.

Secondly, the receipt and origin countries for migration should respect the human rights and workers rights of immigrants, and the international institutions and all countries should understand and be aware of the beneficial results from the migration in social, cultural, economic, industrial and international trade. Due to Migration, all these positive results give rise to improvement in the world economic and social development.

-
1. Development Research Centre on Migration, Globalisation and Poverty (DRC 2007).
  2. Gerber // James International Economics 6th edition, Pearson, 2014
  3. ILO, Declaration of Fundamental Principles and Rights at Work, 1998.
  4. Report 1 of the European Commission Roundtable on 'Integrating Migration into Development Strategies and into the Post-2015 Agenda' Organised by the European Commission's DG for Development and Cooperation – EuropeAid, in cooperation with B&S Europe, Brussels, July 1–2 2014.
  5. UN High Level Dialog Group for Migration, "Making migration work: an eight-point agenda for action", 2013.
  6. U. S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, 2011.
  7. World Bank, Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook, April 11, 2014.

Г. Кески

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ЭКОНОМИКУ И МЕЖДУНАРОДНУЮ ТОРГОВЛЮ

Рабочая сила (трудовой ресурс) является одним из факторов производства как в экономической теории, так и в теории международной торговли. Для теоретиков международной торговли трудовой ресурс (рабочая сила) долгое время считался немобильным, и поэтому страны, богатые трудовыми ресурсами, имели сравнительные преимущества в сфере производства и торговле. После подписания Версальского договора в 1919 г. была создана Международная организация труда (МОТ), разработавшая Декларацию об основополагающих принципах и правах в сфере труда в 1998 г., что явилось первым шагом к защите трудовых прав работников. В середине XX в. промышленно развитые страны с дефицитом трудовых ресурсов начали приглашать рабочих из менее развитых стран. Так появилась миграция рабочих из менее развитых и развивающихся стран в индустриально развитые страны. Сегодня миграция положительно влияет на экономику и международную торговлю. Иммигранты получают более высокую заработную плату на новых рабочих местах в принимающих странах; они могут развивать инвестиционные проекты как в принимающих странах, так и в странах исхода. С помощью миграции люди достигают более высокого уровня благосостояния. Влияние миграции положительно сказывается не только на экономической сфере, но и на укреплении мира во всем мире и дружбе среди людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миграция, переселенцы, мигранты, денежные переводы мигрантов, международная торговля, экономическое развитие, платежный баланс, факторы производства.

С точки зрения теории международной торговли к производственным факторам относятся земля, труд (рабочая сила), капитал. Среди этих трех факторов капитал, существующий в виде денежного и физического капитала, рассматривался как мобильный. На протяжении столетий земля и рабочая сила считались немобильными факторами, а менее развитые страны — странами, имеющими большую численность населения и немобильный трудовой потенциал.

Сравнение почасовой заработной платы работников в разных странах позволяет легко понять причину миграции людей из менее развитых в более развитые в индустриальном отношении страны. Так, почасовая заработная плата в Швейцарии составляет 60,4 доллара, в то время как менее развитые страны могут предложить 0,37–0,73 доллара в час. Ведущей причиной миграции является экономическая. Помимо экономической причинами миграции могут стать приглашения родственников, коллег, а также политические, этнические и пр. Независимо от причины переезда мигрантов миграция имеет важные последствия для развития мировой экономики и международной торговли.

Исследование показало, что:

- уровень заплаты трудовых мигрантов выше в новой рабочей среде, чем в стране исхода;
- профессиональные мигранты с приобретением опыта имеют бóльшую зарплату, чем они имели в стране исхода;

— перемещение мигрантов из одной страны в другую улучшает политические, социальные и культурные отношения между этими странами;

— с помощью иммигрантов принимающие страны решают проблему рабочей силы для производства и сферы услуг, улучшают инфраструктуру и пр.;

— при помощи гастарбайтеров производство работает более эффективно и с меньшими затратами, а принимающие страны повышают свою конкурентоспособность и рейтинг на международных рынках;

— миллионы иммигрантов отправляют часть заработка (иногда даже большую часть доходов) из принимающей страны в их собственные страны, помогая своим родственникам улучшить жизненные условия и экономику своей страны. Денежные переводы, отправленные эмигрантами в свои страны в 2014 г., достигли полтриллиона долларов США. Данные статистики говорят о том, что для многих развивающихся стран денежные переводы, отсылаемые работниками из-за рубежа, оказываются больше годового объема экспорта этих стран.

В целом иммигранты способствуют укреплению мира и дружбы в мире, международных торговых отношений, увеличению торговли и экспорта своей страны. Подобных примеров достаточно много. Так, китайские иммигранты в США сделали большинство прямых инвестиций в экономику Китая, в результате чего Китай стал одной из самых мощных экономик мира. Аналогично многие турецкие предприниматели, которые начинали как гастарбайтеры или студенты в Германии и других европейских странах, позже создали достаточно много успешных компаний, помогая как европейской экономике, так и турецкой становиться лучше.

На 1 марта 2012 г. почти 1 млрд человек из 7,2 млрд населения мира являлись мигрантами. Часть из них являются международными, а часть — внутренними переселенцами.

В середине 1960-х гг. поток мигрантов шел с юга на север. Только из Турции эмигрировало 3 млн работников в европейские страны.

В 2005 г. в Европе было 64,1 млн иммигрантов, в Азии — 53,3 млн и в Северной Америке — 44,5 млн человек. В этом же году, по оценкам Всемирного банка, число эмигрантов из Африки достигло 15,9 млн человек, 63,2 % из них переехали из страны в страну внутри региона. Количество принимающих стран и стран исхода также увеличилось. Тем не менее большинство международных иммигрантов по-прежнему сосредоточено в нескольких странах. В 2005 г. на 28 стран приходилось 75,0 % мигрантов. Так, на 11 ведущих промышленно развитых стран приходилось 42,0 % международных мигрантов, на США — 20,0 %. Основными странами эмиграции являлись Российская Федерация, Мексика, Индия, Бангладеш, Украина, Китай, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Германия, Казахстан, Пакистан, Филиппины, Италия и Турция.

Все большее число людей перемещаются сегодня между развивающимися странами или внутри них. Миграция «Юг — Юг» столь же существенна, как и миграция «Север — Юг». Примерно 74 млн человек, или почти половина мигрантов из развивающихся стран, проживают в других развивающихся странах. Исследование показало, что около 80,0 % мигрантов «Юг — Юг» — это миграция между странами с сопредельными границами и странами с относительно

небольшими различиями в доходах населения. Миграционный поток «Юг — Юг» также включает трудовых мигрантов из богатых развивающихся стран, испытывающих нехватку рабочей силы, таких, как богатые нефтью страны Ближнего Востока или новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии.

В современном мире возрастает поток нелегальной миграции. Приблизительная доля нелегальных мигрантов — 15–20,0 % от общего числа мигрантов в мире и составляет 30–40 млн человек. Соединенные Штаты имеют наибольшее число нелегальных мигрантов — 10–11 млн, или 30,0 % от общего объема населения, родившегося за пределами страны. В Европе количество нелегалов оценивается в 7–8 млн человек. Можно сделать вывод о том, что эта тенденция сохранится в ближайшем будущем.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2015 г.

УДК 331.55 + 316.42 + 314.7 + 444

Л. Г. Титаренко

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РАМКАХ «МОБИЛЬНОГО ПОВОРОТА»

«Мобильный поворот» и новая парадигма мобильности, созданные в социологии в начале текущего века, создают новую теоретическую рамку для рассмотрения процессов постсоветской трудовой мобильности. В статье проблемы трудовой миграции рассматриваются с фокусом на процессах, проходящих между Беларусью и Россией. Особое внимание уделяется социальной политике в области миграции в этих странах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: трудовая миграция, «мобильный поворот» в социологии, Россия, Беларусь, постсоветское пространство.

Сегодня в мировой социологии общепризнанным является факт, что современный мир вступил в эпоху глобальной мобильности. Мобильность всегда имела место в истории в самых разных формах, но в середине и особенно в конце XX в. миграция приняла невиданные прежде масштабы. В XXI в. рост миграции только усилился. По оценкам ООН, численность международных мигрантов (уроженцев других стран) к 2010 г. достигла 214 млн человек (+58 млн по сравнению с 1990 г., или 3,1 % населения мира). Только 2015 г. прибавил к этой цифре не менее миллиона мигрантов, прибывших в Европу из Сирии и других «горячих» регионов. Произошла концентрация основных миграционных потоков, их целью стало ограниченное число государств. На десять стран с наибольшим числом международных мигрантов приходится 52 % их общей численности. Первое место занимают США: 21 % мигрантов (42,8 млн человек). За США со значительным отрывом идет Россия (12,3 млн), третье место занимает Германия (10,8 млн), однако именно в ней число мигрантов быстро растет в последнее время. Далее идут Саудовская Аравия (7,3 млн человек), Канада (7,2 млн), Франция (6,7 млн),

Великобритания (6,5 млн), Испания (6,4 млн), Индия (5,4 млн). Значительная часть этих мигрантов — нелегалы (по некоторым данным, до 4 млн человек в год).

Не случайно для осмысления глобальной мобильности в начале XXI в. британский социолог Джон Урри предложил новую социологическую парадигму мобильности, которая получила широкую известность в мире. Эта парадигма оперирует не только категориями мобильности, пространства и времени, но и претендует на новое понимание всей социологии. Урри заявил: «Мною предлагается и дается систематическая разработка того, что я называю новой парадигмой мобильностей, призванной преобразовать характер адекватного анализа в социальной науке» [8, 73]. В процессе разработки парадигмы мобильностей Урри выдвинул и развил идею трех взаимосвязанных «поворотов» в современной социологии: *сложности, мобильности и ресурсности*, главным из которых является «мобильный поворот». Этой проблематике посвящены основные работы Урри: «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века» [Там же], «Мобильности» [9].

Британский социолог исходит из того, что мы живем в глобальную эпоху, или эпоху «текучей современности» и турбулентности, которая требует пересмотра всех основных понятий социологии, включая понятия общества и социального. Сегодня, когда все физические и виртуальные границы стали гибкими и проницаемыми, а национальные общества теряют свою былую власть, исчезли перегородки и между научными дисциплинами. Требуются новые теории и исследовательские методы. Весь мир пришел в состояние постоянного движения, трансформации, вследствие чего «социальное как общество» превращается в «социальное как мобильность». Поэтому понятие социального не сможет в будущем оставаться основой социологического анализа. Оно требует замены на более адекватные понятия.

На этом основании Урри назвал нынешнюю эпоху постсоциальной; это означает, что на место общества приходят *глобальные сети и потоки*. Он пишет по этому поводу: «Я собираюсь предложить манифест социологии, изучающей различные виды мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов, а также сложные взаимосвязи между ними и социальные последствия этих разных типов мобильности» [8, 9]. Таким образом, новым предметом социологии становятся *потоки* (людей, товаров, идей, информации) и их сложные *пересечения* и взаимосвязи. Категория «поток» ставится в центр внимания Урри и заменяет прежние основные понятия социологии — «структура» и «сообщество». Понятие мобильности используется как синоним понятия «потоки»: оба относятся к физическим и виртуальным перемещениям не только людей, но и объектов, образов, денег, отходов и т. п. Отсюда и название парадигмы — парадигма мобильностей.

В своих работах Урри показывает, как новые виды мобильности вовлекают огромное число различных технологий и физических объектов, влияют на восприятие людьми пространства и времени, становятся центральным элементом социологии: «Мобильности, пересекающие социетальные границы так, что само их проникновение образует неожиданные пространственно-временные паттерны, создают возможность новой большой повестки для социологии. Это повестка мобильности» [Там же, 11]. Мобильность становится главной проблемой меняющейся

социологии, занимает в ней центральное место. Для изучения мобильности Урри предлагает использовать междисциплинарный подход.

Категория мобильности анализируется Урри в различных вариантах, имеющих непосредственную связь с повседневностью (географические передвижения, туризм, смена места проживания и гражданства, виртуальные путешествия во времени и др.). Мобильность становится проблемой исследования на стыке социологической теории и повседневных человеческих практик, что и потребовало от автора привлечения знаний из других научных дисциплин (географии, экономики, политической науки) и современных технологий. Большинство рассматриваемых Дж. Урри видов мобильности относятся к горизонтальной, а не вертикальной мобильности, и в этом — отличие его подхода от подхода социологов, исследующих традиционные проблемы социальной мобильности. Изучая пересекающиеся горизонтальные мобильности, социология становится «постдисциплинарной» наукой, привлекающей знания из разных дисциплин и организованной «вокруг сетей, мобильности и горизонтальной текучести» [8, 13].

Урри назвал мобильность центральной проблемой современности и выделил ее главные характеристики: глобальность, турбулентность, текучесть. Ученый провозгласил поворот к синтезу знаний из многих наук в рамках новой парадигмы, которая, по его мнению, должна соответствовать качественно новой социальной реальности и предлагать новые инструменты и формы для ее теоретического осмысления. Таким образом, «мобильный поворот» знаменует новый тип мышления, ориентированный на процесс движения и описывающий многообразные перемещения в разных сферах и пространственно-временных координатах.

Отвечая на вопрос, почему новая социологическая парадигма должна изучать многообразные пересекающиеся горизонтальные мобильности, Урри утверждает, что, во-первых, социология лучше других социальных наук способна на постдисциплинарную перестройку, поскольку она меньше подвержена дискурсивной нормализации. Другие науки преуменьшают роль мобильности, перемещений в жизни людей, не «замечают» их, игнорируют изучение инфраструктуры повседневной жизни. Во-вторых, потому что именно социология организована вокруг сетей и поэтому может разработать новую повестку для своих исследований. Именно социология может изучать мир сетей и потоков, в котором мобильности не ограничены территорией национальных государств и не заданы локальными физическими расстояниями. Люди и объекты соединяются в немислимые прежде сети, наличие которых позволяет людям накапливать сетевой капитал. Последний включает реальные и потенциальные связи и взаимодействия людей и вещей, которые пространственно удалены, но становятся доступными благодаря новым технологиям (мобильный телефон, автомобиль, айфон). Люди должны постоянно поддерживать свой сетевой капитал через виртуальные и реальные встречи с другими людьми, чем и заполнена их социальная жизнь [9, 360].

Итак, мобильность — центральная черта современности. Ее нельзя не принимать в расчет, пытаться ее уничтожить. Чтобы хоть как-то быть в состоянии влиять на мобильность, ее следует изучать именно в рамках новой парадигмы мобильности. Урри считает, что все формы общественной жизни включают непривычные сочетания близости и удаленности, требующие изучения пересекающихся форм

физической, предметной, воображаемой и виртуальной мобильности, связывающей сегодня людей потребностями, желаниями и обязательствами независимо от расстояний. Перемещения становятся необходимым компонентом поддержания различных социальных связей, причем в ряде случаев материальные перемещения соответствуют богатой жизни общества с плотной сетевой структурой. Все люди становятся странниками, *номадами*, и чем больше они вписываются в современное общество, тем более это очевидно. Право на мобильность Урри называет *главной новой ценностью* и неотъемлемым правом личности в глобальном сообществе. А неравенство мобильностей — один из новых видов социального неравенства.

В этих концептуальных рамках мобильность не рассматривается как «зло» или «добро». Ее нельзя запретить и полностью поставить под контроль, однако можно переосмыслить ее природу в новых условиях и действовать соответственно тем возможностям, которые она предоставляет. В связи с этим парадигма Урри приложима и к процессам трудовой мобильности на постсоветском пространстве. В настоящее время изучение мобильности, как правило, осуществляется здесь на эмпирическом или региональном уровне либо на уровне социальной политики, что очень важно, но недостаточно. Новая парадигма должна получить более активное использование.

Проблема миграции в России — одна из самых актуальных в российской социальной политике, она чрезвычайно популярна среди социологов, демографов, этнографов. В результате массовых миграционных процессов за постсоветский период в ряде городов и регионов России в корне изменилась демографическая, этническая ситуация. Поскольку миграция тесно связана с проблемой социальной безопасности страны, в случае выхода из-под контроля она может привести к этническим конфликтам и росту социальной напряженности.

Россия не только стала частью общемировых миграционных процессов, но и заняла в этих процессах весьма заметное место. Как утверждал в 2007 г. глава ФМС К. Ромодановский, Россия была европейским лидером по числу мигрантов: на ее долю приходилось 48 % всех прибывающих на заработки в Европу людей. Сколько точно было в России мигрантов на конкретный момент времени, не может определить ни один эксперт, так как статистика фиксирует только тех, кто зарегистрирован (либо просрочил сроки пребывания и т. п.). В 2014 г., по некоторым данным, в России было 3–5 млн нелегальных трудовых мигрантов, что превышало официальное количество легальных иностранных работников минимум в 2 раза.

Под термином «трудовая миграция» здесь понимаются перемещения людей между странами в поиске (временной) занятости в другом государстве. Термин «трудовые мигранты» применяется к лицам, периодически выезжающим или же выехавшим в другое государство на определенный срок с целью устроиться там на работу. Тем не менее довольно сложно бывает разграничить временную трудовую миграцию и постоянную миграцию: иногда первая перерастает во вторую. В любом случае к временной трудовой миграции относят выезд как на 2–3 месяца, так и на несколько лет, если мигрант посещает страну своего происхождения и сохраняет в ней гражданство. В ряде случаев в качестве временных трудовых мигрантов рассматривают лишь тех, кто выехал менее чем на 1 год. Поэтому разницей в цифрах большой.

Во фрейме парадигмы Урри ситуация в России ничем особо не отличается от других стран. Тем не менее на региональном уровне имеются специфические проблемы, связанные с миграцией и требующие конкретного решения. Остановимся на проблеме белорусской трудовой миграции в Россию. По разным подсчетам, на долю России приходится более 80 % всех трудовых мигрантов из Беларуси, на СНГ в целом — около 90 % (остальные 10 % — на страны Евросоюза).

Конечно, соотношение миграционных проблем России и Беларуси просто несоизмеримо: по разным оценкам, в разные годы в России эксперты насчитывали до 10–12 млн трудовых мигрантов. Со слов Ромодановского, в 2007 г. в РФ находилось примерно 14,5 млн мигрантов, из них 7 млн — нелегальных. Россия являлась самой притягательной страной СНГ для трудовых мигрантов. Лишь в последние год-два число мигрантов в Россию снизилось в связи с экономическим кризисом и ликвидацией многих рабочих мест. Сколько россиян выехало из России (включая трудовых мигрантов), точно неизвестно, хотя это тоже, видимо, немалая цифра.

Что касается Беларуси, официальная постсоветская статистика отлично маскировала проблему миграции на протяжении десятилетий. По данным официальной статистики, число трудовых мигрантов всегда было ничтожно мало — несколько тысяч человек, причем число въехавших в Беларусь долгие годы превышало (хотя и незначительно) число выехавших из страны, даже с учетом демографического спада и сокращения населения Беларуси за постсоветское время с 10,5 до 9,48 млн человек. По официальным данным, в XXI в. эмиграционный поток из Республики Беларусь сократился: если в 1994 г. выехало 56,5 тыс. человек, то в 2013 г. — только 7,8 тыс. Количество прибывающих мигрантов было практически постоянным: так, в 2002 г. оно составило 18,9 тыс. человек, а в 2013 г. — 19,4 тыс. За 2002–2013 гг. суммарное положительное сальдо миграции населения Республики Беларусь равнялось 86,7 тыс. человек.

Ситуация изменилась в связи с российско-украинскими событиями 2014–2015 гг. За это время в Беларусь въехало около 60 тыс. граждан Украины, только за январь–март 2015 г. их число составило более 2,5 тыс. человек, из них менее 1 тыс. попросили статус беженца, остальные трудоустроились сами. Начиная с 2013 г. именно въездная миграция компенсировала естественные потери населения Беларуси. Но если в 2013 г. почти половина из 15 тыс. въехавших были из России, то в 2014 г. большинство составили граждане Украины.

Однако оценка реальных размеров трудовой миграции белорусов (особенно в Россию) по официальной статистике сходна с измерением айсберга по его вершущке: статистикой фиксировалась лишь небольшая ее часть. Большинство гастарбайтеров уезжало, не выписываясь из мест своего постоянного проживания, т. е. они числились дома, однако в число занятого населения Беларуси не включалось. Сначала журналисты, а потом и ученые выявили расхождения между справочной численностью населения Беларуси, величиной трудоспособного населения (5,5 млн человек) и числом занятых в народном хозяйстве (4,5 млн человек). Где еще почти 1 млн человек? Грубо говоря, это и есть потенциал трудовой миграции, хотя число реальных трудовых мигрантов подсчитать невозможно, тем более что большинство этих мигрантов — временные.

Для борьбы с нелегальной миграцией в апреле 2015 г. в Беларуси был издан Указ об уплате налогов так называемыми «тунеядцами» (такими налоговая служба официально признала около 400 тыс. человек). Тем самым было обозначено число незарегистрированных трудовых мигрантов, которое выглядит достоверным: по данным Департамента по гражданству и миграции МВД РБ, основанным на выборочных обследованиях домашних хозяйств, число белорусов, находящихся за пределами страны и занятых там трудовой деятельностью, составляет 300 тыс. человек в год. Эта цифра подтверждается данными российских миграционных служб: в 2013 г. численность белорусских трудовых мигрантов в России оценивалась в пределах от 100 до 300 тыс. человек [5].

При анализе миграции белорусов был выделен ряд характеристик.

1) Это высококвалифицированная миграция, которая связана не с бедностью или безработицей, а с более широкими возможностями, которые открывает миграция в Россию (не говоря о дальнем зарубежье, куда все, кто мог, выехали в 1990-е гг.). По этой же причине в 2000-е гг. имела место временная или циркуляционная интеллектуальная миграция из России в страны СНГ. Однако, по мнению В. Воронкова, все мигранты в России становятся маргинальной группой, их эксплуатируют, а права ущемляют [4].

2) Миграция женщин, выросшая в XXI в., характеризуется высоким уровнем образования, молодым возрастом (до 40 лет), переездом в ЕС не только для работы, но и для замужества. Эксперты полагают, что эта группа женщин, имеющая высшее образование (а в РБ среди работающих женщин его имеют 55 %, среди мужчин — только 37 %), испытывает высокую неудовлетворенность своим социально-экономическим положением. Однако статистически эта группа мала и составляет менее 10 % мигрантов. Рост спроса на женский труд в сфере обслуживания вызван старением населения в целом и повышением уровня жизни в странах назначения, включая Россию. По тем же причинам есть спрос на трудовых мигранток из СНГ в Евросоюзе. Сами женщины рассматривают миграцию как выражение своей свободы делать то, что они сами хотят. Такая оценка адекватно отражает новую глобальную ситуацию и соответствует парадигме Урри.

3) Активная трудовая миграция белорусов именно в Россию связана с официальным статусом двух стран — Беларуси и России. Условиями, способствующими перемещению и трудоустройству белорусов в России, стало образование в 1996–1997 гг. Союза Беларуси и России, упростившего трудоустройство граждан в любой из стран, а позднее еще и Таможенный союз (с этого времени в Казахстане тоже стало возможным трудоустройство на тех же основаниях). Либерализация миграционного режима внутри этих стран способствует росту миграционного потока белорусов в Россию. В целом на долю России и Казахстана приходилось около 85 % миграции (соответственно и миграция в Беларусь из этих стран была наибольшей, хотя она чаще отражала семейные связи, «возврат на историческую родину» либо приезд на учебу). С созданием в 2014 г. Евразийского экономического союза произошла дальнейшая либерализация трудовых перемещений.

4) Ввиду того что Беларусь граничит с тремя странами ЕС, имеет место трудовая миграция в эти страны (Польшу, Литву и Латвию). Белорусские мигранты

часто нелегально (без регистрации) уезжают из Беларуси, из них две трети трудоустраиваются в этих странах легально, получая вид на жительство, а одну треть составляет нелегальная трудовая миграция. Эти мигранты часто числятся где-то на работе в Беларуси или устраиваются на любую работу на короткий срок, приезжая домой в отпуск.

5) Вместе взятая, внешняя миграция из Беларуси в разные годы составляла от 100 до 500 тыс. человек.

6) Общей тенденцией белорусской миграции в Россию является концентрация большинства мигрантов лишь в нескольких основных секторах экономики, где не хотят работать россияне. Мужчины в основном заняты в строительстве, добыче и обработке полезных ископаемых, ремонте автомобилей и бытовой техники, жилищных коммуникаций, в бытовых службах и сельском хозяйстве. Женщины заняты более или менее квалифицированным временным трудом: офисные работники, учителя, врачи, домашние управительницы. Белоруски редко заняты на подсобных работах, в торговле, отелях и ресторанах, сельском хозяйстве.

7) Миграционные настроения преобладают в Беларуси среди студентов (22 %), строителей и промышленных рабочих (18 %), служащих (14 %) [1, 135]. Мотивами называют не только желание заработать (54 %), но и желание посмотреть мир, просто пожить за границей (65 %) [Там же, 136]. В последние годы важная причина выезда на ПМЖ — отсутствие возможностей самореализации (40 %). Иерархия привлекательных стран выезда на ПМЖ — Россия, Германия, США.

8) Белорусская миграция в Россию часто имеет циркуляционный, или маятниковый, характер, что выгодно России, так как позволяет не вкладывать средства в социальное обеспечение мигрантов, ибо семьи мигрантов остаются в стране-доноре. Нет и проблемы интеграции мигрантов: они уезжают домой, и их не надо вовлекать в жизнь страны-реципиента.

Остановимся на одной общей проблеме миграции для России и Беларуси — «утечке мозгов». Для России она драматична. По мнению С. Рязанцева, несколько десятков тысяч ученых, покинувших Россию, — это ее цвет, поэтому их отъезд — огромная потеря для интеллектуального потенциала страны [6, 24]. Подсчитано, что только с 1989 по 2004 г. из России уехало порядка 25 тыс. ученых, а 30 тыс. работают за рубежом по временным контрактам... Это наиболее востребованные ученые, находящиеся в продуктивном научном возрасте. Сегодня число занятых в науке в России составляет порядка 40 % от уровня 1990-х гг. [7]. По экспертным оценкам, в 1990-е гг. из России выехали 70–80 % ведущих математиков и 50 % ведущих физиков-теоретиков. С 2002 по 2010 г., по данным Росстата, выехало 665 докторов и кандидатов наук. Часть уехала на ПМЖ, другие по контракту, но возвращаться они тоже не собираются. Основные принимающие страны — Германия, Израиль, США. В целом, по данным прессы, из России могло выехать до 1,5 млн ученых [6, 29]. «Выталкивающие» факторы «утечки мозгов» — не только зарплата, но и материальные условия исследований, условия труда, образ жизни, обеспеченное будущее. Судя по данным опросов, менее половины российских ученых не имеют миграционных настроений [Там же, 34]. Вернуть тех, кто уехал, чрезвычайно трудно, а потерять новых ученых легко: существует много каналов эмиграции для разных категорий ученых.

Ситуация в Беларуси не столь драматична лишь потому, что в стране меньше ученых, которые представляют мировой уровень. Но тенденция та же. Общая численность ученых в стране за 1991–2012 гг. сократилась в 1,6 раза [2, 310], особенно за счет кандидатов и докторов наук. В результате идет старение ученых: в 2012 г., по данным М. Артюхина, 70 % исследователей были старше 60 лет. Среди аспирантов, по данным опросов, более половины хотели бы выехать на Запад временно или постоянно. Даже Россия остается для них более привлекательной, чем собственная страна.

В целом в миграции между Россией и Беларусью выделяют и позитивные, и негативные аспекты. Главное положительное следствие трудовой миграции для Беларуси состоит во временном улучшении ситуации на внутреннем рынке труда, так как отток рабочей силы приводит к минимизации безработицы. Заработки мигрантов также положительно воздействуют на развитие внутреннего рынка товаров в Беларуси, рост личного строительства в стране. В России белорусские трудовые мигранты помогают восполнить существующий недостаток в рабочих руках и тем самым финансировать схемы выплаты пенсий россиянам из текущих доходов. Значительное культурное, языковое сходство и близость населения двух стран снимают всякие барьеры в коммуникации как с работодателем, так и с населением. Поэтому белорусские мигранты незаметны: они внешне и по манерам поведения, привычкам не отличаются от россиян. Более того, по качеству подготовки и уровню образования мигранты из Беларуси значительно превосходят мигрантов из других стран СНГ: это квалифицированные строители, специалисты по нефтедобыче, а также (хотя и меньше) врачи, ученые, IT-специалисты.

И все же денежный поток от мигрантов, зафиксированный официально (денежные переводы), всегда был несопоставимым с подобными потоками из России в Украину, Молдову, Среднюю Азию. Поскольку часть белорусских мигрантов (особенно сезонных) оставались нелегалами, их труд не пополнял российскую казну через налоги и другие отчисления. Те мигранты, которым удавалось хорошо устроиться, нередко принимали решение об окончательном переселении в Россию, что приводило и приводит к ухудшению демографической ситуации в Беларуси. Следствием оттока белорусских трудоспособных граждан, не сбалансированного притоком граждан из других стран, стали процессы ускорения старения населения Беларуси и изменения половозрастной структуры населения. Эти явления опасны для стареющего белорусского общества.

Почему до настоящего времени не удается урегулировать процессы миграции в Беларуси и России? Одной из причин неудач в регулировании миграции в России специалисты в этой сфере считают разницей в применяемых режимах миграционной политики. Главными такими режимами являются либеральный и ограничительный. Первый режим резко упрощает легальное трудоустройство, поскольку открывает прямой доступ в страну всем потенциальным трудовым мигрантам (в данном случае речь идет о трудовых мигрантах из СНГ). Второй режим, напротив, применяет жесткие правила трудоустройства для трудовых мигрантов, предполагает многоуровневую легализацию труда мигрантов, пытается максимально защитить национальный рынок труда.

Оба режима в разные времена применялись в зарубежных странах. Оба приносили результаты. Так, либеральный режим в странах Западной Европы после Второй мировой войны помог решить проблему обеспечения притока рабочих рук за счет мигрантов из Турции, Северной Африки, Азии. Но когда эта проблема была окончательно решена, возникли проблемы с национальными диаспорами в странах ЕС, и ряд стран перешли на ограничительный режим. В отношении третьих стран и сегодня в Евросоюзе есть жесткие ограничения относительно трудовой миграции.

Что касается России, здесь в целом действует смешанный тип миграционного режима: для граждан СНГ нет виз, границы открыты. Однако при трудоустройстве мигрантов законодательство ставит множество преград перед иностранными работниками, стимулируя вольно или невольно их дискриминацию и чрезмерную эксплуатацию, нарушения прав человека, а также легальные и нелегальные изъятия денег полицией и миграционными службами. Все это чрезвычайно усложняет жизнь мигрантов и толкает их на нелегальное трудоустройство. Единственным решением вопроса может стать последовательное применение одного из типов миграционного режима. Однако препятствием этому могут быть некоторые внешнеполитические приоритеты России.

Что касается стран Евразийского экономического сообщества, между ними нужен полностью либеральный режим, но на практике пока существуют многие изъятия из либеральных правил. Если гражданам внутри сообщества будут созданы либеральные условия для трудовой миграции, это станет хорошим стимулом для вступления в данное сообщество других стран, которые еще окончательно не приняли такого решения. В то же время, как показывает мировая практика, при большом разрыве в экономическом развитии между странами — донором и реципиентом — либерализация миграции не приносит успеха, так как бедность стран-доноров будет вынуждать мигрантов всеми способами искать работу в России. Любые ужесточения режима, введение селективного принципа миграции не дают эффекта в такой ситуации: пока миграция экономически выгодна, люди будут оставаться даже в плохих и нелегальных условиях. Для России ужесточение режима миграции может принести огромные новые финансовые издержки (проверка виз, контроль границы и пр.) и стимулировать новые ухищрения работодателей и мигрантов для обхода этих правил.

Опыт открытых границ Евросоюза показал, что либеральный режим стимулирует возвратную и маятниковую, а не постоянную миграцию, так как, сталкиваясь с трудностями в получении работы по специальности, многие мигранты уезжали домой (пример, поляки из Великобритании). Языковые барьеры тоже скорее выталкивают их назад, чем стимулируют остаться. Заработав денег, многие мигранты возвращаются в страну-донор, а заработанные средства нередко используют для развития своего бизнеса. В любом случае только либеральный режим контроля миграции соответствует идеям «миграционного поворота», описанного в концепции Урри и являющегося, по его мнению, отражением потребностей эпохи.

Беларусь тоже столкнулась с противоречиями выбора миграционного режима. Так, в 2014 г. было объявлено, что все «беженцы войны» из Украины могут найти в Беларуси новый дом и работу. Политический лозунг привел к тому,

что в Беларуси находятся более 60 тыс. граждан Украины, которые нуждаются в жилье, работе, их дети — в школах, садиках и т. п. Украинская миграция в РБ по российским меркам невелика. Но для Беларуси она значима. Для сравнения скажем, что, по официально утвержденным планам миграции на 2011–2015 гг., в Беларусь предполагалось привлечь всего 50 тыс. мигрантов. Реальное переселение шло быстро и стало неожиданным, отсюда и возникли проблемы.

В принципе, Беларусь нуждается в мигрантах из ближнего зарубежья более, чем в мигрантах из других стран. Но в условиях нынешнего кризиса, когда в 2015 г. стала расти безработица, начались сокращения рабочих мест, и белорусам самим стало труднее найти работу. Ужесточение политики по отношению к скрытым мигрантам (кто уехал, не выписавшись из квартиры, не заполнив бумаг на трудовую миграцию за пределами страны) привело к тому, что часть маятниковых мигрантов сейчас вынуждены искать временную работу, чтобы не платить налог как тунеядцам. Часть бывших мигрантов зарегистрировалась на бирже труда. Это способствовало быстрому росту официальной безработицы в Беларуси с 0,9 до 2–3 % (в зависимости от источника). Решением данной проблемы мог стать рост экономики, зарплат, занятости. Пока экономический кризис не преодолен, остаются противоречия и шараханья в миграционной политике от либерализма к консерватизму. А это означает, что эффективных подходов к проблемам миграции не найдено.

---

1. *Артюхин М. И., Пушкевич С. А.* Основные проблемы миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ // Социол. альм. Вып. 6. Минск, 2015. С. 126–141.

2. *Артюхин М.* Научная элита: состояние и проблемы воспроизводства // Там же. Вып. 5. Минск, 2014. С. 308–318.

3. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб., 2011.

4. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Текущие данные [Электронный ресурс]. URL: www.belstat.gov.by (дата обращения: 20.09.2015).

5. *Пушкевич С. А.* Основные тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2014. № 2. С. 101–105.

6. *Рязанцев С., Письменная Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляющая» или «утечка» умов // Социс. 2013. № 4. С. 24–35.

7. Утечка мозгов // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 13.06.2012).

8. *Урри Д.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. М., 2000.

9. *Урри Д.* Мобильности. М., 2007.

Рукопись поступила в редакцию 1 октября 2015 г.

УДК 316.4.063 + 325.2(470) + 314.743(44) + 316.733

**Е. В. Грунт
О. Журавлева-Леенаф**

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

В статье дается анализ культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в современной Франции. Особое внимание авторы уделяют тому, в какой степени и какими способами эмигранты достигают соответствия (совместимости) с новой для них культурной средой, принимая или отвергая ее, насколько они способны приобрести новую культурную идентичность или сохранить старую.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иммигранты, эмигранты, русскоговорящие, Франция, культурная идентичность, культурная среда, интеграция.

Конец XX — начало XXI в. ознаменованы глобализационными процессами: стиранием межнациональных и культурных границ, «макдонализацией», унификацией культуры, высокой миграционной подвижностью населения. Произошло разрушение социальных институтов, формирующих идентификационный процесс. В этих условиях размываются традиционные основы культурной идентичности личности. Культурная идентичность сегодня превращается в центральную и повседневную проблему для каждого человека, для наций и государств.

Сегодня Россия является не только одной из лидирующих стран, принимающих мигрантов, но и страной исхода россиян за рубеж на постоянное место жительства. Одной из стран, принимающих российских мигрантов, является современная Франция.

Однако, если говорить о Франции, то первая волна русской эмиграции в эту страну была связана со временем правления Екатерины II. В этот период шел интенсивный обмен между двумя культурами. В России французский язык длительное время был основным языком, на котором говорило российское дворянство и пр. Это был период добровольной эмиграции россиян во Францию.

Вторая волна русскоговорящей эмиграции в эту страну связана с Октябрьской революцией и Гражданской войной, когда часть интеллигенции была вынуждена эмигрировать из России. Одной из таких стран стала Франция.

После распада Советского Союза новая волна русскоязычной эмиграции хлынула во Францию.

Как живут русскоязычные эмигранты в современной Франции? Насколько они пытаются сохранить свою культурную идентичность и приобрести новую? Эти и другие вопросы мы исследовали в процессе социологического исследования.

Исследование проведено в Париже и Ницце в 2014–2015 гг. Эти города выбраны не случайно, так как именно в них проживает значительное число русскоязычных эмигрантов.

Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос, глубинное интервью, включенное наблюдение и анализ данных государственной

статистики. Методом анкетирования опрошено 300 русскоязычных эмигрантов. В ходе глубинного интервью опрошено 5 представителей русскоязычной диаспоры.

Прежде чем перейти к анализу культурной идентичности русскоязычных эмигрантов, проживающих во Франции, определимся с понятиями.

Идентичность является сложным, многогранным понятием. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к данному понятию. Мы солидарны с мнением В. А. Ядова о том, что идентичность — это чувство принадлежности к социальной общности, обеспечивающее подчинение индивида социальной группе, а также групповую защиту, критерий оценки и самооценки [2, 9]. Идентичность отождествляется им с социально-групповой солидарностью [3]. Как отмечает ученый, и с этим нельзя не согласиться, основной механизм социальной идентификации — сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем группам, которые рассматриваются как чужие (или враждебные), интересы которых безразличны для данной общности или являются конфликтными [2, 14].

Под культурной идентичностью мы понимаем процесс и результат отождествления личности с ценностями и нормами культуры другой социокультурной группы, в которой происходит ее самоутверждение [1, 9]. Можно различать внешнюю идентичность (социальную), которая зачастую имеет демонстративный характер, и внутреннюю (самоидентификацию), когда у индивида формируются осознанные убеждения и его внутренние установки. Внешняя идентичность не всегда переходит во внутреннюю. Эмоциональный компонент культурной идентичности — чувство принадлежности индивида к другой культуре — может не только способствовать объединению ее с другой культурой, но и служить средством отчуждения. Как отмечает П. Шерадо, наши привычки, стиль и ритм жизни, манера общения, ценности, нормы, практика показывают нам, кто мы есть. Это ярко проявляется, когда индивид встречает «иностранца» (представителя иной культуры).

Когда «Я» сталкивается с «Другим» (другой культурой, представителем иной культуры), именно через эту самую «разницу» индивид может отождествлять себя со своей культурой: «другая культура помогает нам понять, кто есть мы» [5, 65]. О наличии культурной идентичности, свидетельствуют как ее внешние признаки (поведенческий и языковой компоненты), так и внутренние признаки (когнитивный, психосоциокультурный и эмоциональный компоненты). Мы согласны с мнением А. Мюкшели о том, что культурная идентичность предполагает формирование устойчивых качеств у индивида, благодаря которым те или иные культурные явления или люди вызывают у него симпатию или антипатию; в зависимости от этого он выбирает соответствующий тип, манеру и форму общения [4].

Рассмотрев основные понятия, перейдем к анализу культурной идентичности русскоязычных эмигрантов во Франции.

Кто такие русскоязычные эмигранты по своим социально-демографическим характеристикам? Исследование показало, что среди респондентов практически в равной степени представлены как женщины (52,0 %), так и мужчины (48,0 %).

Что касается возраста респондентов, то большинство из них находятся в возрасте 30–40 лет (половина опрошенных), 15,0 % респондентов в возрасте до 25 лет, около 20,0 % опрошенных — представители старших возрастных групп (40–60 лет).

Исследование зафиксировало достаточно высокий уровень образования русскоязычных эмигрантов (рис. 1)

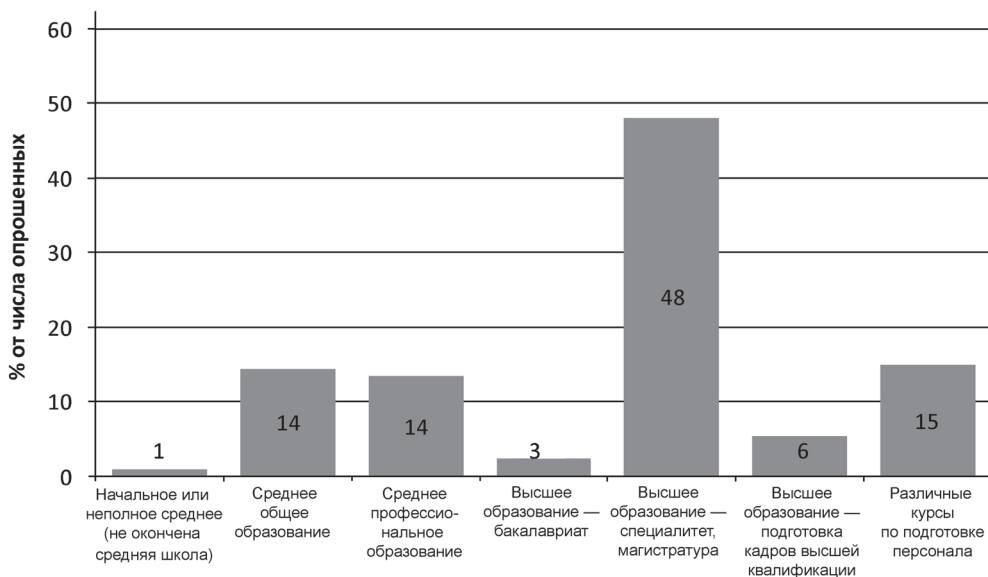

Рис. 1. Уровень образования русскоязычных эмигрантов

Как видно из рисунка, половина опрошенных респондентов имеет высшее образование, высокий уровень образования, несомненно, способствует их успешной адаптации в новой культуре; 52,0 % опрошенных эмигрантов получили свое образование в стране, откуда приехали (Россия, Украина, Беларусь и др.); каждый четвертый эмигрант получил образование во Франции, каждый пятый — в другой стране (Канада, Великобритания и др.).

Исследование зафиксировало достаточно высокий уровень занятости русскоязычных эмигрантов (поведенческий компонент культурной идентичности) (рис. 2). Стоит обратить внимание на тот факт, что в условиях роста безработицы в стране временно безработными являются лишь 6,5 % опрошенных эмигрантов.

Проанализировав данные исследования в сфере занятости русскоязычных эмигрантов, в целом можно констатировать, что, поскольку большинство русскоязычных эмигрантов — это работающее население, кроме того, владеющее собственным бизнесом (17,5 %), занятое в финансовой и управленческо-юридической сферах (7,5 и 6,0 % соответственно), то уровень материального достатка эмигрантов и их социальный статус достаточно высок. Кроме того, об этом говорят цифры, подтверждающие удовлетворенность материальным положением эмигрантов и их социальным статусом (психосоциальный компонент культурной идентичности). Исследование показало, что 71,0 % опрошенных

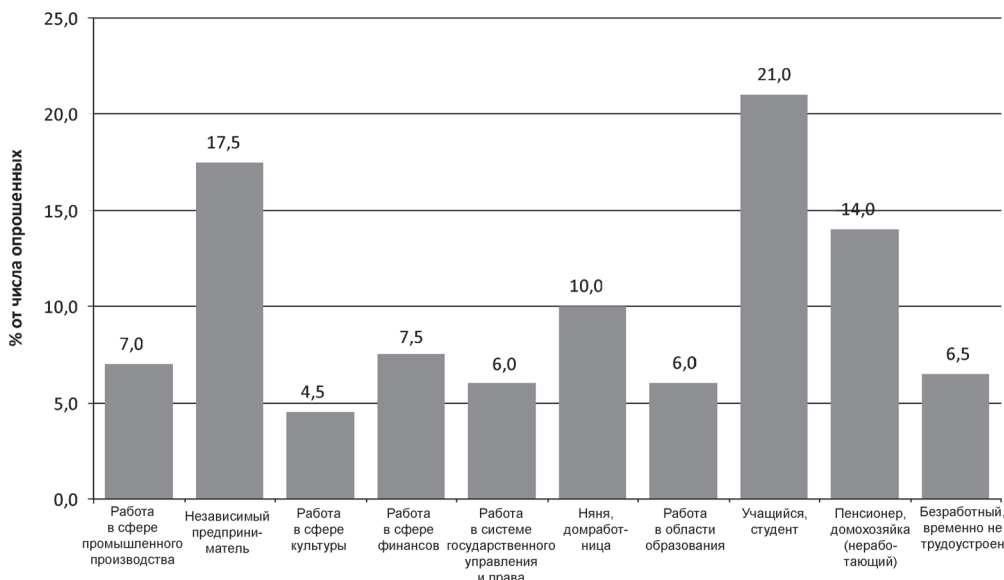

Рис. 2. Уровень занятости русскоязычных эмигрантов

эмигрантов во Франции удовлетворены своим материальным положением; 21,0 % проживающих в этой стране сомневаются по поводу удовлетворенности своим материальным положением, склоняясь в большей степени к удовлетворенности, нежели к неудовлетворенности. Лишь 8,0 % опрошенных указало на то, что их не удовлетворяет имеющееся у них материальное положение. В основном это студенты, живущие на попечении родителей и имеющие частичную занятость, а также люди, не имеющие в данный момент работы. Эти показатели вполне коррелируют с данными о занятости эмигрантов. К тому же материальное положение эмигрантов (женского пола) могло улучшиться в связи со вступлением в брак и переходом на обеспечение семьи. Большинство эмигрантов покинули Россию в период кризиса и/или сразу после окончания университета, когда стабильное материальное положение оценивать было рано.

Исследование зафиксировало, что 60,0 % русскоговорящих эмигрантов удовлетворено своим социальным статусом. Эти данные также коррелируют с данными о занятости эмигрантов (рис. 3).

В исследовании нас интересовал вопрос об изменении материального положения и социального статуса эмигрантов после переезда во Францию. Так, 43,0 % опрошенных улучшили свой социальный статус при переезде во Францию, для 29,0 % респондентов он не изменился; 11,0 % полагают, что их социальный статус понизился; 17,0 % затруднились ответить на этот вопрос. Что касается материального положения, то 43,0 % эмигрантов улучшили свое материальное положение, для 20,0 % оно практически не изменилось, а 20,0 % ухудшили свое материальное положение при переезде во Францию.

Мы охарактеризовали представителей русскоязычной диаспоры по социально-демографическим признакам. Данные нашего исследования свидетельствуют

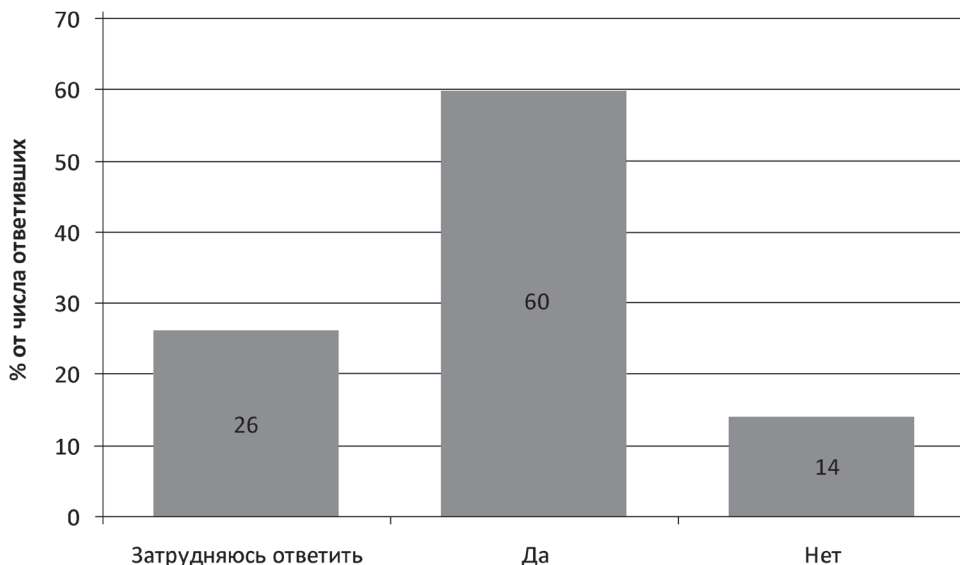

Рис. 3. Удовлетворенность эмигрантов своим социальным статусом

о том, что в целом представители русскоязычной диаспоры во Франции — это разновозрастная группа эмигрантов (с преобладанием молодого поколения), неоднородная по гендерному аспекту, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим социальным статусом.

Мы полагаем, что одним из важных элементов, влияющих на культурную идентичность представителей русскоязычных эмигрантов, является период проживания эмигрантов во Франции. Исследование показало, что около 60,0 % респондентов проживает во Франции до 5 лет; каждый пятый эмигрант — от 6 до 10 лет; около 20,0 % респондентов — свыше 10 лет и 9,0 % родились во Франции. Таким образом, мы видим, что в выборку исследования попали респонденты последней волны русскоязычной эмиграции во Францию. Безусловно, во Франции проживает гораздо большее число эмигрантов более ранних волн. Однако сложность исследования заключалась в том, что русскоязычные эмигранты проживают на всей территории Франции. Поэтому опросить в равной пропорции представителей всех волн русскоязычной эмиграции оказалось достаточно сложно.

На наш взгляд, на интеграцию в чужую культуру, успешную адаптацию в ней, сохранение старой или принятие новой культурной идентичности влияет тот факт, с каким настроением люди покидают родную страну (эмоциональный компонент культурной идентичности). Исследование выявило неоднозначное отношение респондентов к выезду в чужую для них культуру. Так, 41,0 % респондентов покидало свою страну с хорошим настроением, добровольно и с надеждой на лучшее будущее. У 40,0 % опрошенных эмигрантов при выезде из страны было нейтральное настроение, но тоже оставалась надежда на улучшение своего статуса, материального положения и пр. Каждый пятый покидал свою Родину

с удручающим настроением в силу вынужденных обстоятельств (война в Чечне, Абхазии и Украине, потеря работы, кризис в России, других постсоветских странах и пр.). Весьма интересны причины выбора эмигрантами Франции (рис. 4).

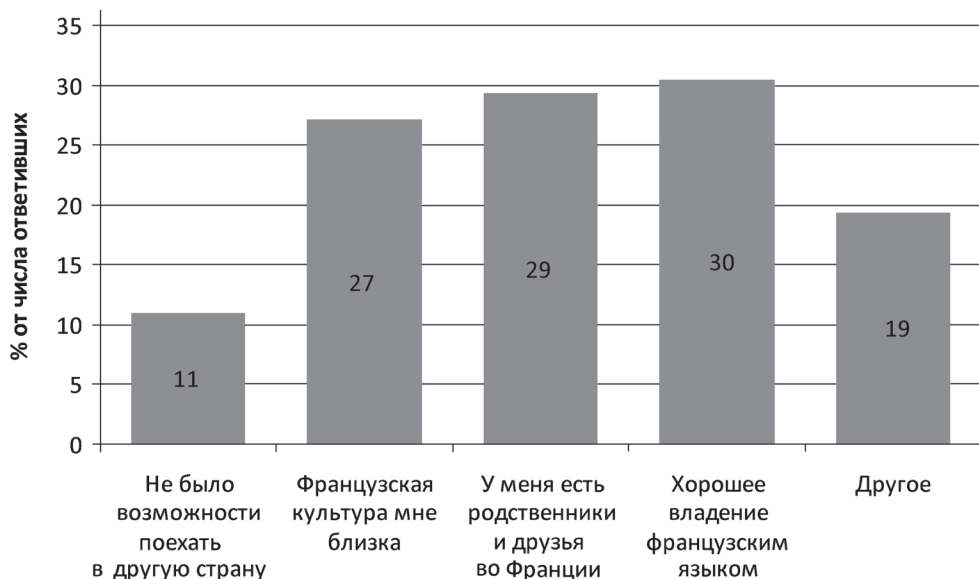

Рис. 4. Причины выбора респондентами Франции для эмиграции

Как видим, основными причинами оказались наличие родственников и знакомых (29,0 %), близость по духу французской культуры (27,0 %), хорошее знание языка (30,0 %). Для 11,0 % опрошенных эмигрантов Франция оказалась единственно возможной страной для выезда. Каждый пятый респондент указал другую причину, в частности, приглашение на работу во Францию, замужество, учеба, а затем – работа в этой стране. Как видим, причины выбора Франции для проживания также способствовали успешной интеграции части респондентов в принимающую культуру. Хочется сразу отметить, что русскоязычная эмиграция в этой стране имеет достаточно сильные диаспоральные связи. Об этом свидетельствует, во-первых, выбор страны проживания; во-вторых, помощь в решении возникающих проблем; в-третьих проведение досуга.

Для нашего исследования большое значение имеет выявление проблем, возникших у эмигрантов при переезде в другую страну. Так, большой процент опрошенных эмигрантов (81,0 %) указал на их наличие. Исследование показало, что самой существенной проблемой, ее выделили 70,0 % респондентов, оказалась «сложность в общении». Каждый третий указал на то, что эта проблема возникла из-за плохого знания языка, каждый четвертый считает, что проблема возникла из-за незнания французской культуры. Примерно такой же процент респондентов указал на то, что у них возникли бытовые проблемы, что вполне естественно и коррелирует с первой по значимости проблемой. Человек, плохо общающийся с местными жителями, не знающий язык и культуру принимающей

стороны, так или иначе сталкивается и с проблемами в быту. К тому же разница в менталитете и культуре, обычаях — все это существенно влияет на бытовые условия эмигрантов.

Третьей по значимости проблемой стало «чувство одиночества в новой культуре». На эту проблему указал каждый третий респондент. И это, на наш взгляд, вполне естественно, так как, попадая в новую культуру, человек сталкивается с необычными для него условиями и ищет поддержку со стороны друзей или знакомых. На этом этапе существенную роль в адаптации играет диаспора. Около 30,0 % респондентов выделили еще одну существенную проблему — «поиск работы», что тоже вполне естественно. Большинство из них приехало во Францию не в лучшие для страны времена, когда в Евросоюзе наблюдается кризис: «Сейчас из-за кризиса даже французам сложно найти работу, не говоря о нас, эмигрантах, с нашими “советскими” дипломами» (*Андрей, 34 года, частный предприниматель, г. Ницца*). Каждый шестой эмигрант испытал на себе неприязнь местных жителей. Чаще всего эта проблема возникает в маленьких городах, в регионах, где мало эмигрантов. «Я явно выделялась, когда мы жили в маленьком городе в Нормандии. Первые месяцы даже простой поход в магазин возле дома превращался в целое шоу — все смотрели и шептались за спиной. Даже не знаю, что они там говорили, хорошее или плохое. Просто неприятна сама ситуация» (*Наталья, 35 лет, фитнес-тренер, г. Ницца*).

Как видим, значительному числу эмигрантов первоначально было сложно интегрироваться в чужую для них культуру, обрести новую культурную идентичность, сохраняя при этом старую.

Кто помогал и помогает эмигрантам в решении их проблем?

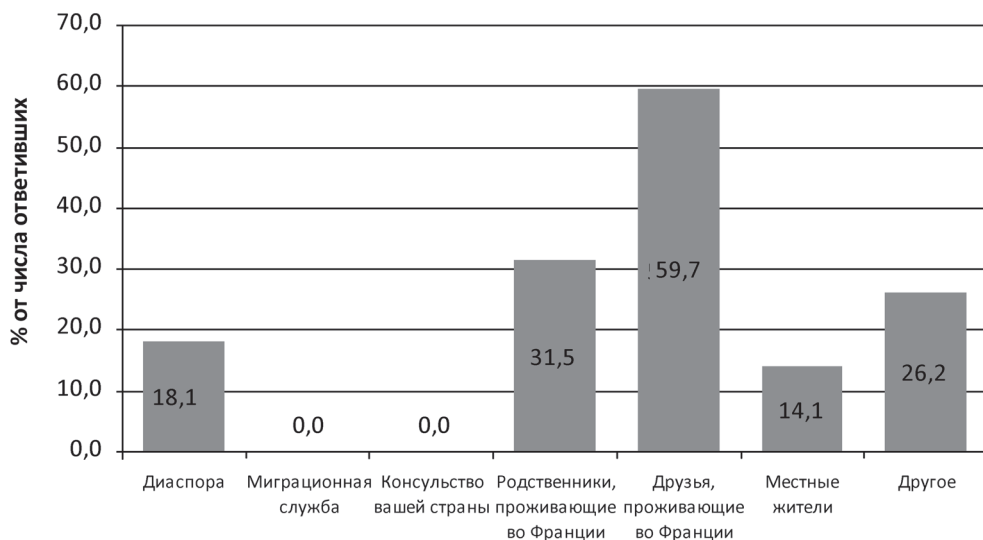

Рис. 5. Оказание помощи эмигрантам при возникновении у них проблем

Как видим из рис. 5, большинство респондентов при возникновении проблем обращаются к друзьям, проживающим во Франции (58,0 %), 31,0 % — к родственникам; 14,0 % указали на местных жителей, а 18,0 % — на диаспору. Таким образом, практически каждого пятого эмигранта поддерживает диаспора. Она способствует, с одной стороны, успешной адаптации эмигрантов в новой для них культуре, а с другой — поддержанию и сохранению старой культурной идентичности. Исследование показало, что существует две ветви русскоязычной диаспоры (условно мы их назвали «диаспора севера» и «диаспора юга» Франции). Основанием для классификации диаспор нами избран род их деятельности. Важно отметить, что диаспора в Париже («диаспора север») и в Ницце («диаспора юг») явно отличаются по своей организации, традициям, роли в жизни эмигрантов, оказанию поддержки и помощи. «Диаспора севера» менее активна, чем «диаспора юга». В Париже все встречи и общение ограничиваются встречей в церкви. Конечно, есть различные кружки для русскоязычных детей (театральные, литературные, танцевальные), которые организовали русскоязычные эмигранты. Но организованной диаспоры как таковой в Париже нет. «Тут, в Париже, каждый сам за себя. Есть русскоязычные друзья, но это пара человек. Я работаю с русскоязычными эмигрантами и общаюсь с ними в основном на работе» (*Александра, 34 года, мастер по маникюру, г. Париж*).

Что касается «диаспора юга», то она активно участвует в жизни русскоязычных эмигрантов: организует различные культурно-тематические вечера, пикники, кружки для детей, тематические и спортивные прогулки. Кроме того, члены диаспоры активно оказывают помощь эмигрантам в трудных жизненных ситуациях: «Мы как одна большая семья. В последний раз мы помогли одной девушке, которая осталась с двумя детьми, на седьмом месяце беременности на улице» (*Андрей, 34 года, частный предприниматель, г. Ницца*). В итоге можно сделать вывод, что основную поддержку и помощь русскоговорящие эмигранты получают внутри диаспоры. Соответственно это не способствует формированию новой культурной идентичности.

В исследовании нам представлялось важным выявить мнение русскоязычных эмигрантов о французской культуре при их переезде во Францию. Именно оно, на наш взгляд, имеет решающее значение для оценки особенностей культурной идентичности эмигрантов. Мы получили следующие результаты. На вопрос, какие ассоциации возникают у респондентов с французской культурой, 58,0 % опрошенных отметили, что она «дружелюбная, вызывает только положительные эмоции»; каждый третий респондент считает, что «никаких особых эмоций эта культура не вызывает». Однако по мере знакомства с этой культурой, проживая в стране более длительное время, 70,0 % опрошенных нами эмигрантов изменили свое отношение к культуре Франции и стране в целом: 73,0 % указали на более положительное отношение к Франции с течением времени, 27,0 % отметили, что их отношение к ней изменилось в худшую сторону.

Среди причин, способствовавших улучшению отношения, наиболее существенными оказались «адаптация», «семья», «наличие работы», «наличие хорошего материального положения». Именно эти причины, по мнению респондентов, способствовали изменению отношения эмигрантов к стране в лучшую сторону.

Главными причинами ухудшения отношения к стране проживания стали «невозможность получить гражданство», «неприязнь местных жителей», «большое количество мусульманского населения». Наше исследование показало, что у большинства опрошенных мнение о стране пребывания изменилось в лучшую сторону, чему способствовал ряд положительных моментов (узнавание этой культуры, улучшение благосостояния, отношения с местным населением и пр.). Это, по нашему мнению, во многом способствует приобщению эмигрантов к чужой культуре и соответственно обретению ими новой культурной идентичности.

Несмотря на то что у большинства эмигрантов отношение к французской культуре изменилось в лучшую сторону, 86,0 % опрошенных считают русскую культуру более близкой, нежели французскую. Лишь каждый десятый респондент указал на то, что французская культура сегодня для них является более близкой, нежели их родная культура. Такой же процент опрошенных отметил, что они придерживаются традиций родной культуры, проживая на территории Франции. При этом третья часть опрошенных респондентов говорит о том, что они, поддерживая традиции родной культуры, знают о традициях французской культуры и стараются их соблюдать.

О каких традициях принимающей культуры знают респонденты? Исследование показало, что эмигранты знают французские праздники (как правило, отмечают и русские, и французские праздники), французские песни, танцы, национальную кухню (однако предпочитают блюда русской кухни). Что касается языка, то 60,0 % опрошенных предпочитают с русскоязычными эмигрантами общаться на русском языке, 24,0 % выбирают язык общения в зависимости от обстоятельств, и лишь каждый десятый респондент при любых обстоятельствах предпочитает общаться на французском языке. Подводя итог исследования специфики культурной идентичности представителей русскоязычных эмигрантов в современной Франции, можно сделать следующие выводы об ее особенностях.

Исследование современного состояния культурной идентичности представителей русскоязычных эмигрантов позволило выделить тенденцию активного приобщения к культуре страны пребывания 30,0% русскоязычных эмигрантов при сохранении прежней культурной идентичности. Большинство русскоязычных эмигрантов поддерживают культурную идентичность страны исхода. Поддержанию культурной идентичности страны исхода эмигрантам во многом способствует «диаспора юга» Франции.

Исследование показало, что по своему быту, образу жизни и культуре большая часть эмигрантов (около 60,0 %) продолжают оставаться бывшими «русскими людьми». Однако они являются носителями ценностей чужой для Франции культуры и, следовательно, продолжают оставаться для нее иностранцами. Поэтому, чтобы не потерять свою индивидуальность, свою культурную идентичность, принимающая культура вынуждена оказывать сопротивление эмигрантам.

Исследование зафиксировало, что в условиях глобализации культурная идентичность может носить транзитный, переходный характер, когда идентичность не опирается на ближайшую культурную среду, а ищет в меняющемся социуме новые формы социокультурного взаимодействия с представителями разных культур (20,0 % респондентов).

В этих условиях большее значение приобретает социологический анализ культурной идентичности русскоязычной диаспоры, проживающей в культуре Франции. Не менее важными являются вопросы, связанные с тем, в какой степени и какими способами эмигранты достигают соответствия (совместимости) с новой для них культурной средой, принимая или отвергая ее, насколько они способны приобрести новую культурную идентичность или сохранить старую.

1. *Киммель Н. В.* Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2011.
2. *Ядов В. А.* Социальные и социопсихологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова; Ин-т социологии РАН. М., 1993.
3. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowledge.isras.ru/sj/sj/94-1-3.html> (дата обращения: 21.02.2015).
4. *Mucchiell A. I.* Les fondements de l'identite psychosociologique (Professeur aux Universités de Montpellier) // Presses Universitaires de France, 2013.
5. *Charaudeau P.* Réflexions sur l'identité culturelle. Un préalable nécessaire à l'enseignement d'une langue in Gabry J. et alii, Ecole, langues et modes de pensée, CRDP Académie de Créteil, France, 2005, 65.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2015 г.

УДК 314.74 + 316.324:316.42

М. С. Куропятник

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И МИГРАНТЫ: ПАТТЕРНЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессуальный подход к изучению культурного многообразия позволяет перейти от перспективы статичных, дескриптивных определений групп населения как коренных народов и мигрантов к фокусу на паттернах репрезентации ими культурной идентичности в контексте глобализации. Речь идет не только о расширении границ саморефлексии коренных народов и мигрантов, но и о поисках ими новой легитимной парадигмы концептуализации, творческого переосмысления своего культурного достояния путем конструирования или освоения таких социальных контекстов, где индигенная идентичность или идентичность мигрантов в той или иной форме становятся релевантными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная антропология, глобализация, коренные народы, мигранты, культурная идентичность, паттерны репрезентации культуры.

Современная социально-антропологическая рефлексия процессов формирования культурного разнообразия сопряжена с такими важными методологическими и эпистемологическими вопросами, как реконфигурация контуров пространства коллективной идентификации и репрезентации культурной принадлежности локальных сообществ. Будучи вовлеченными в транслокальные социальные,

культурные и информационные поля взаимодействия, они активно осваивают «глобальный способ осмысления локального» [3, 187] как один из значимых ресурсов концептуализации новых версий своей идентичности и культуры.

В этой связи особую актуальность приобретает также и фундаментальное переосмысление идеи движения, перемещения в его современных формах, воплощаемое в таких концептах, как «глобальные культурные потоки» (А. Аппадураи, У. Ханнерц), «текущая современность» (З. Бауман), «потоки знаков» (Б. Гройс), «мобильность» (Дж. Урри). «Сегодня все должно быть текучим, постоянно менять форму, терять всякую идентичность, становиться неразличимым, мультимедийным и интерактивным», — пишет в этой связи Б. Гройс [2, 13]. Постигание отмеченных выше тенденций актерами разного уровня, в том числе и локальными сообществами, выступает одним из способов реинтерпретации социокультурных изменений современности.

В контексте глобализации коренные народы (*indigenous peoples*) и мигранты выражают противоположные точки зрения относительно степени и форм «укорененности» своей культуры или же ее вовлеченности в глобальные культурные потоки: первые никогда не отрываются от своих территорий и культурного наследия, вторые не могут позволить себе «оставаться на месте». Можно полагать, что культурные паттерны миграции во многом утверждаются посредством их транскрибирования в логике глобализации, в то время как культурные модели индигенности в определенной степени противостоят доминирующему дискурсу современности.

Так, именно мигранты и иммигранты, беженцы и национальные меньшинства воспринимаются сегодня как самое осязаемое и близкое свидетельство присутствия глобального мира в границах национальных государств [8, XXI–XXII]. Динамичная и в то же время достаточно стабильная структура современных миграционных потоков способствует формированию своеобразного культурного пласта — «культуры миграции», представляемой и как «культура на чужбине», «культура в изгнании», и одновременно как воплощение ряда форм циркуляции капитала и труда. В социальном и научном дискурсе мигранты наделяются ярко выраженной модальностью оппозиционности, которая часто артикулируется в терминах «чужой», «культурно чужой», подразумевающих и закрепляющих стигматизацию присущих им норм и паттернов поведения. В этом дискурсе понятия «мигранты», «сообщество мигрантов», с одной стороны, сопрягаются с ситуациями дискриминации по этническому признаку, а с другой — ассоциируются с «другой социальностью», расширение границ которой рассматривается как одна из возможных угроз иллюзорной культурной целостности и социальной стабильности национальных обществ в целом.

В свою очередь, коренные народы как приемники населения, определявшегося ранее как «примитивные», традиционно являлись для Европы значимыми другими, репрезентирующими альтернативные образы жизни. Дискурс их культурной идентичности ведется в контексте сложных отношений автохтонного и аллохтонного населения, коренных и некоренных народов [11, 10; 14], коренного населения и мигрантов, приобретая новые коннотации в условиях эрозии пространственно «укорененных» социальных и культурных форм.

В ходе дискуссий об этничности и мультикультурализме неоднократно обращалось внимание на существенные различия между коренными народами и иммигрантами [14, 18]. При этом историческая глубина, «длительность», «непрерывность» существования различных этнических групп выступают важнейшими признаками, на основании которых дифференцируются индигенная этничность и этничность иммигрантов [Там же, 150–154]. Другими словами, артикуляция «изначальной», подтверждаемой «с незапамятных времен» «прикрепленности» коренных народов к определенным территориям [16, 140] позволяет разграничить индигенные контексты, с одной стороны, и притязания иммигрантов, ориентированных на формирование пространственно ограниченных культурных анклавов в принимающих странах, с другой. Сведение всего культурного многообразия населения к ряду переменных или, в крайнем случае, к одному признаку, «составляющему его главную “сущность” и наиболее важное свойство» [3, 53] — историческому измерению, выражает и поддерживает тенденции эссенциализации социокультурных феноменов. Как заметил К. Калхун, «доводы в пользу древности больше важны при обращении к внешним наблюдателям» [Там же, 84]. Кроме того, с позиций такого подхода внимание исследователей концентрируется преимущественно на внутригрупповых (или же имеющих место в границах определенных обществ), а не межгрупповых процессах [13, 22].

Еще Эрик Вульф в своей работе «Европа и народ без истории» (1982) [20] показал, что большая часть коренных народов давно не соответствует привычным, устоявшимся значениям и коннотациям концепта индигенности, прежде ориентированного на изолированные локальные сообщества и доиндустриальные (традиционные) способы жизнеобеспечения. Именно социальная и географическая изоляция в течение длительного времени признавалась в антропологии определяющим фактором воспроизводства особых конфигураций культуры, соотносимых с коренными народами. В последнее время такая постановка проблемы представляется неправомерной. Локальные культуры и идентичности, глубоко трансформированные их интеграцией в транснациональный и глобальный контексты, больше не могут быть представлены исключительно в терминах примордиальности и территории их происхождения.

Не менее важным представляется и другое положение. Дискурсивные усилия глобализации направлены на разрушение устойчивых и глубоких социальных связей индивида с любыми сообществами, в том числе и теми, которые по инерции все еще относятся к традиционным. Становится очевидным, что «больше уже невозможно всерьез говорить о традиционных сообществах. Сегодня любые стремительные перемены не столько отменяют традиционные и повторяющиеся формы жизни, сколько влияют на самих индивидуумов, предоставленных воздействию всего самого непривычного и неожиданного... Речь идет о всегда и в каждом случае постоянно обновляемой реальности» [1, 24–25].

Репрезентации коренными народами своей коллективной идентичности и культурных притязаний вне локальных контекстов, а также концептуализация индигенности, подразумевающая активное привлечение международно-правовых инструментов и политических ресурсов, способствуют их переводу на уровень глобального феномена. Как известно, изменение контекста артикуляции различных

социокультурных феноменов предполагает реконфигурацию их контуров и содержания. Так, Х. Бхабха на пороге третьего тысячелетия переопределяет «условия меньшинства» как своеобразную форму глобального гражданства [8, XXI]. Перевод феномена меньшинства в глобальный контекст делает тщетными любые попытки определить, по отношению к какому национальному или культурному большинству концептуализируется то или иное меньшинство. Оппозиция коренных народов и мигрантов, в различных национальных и глобальных контекстах воплощающих социальную периферию, теперь также не представляется строгой.

Вместе с тем парадигмальный сдвиг в социальных науках от статичных, дескриптивных подходов к процессуальному осмыслению реальности также способствовал осознанию того, что «все культуры в известной мере неаутентичны, сконструированы и сформированы сложными взаимодействиями с другими культурами» [4, 221].

Современные исследователи, придерживающиеся процессуального взгляда Фредерика Барта на природу социальных границ, высказывают предположение о том, что, например, саамская этничность возникает в результате контактов охотников и земледельческого населения Северной Фенноскандии [13, 22–26]. Концептуализация одной из сторон взаимодействия — саамов, чьими предками были охотники, — в Норвегии лишь относительно недавно сместилась от определения их «мигрантами» и «иммигрантами» [15, 80], с присущими последним коннотациями «культурно чужих», к признанию коренным народом. Процессуальный подход позволяет перейти от перспективы дескриптивных определений народов как коренных к фокусу на «социальных технологиях продуцирования туземных сообществ» (*natives*) [6, 179].

Какие же социальные и культурные факторы приводят к концептуализации различных этнических сообществ как коренных народов и мигрантов? В каких контекстах современности релевантно такое разграничение?

Тенденция к концептуализации ряда народов как коренных (*indigenous peoples*), отчетливо обозначившаяся в последней четверти XX в., подразумевала смещение фокуса социального и научного дискурса с племенного или традиционного образа жизни локальных сообществ на приоритет заселения ими определенной территории [7, 188]. Однако сегодня представители коренных народов активно вовлекаются в различные формы пространственной, социальной и культурной мобильности. И одновременно те, кого в принимающих обществах, в том числе и в прежних метрополиях, принято называть мигрантами, по своему происхождению могут принадлежать миру коренных народов. Именно такие зоны смешения категорий чрезвычайно привлекательны для прояснения сути происходящего. Так, в условиях присущего современности «расширения и ускорения мобильности людей» [12, 68] сохраняется эссенциалистский взгляд на коренные народы извне, согласно которому «они приносят свою идентичность всюду, куда бы они ни пришли и что бы ни делали» [7, 190]. С другой стороны, проникновение научного дискурса примордиальной этничности в среду коренных народов повсеместно способствует кодификации культурных различий и их эссенциализации изнутри.

В отличие от мигрантов коренные народы реализуют модель «культуры у себя дома». В условиях экстерриториальности коренные народы по-прежнему

артикулируют свою принадлежность месту (в антропологическом смысле) как очагу культурных ценностей и при этом представляют собственные культуры как «аутентичные», «застывшие» в своих традиционных формах в таких социальных контекстах, которые выступают внешними по отношению к их исходным культурным паттернам. Как справедливо отмечает в этой связи норвежский антрополог Т. Туен, многие коренные народы, отстаивая свои земельные права, вынуждены подтверждать свою «аутентичность» демонстрацией архаичного образа жизни [19, 24].

Между тем и для многих коренных народов традиционная культура выступает в определенной степени «внешним атрибутом» их современных социальных контекстов и осознается как «утраченное прошлое», которое должно быть восстановлено. Подобная приверженность традиции неизбежно приводит не только к ее идеализации, но и к репрезентации современных культурных форм в категориях, уходящих корнями в другие эпохи. В результате возникает своеобразный эффект «неразличимости» аутентичного и симулятивного [2, 143], подлинного и инсценированного, внешнего и внутреннего [1, 25].

«Традиционной культуры» не существует, — подвела черту под многолетними дискуссиями в социальной антропологии М. Дуглас. — В любой момент времени культура сообщества вовлечена в совместный процесс производства значений» [10, 88]. Однако современный дискурс коренных народов по-прежнему фокусируется преимущественно на проблеме сохранения их языков и культур, определяемых как «исчезающие», что способствует актуализации культурного и морального содержания концепта индигенности. Подобная тенденция наиболее отчетливо выражена в этнографической традиции. В этой связи норвежские исследователи Л. И. Хансен и Б. Ольсен оспаривают стремление представить любые столкновения «аутентичной, гомогенной, статичной саамской культуры» с другими культурами, государственными образованиями, рыночной экономикой и современностью в целом как ведущие к упадку, разрушению и потере культуры. Тем самым, по их мнению, любые социальные и культурные изменения приобретают негативные, односторонние коннотации [13, 7]. Вместе с тем практики представления опыта контактов прежде изолированных групп коренного населения с «высокоразвитым, модернизированным, индустриальным и господствующим в политическом отношении Западным миром» в разрушительном, дестабилизирующем ключе [5, 606] оказались востребованными в среде самих коренных народов.

Артикуляция последними морального аспекта своих отношений с национальными государствами, в границы которых они включены исторически, подразумевает несовместимость колониального «прошлого» и современного образа западных демократий, а также декларируемых ими либеральных ценностей [11, 15]. Глубокое чувство обиды и несправедливости, сопряженное с осмыслением правовых и гуманитарных последствий европейской колонизации, реализации широкого спектра патерналистских проектов развития или же опыта межкультурного взаимодействия становится ключевым элементом, определяющим основы современных политических требований коренных народов [Там же, 10]. Ситуация на первый взгляд кажется парадоксальной, так как по большей части претензии формируются по отношению к уже не существующим социальным структурам

и государствам. Однако именно такая постановка вопроса приводит к усилению резонанса концепта индигенности и неолиберальных коннотаций дискурса культурного разнообразия.

В условиях постоянной смены перспектив дискурса культурной идентичности категория «коренной народ» становится «слабодифференцированной», не столько отсылающей к наиболее ранней из известных групп населения на определенной территории, сколько сопряженной со стратегиями преодоления стигмы отсталости и периферийности в ряде контекстов, прежде соотносимых со сферами традиционной культуры и образа жизни.

В своем современном значении концепт индигенности поддерживает чувство постоянства, межпоколенной преемственности и «неприкосновенных» традиций [17, 534], а также неприятие культурных стандартов общества потребления [9, 67], т. е. способствует актуализации тех аспектов идентичности и культуры, от которых отрекается современность. Не менее важным представляется и то, что социокультурные паттерны «соседства» (в понимании А. Аппадурай) [6, 178–187], воспроизводимые в индигенных контекстах, воплощают потенциал взаимного признания индивидов и групп, комплементарности в той или иной форме. В этой перспективе наблюдается сдвиг от малопродуктивного постулирования «пропасти» культурных различий между коренными народами и остальным населением, присущего процессу утверждения и легитимации феномена индигенности, к их игнорированию и отрицанию. Тем самым все отчетливее проявляется тенденция соотнесения данного концепта не столько со статусом коренных народов, сколько с одним из глобальных форматов осмысления и выражения культурной идентичности.

Но и в качестве глобального феномена индигенная идентичность может быть ориентирована на подтверждение «укорененности» этнических общностей в границах территорий своего происхождения, а также усиление их сопряженности с определенным языком и образом жизни.

Таким образом, речь идет не только о расширении границ саморефлексии коренных народов и мигрантов, но и о поисках ими новой легитимной парадигмы концептуализации, творческого переосмысления своего культурного достояния путем конструирования или освоения таких социальных контекстов, где индигенная идентичность или идентичность мигрантов в той или иной форме становятся релевантными.

-
1. *Вирно П.* Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2013.
  2. *Гройс Б.* Под подозрением. Феноменология медиа. М., 2006.
  3. *Калхун К.* Национализм. М., 2006.
  4. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.
  5. *Штомпка П.* Социология. М., 2005.
  6. *Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis ; L., 2003.
  7. *Beteille A.* The Idea of Indigenous People // *Current Anthropology*. 1998. Vol. 39, № 2. P. 187–191.
  8. *Bhabha H.* The Location of Culture. L. ; N. Y., 2004.

9. *Daes E. I.* Globalization, Intellectual Property and Indigenous Peoples // Indigenous Peoples: Resource Management and Global Rights / ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Eburon Delft, 2003. P. 67–73.
10. *Douglas M.* Traditional Culture – Let’s Hear No More about It // Culture and Public Action / ed. by V. Rao & M. Walton. Stanford, 2004. 85–109.
11. *Dyck N.* Aboriginal Peoples and Nation-States: An Introduction to the Analytical Issues // Indigenous Peoples and the Nation State: “Fourth World” Politics in Canada, Australia and Norway / ed. by N. Dyck. Newfoundland, 1985. P. 3–26.
12. *Gupta A., Ferguson J.* Beyond “Culture”: Space, Identity and the Politics of Difference // The Anthropology of Globalization / ed. by J. X. Inda & R. Rosaldo. Oxford, 2002. P. 65–80.
13. *Hansen L. I., Olsen B.* Hunters in Transition. An Outline of Early Sami History. Leiden ; Boston, 2014.
14. *Leman J.* Indigenous and Immigrant Ethnicities: Differences and Similarities // The Dynamics of Emerging Ethnicities. Immigrant and indigenous ethnogenesis in confrontation / ed. by J. Leman. Frankfurt a/M; B. ; Bern, 1998. P. 149–161.
15. *Minde H.* The Challenge of Indigenism: The Struggle for Sami Land Rights and Self-Government in Norway 1960–1990 // Indigenous Peoples: Resource Management and Global Rights / ed. by S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen. Eburon Delft, 2003. P. 75–104.
16. *Neizen R.* Recognizing Indigenism: Canadian Unity and the international movement of Indigenous Peoples // Comparative Studies in Society and History. 2000. Vol. 42. P. 119–148.
17. *Neizen R.* Digital Identity: The Construction of Virtual Selfhood in the Indigenous People’s Movement // Comparative Studies in Society and History. 2005. Vol. 47. P. 532–551.
18. *Paine R.* Aboriginality, Multiculturalism and Liberal Rights Philosophy // Ethnos. 1999. № 3. P. 323–349.
19. *Thuen T.* The concept of indigeneity. Discussion // Social anthropology. 2006. Vol. 14, № 1. P. 24–25.
20. *Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley, 1982.

Рукопись поступила в редакцию 5 октября 2015 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АГАПОВ Олег Дмитриевич — директор НИИ социальной философии Института экономики, управления и права (Казань), профессор, доктор философских наук. E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

БЁМ Ян — профессор Педагогического института Верхней Австрии (Линц, Австрия), доктор философии. E-mail: jan.boehm@ph.ooe.at

БУРБУЛИС Юлия Владиславовна — старший преподаватель кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Burbulis@rambler.ru

ВЕРШИНИНА Татьяна Станиславовна — доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: wtatiana@mail.ru

ГАЙНУЛЛИНА Лиана Файберговна — доцент кафедры философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук. E-mail: lianagai@ya.ru

ГОРБАТОВ Виктор Викторович — старший преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: vgorbatov@hse.ru

ГОРБАТОВА Юлия Валерьевна — доцент школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат философских наук. E-mail: logic-fs@ya.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заместитель директора по образованию Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, доцент кафедры европейских исследований департамента международных отношений этого же института, кандидат исторических наук. E-mail: mariagu@mail.ru

ДИДИКИН Антон Борисович — старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск), кандидат юридических наук. E-mail: abdidikin@ngs.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Павлович — аспирант сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

ЖУРАВЛЕВА-ЛЕЕНАФ Ольга — студентка департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: olga-berkyt@mail.ru

ЗУДОВА Екатерина Олеговна — аспирант кафедры европейских исследований департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ekaterina_zudova@list.ru

КЕСКИ Гинге — руководитель департамента международной торговли и финансов Арельского университета (Стамбул, Турция), профессор, доктор экономики. E-mail: gungorkesci@arel.edu.tr

КИСЛОВ Алексей Геннадьевич — заведующий кафедрой онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доцент, кандидат философских наук. E-mail: kislov@e-sky.ru

КОРЬЯКИНА Евгения Юрьевна — ассистент кафедры зарубежного регионоведения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: e.yu.koryakina@gmail.com

КУРОПЯТНИК Марина Степановна — профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук. E-mail: kuropjatnik@bk.ru

ЛЫСЕНКО Олег Владиславович — доцент кафедры культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, кандидат социологических наук. E-mail: oleg-lysenko@yandex.ru

ПИСКУНОВА Лариса Петровна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: lppiskunova@gmail.com

СТАРОСТОВА Людмила Эдуардовна — доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: starostova5@mail.ru

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна — профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), доктор социологических наук. E-mail: larisa166@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Елена Львовна — заведующая кафедрой философии Института экономики, управления и права (Казань), профессор, доктор философских наук, кандидат культурологии. E-mail: mifoigra@mail.ru

SUMMARY

CONFERENCE “EUROPE IN THE CHANGING WORLD”

- Zudova E. O.* European Regional Policy and Participation of Spanish and Portuguese Regions in the Territorial Cooperation Programs 6

The article analyses the process and outcomes of European regional policy. The author focuses on special programs and projects that involve Spain and Portugal as well as discusses the Iberian regions' initiatives for European integration. Therefore, the aspects of the regional cooperation are best accounted for in the all-European context.

Key words: European Union, Europe, regional policy, regions, Spain, Portugal.

- Koryakina E. Yu.* The Middle East before the Arab Spring: A View from the German Perspective 12

The article surveys the relations of Germany with its Middle Eastern partners including Egypt, Libya, and Yemen prior to the events commonly known as the Arab Spring. It analyzes the evaluation of their causes and crisis exit strategies offered by the German experts. Germany sought new approaches and assisted Egypt's democratization by developing its political institutions and by investing in non-political organizations. For Libya and Yemen, Germany offered humanitarian aid and advice in political reforms. The author concludes that the lack of common approach of the European countries to the Arab Spring and underestimation of the consequences of political crisis in the Middle East hindered the EU to produce the concerted and manifold policy on crisis resolution.

Key words: European Union, Germany, European policy in the Middle East, Egypt, Libya, Yemen, Arab spring, political crisis.

- Guzikova M. O., Vershinina T. S.* Language Policies of Identity in Russia and in Europe: A Comparative Analysis 20

This article discusses the regulation of interethnic relations in Europe and Russia. The authors emphasize the dual character of perceiving imagined community and identity as illusion of simultaneous presence and absence of national character. The experience of identity building in the USA and Russia is investigated; a review of tools for creating common European educational space is given; possible options for development of identity policy in the EU are presented in the article.

Key words: political identity, ethnos, external business communication, identity phenomenon, language policy, language exams standardization, language identity, intercultural competence.

- Emelyanov E. P.* Soviet Historiography's Impact on Russian Studies outside Russia: Cases of N. V. Ustjugov and R. Portal 24

The article focuses on the use of the notion “free vassal relations” coined by the Soviet historian N.V. Ustjugov, which was used in the doctoral dissertation of the French historian R. Portal. R. Portal's interpretation of main theses given in Ustjugov's article “Bashkir Rebellion in 1662-1664” is analyzed; the appropriation of certain ideas is demonstrated; the difference in assessing the Bashkir history of the seventeenth century by Ustjugov and by Portal is investigated; the reasons for the French historian's reliance on the work of the Soviet author are discussed.

Key words: Soviet historiography, French Russian studies, Bashkir, free vassal, N. V. Ustjugov, R. Portal.

CONFERENCE “MODERNITY JUNCTURES:
EXPLORING NEW VISTAS IN THE STUDY OF SOCIETIES”

Lysenko O. V. On Successful “Humies” and Unsuccessful “Techies”: *A Sociological Approach* 30

The article analyzes ideas of success, existing in the modern Russian city. The author, in line with the constructivist approach, defines success as a set of images created in society. The article is based on the findings of sociological surveys conducted in Perm in 2012. These surveys showed that inhabitants of the modern Russian city often view success expressed in two qualities: success as “professional” and as “personal” (“good, kind man”). Respondents who graduated in humanities demonstrate higher confidence in their success than those with technical and natural science education do in their replies. This can be explained by the differences in motivation for education in humanities and in science. The greater chances to acquire transferable skills in humanities education and more universal character of education that humanities provide, have also contributed to the higher self-esteem of “humies.”

Key words: success, modern city, liberal arts education, technical education, Perm.

Piskunova L. P., Starostova L. E. Ekaterinburg’s “Chekist Town”: An Objectification and Transformation of Utopia in Everyday Practices of the Soviet Elite 40

The article presents the study based on oral histories of several generations of “Chekist Town” in Sverdlovsk/Ekaterinburg. The authors explore practices of constructing reality and transformation of the human experience by living in a closed locus of the Soviet world. The aim was to identify and trace the transformation of the Soviet utopia as it was embodied in the residential architecture of constructivism, in the practices of everyday life of Ekaterinburg “chekist’s town.”

Key words: “Chekist Town”, everyday life, urban studies, utopia, constructivism.

Burbulis J. V. “Ontological Turn” in Contemporary Social Theory: Theoretical and Methodological Premises 53

The article considers the methodological premises and theoretical justifications of an “ontological turn” in modern social theory. A new ontology of social and human cognition is described. The implications of the renewal that ontology undergoes due to novel description of sociality and its analysis are discussed. In this study, the author relies on the main principles of Actor-Network theory (B. Latour) and Assemblage theory (M. De Landa).

Key words: ontological turn, transcendentalism, immanentism, postpositivism, experimental metaphysics, plain ontology, reductionism, antireductionism, interiority, exteriority, multiplicity, Actor-Network theory, Assemblage theory.

CONFERENCE “uAnalytiCon-2015: OBJECTS AND STRUCTURES”

Didikin A. B. Rule-following and Legal Language: Arguments of Realism and Antirealism 66

The paper is devoted to the reconstruction of the main approaches to the interpretation of the rule-following problem in legal language. Skeptical arguments on the possibility of conducting the analogy between Wittgenstein’s statements about rule-following problem and practice of application of legal rules and positions of realism and antirealism about the nature of legal rules and their interpretation in practice are considered. Author justifies the position that arguments of Wittgenstein cannot be used directly in legal language, however, his methodological approach to overcome the contradictions of the use of legal terms remains useful and necessary.

Key words: legal language, rule following, rule, legal norm, interpretation, meaning of word.

Gorbatova Y. V. Some Difficulties of Simplified Versions of the Ontological Argument 72

The article is a brief analysis of the discussion of the simplified version of the ontological argument. In 2010, Lynne Rudder Baker and Gareth B. Matthews proposed an argument, which was criticized by Graham Oppy. The present article deals with the problem of an otherwise exact same thing and other ontological construction, which nowadays are obsolete.

Key words: ontological argument, contemporary analytic theology, Kant.

Gorbatov V. V. The “Zombie Argument” and A Priori Entailment Problem 82

The present paper deals with the latest version of Chalmers’s zombie argument which constitutes a serious challenge to materialism in the philosophy of mind. That version includes T- and I- clauses aimed to cope with some recent objections. J. Levine has demonstrated that so-called “Q factor” plays an important role in the argument justification. “Q factor,” though connected with “a priori entailment” problem, is considered by J. Levine apart from “I factor.” In accordance with his view, we propose an alternative and more fundamental explanation for both “Q” and “I” factors’ role in the “zombie argument”. The key point of our approach is that supervenience conditional should be reformulated as a counterfactual one.

Key words: physicalism, zombie argument, two-dimensionalism, modal rationalism, a priori, necessity, supervenience, counterfactual conditionals.

Kislov A. G. On the Language of Logic of the Assertion of Events 92

The combined calculi of sentences and events are designed and discussed with the aim of building non-extensional semantics in modern logical studies. The article is devoted to the issue of semantic categories of languages with the operator of assertion of events. The author considers the problem of semantic status of the operator of assertion of events itself: whether it is the category of building sentences out of the names of events? The semantic status of the event-related terms (names of events) is defined as a procedure of building name out of sentence.

Key words: theory of semantic categories, combined logic of sentences and events, operator of assertion of events.

CONFERENCE “LIFE LONG LEARNING: FURTHER EDUCATION
AS A FACTOR OF PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT”

Böhm J. Life Long Learning and the Recognition of Informally Acquired Skills 100

The article describes an assessment tool, which adult educators could use to measure professional competences acquired by adult education instructors. The developed instrument that is a competence pass, helps to identify the competences that were acquired informally and create pedagogical competence profiles. Recognition of competences by the European educational community enables to make comparisons of required and achieved professional skills and is the prerequisite for recognition and certification of the practitioners.

Key words: competence assessment, adult educators, qualifications, vocational training, further education, transnational mobility, educational institutes.

Agapov O. D. Future of Humanities in the Context of Modernization 109

The article is devoted to the social and philosophical understanding of trends in the development of Russian education in the context of globalization. The author defends the theoretical and methodological position that the humanities should serve the basis for the formation of identity and personality of the Russian society in the conditions of implementation of the permanent policy of modernizing Russia.

Key words: humanities, modernization, dignity, education.

Gaynullina L. F., Yakovleva E. L. Principle of Humanization in Education and Transformation
of Humanism in Modern Society 114

This article analyzes the humanism as a worldview proclaiming a man as the supreme value, which is closely woven into the education system since the antiquity. The idea of humanism has undergone significant transformation with the development of society and philosophical and pedagogical thought. It is emphasized that the reverse side of the modern globalized world, the world of high technology, of informatization and virtualization of society, constitutes growing global challenges, crises and risks of alienation and dehumanization. The lack of a common understanding of humanism in relation to the realities of the twenty first century leads to a variety of derivative forms of humanism such as posthumanism, transhumanism. We recommend to revive humanism and humanity in man, assigning the leading role in this process to the educational system as a unity of human training and development.

Key words: humanism, education, posthumanism, transhumanism, technogumanizm, eugenics, Übermensch, a man as the supreme value.

CONFERENCE “IDENTITY AND MIGRATION IN THE CHANGING WORLD:
METHODOLOGY AND PRACTICE OF EMPIRICAL RESEARCH”

Keşci G. The Impact of the Migration on the Economic Development and International Trade 124

Labor is one of the production factors in the economics and in the International Trade Theory. According to the theoreticians, labor was considered immobile in the international trade, and therefore labor-rich countries had a comparative advantage in manufacturing and trading the labor-intensive products. After the Versailles Treaty in 1919, International Labor Organization has been established, and culminated in adoption of the Declaration, which was the first step to protection of labor rights. In the middle of the twentieth century, industrialized countries with the labor deficiency started inviting the workers from less developed countries. Although the migration stems from the economic, political, social and cultural reasons from the archaic centuries, today's migration based on similar reasons creates a positive impact on the economic development and international trade. The immigrants earn higher wages with the new jobs at the host countries; they develop further investment projects in the host countries and the countries of origin. With the help of migration, the populations of both countries reach a higher level of welfare, and deficits in the balance of payment of both countries are improved. The impact of migration is not only economic, migration also contributes to world peace and friendship among the peoples.

Key words: migration, immigrants, migrants, migrant remittances, international trade, economic development, balance of payments, production factors.

Titarenko L. G. Post-Soviet Labor Migration from “Mobility Turn” Perspective 135

“Migration turn” and the new paradigm of mobility constructed in sociology in the beginning of the twenty first century have created a new theoretical framework for the analysis of the post-Soviet mobility processes. The author discusses the problems of labor migration and focuses on the migration processes between Belarus and Russia. Special attention is paid to the social policy concerning labor migration in these countries.

Key words: labor migration, mobility turn in sociology, Russia, Belarus, post-Soviet space.

Grunt E. V., Guravleva-Leenaf O. Cultural Identity of Russian-speaking Immigrants in Contemporary France 145

The article considers cultural identity of Russian-speaking immigrants in contemporary France. The problems of integration of immigrants into the French culture are discussed. How do they accept or reject it? Do they keep their cultural identity or form the new one?

Key words: migration, migration waves, emigration, cultural identity.

Kurovjatnik M. S. Indigenous Peoples and Migrants: Patterns of Representation of Culture in the Context of Globalization 154

The processual approach makes possible the transition from the perspective of static descriptive definitions of certain groups as indigenous peoples or migrants to the focus on representation of cultural identity in the context of globalization. Rather than simply expanding the boundaries of self-reflection of indigenous peoples and migrants, we should engage in the search for a new legitimate paradigm of conceptualization, creative rethinking of their cultural heritage through construction of such contexts, in which the indigenous identity or the identity of migrants become relevant.

Key words: social anthropology, globalization, indigenous peoples, migrants, cultural identity, patterns of culture representation.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2015
№ 4 (146)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 04.12.2015. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13,4. Усл.-печ. л. 13,8. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 459.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.

2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru